

Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук
Ереванский государственный университет
Южный федеральный университет

АРМЯНЕ ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

Материалы III Международной научной конференции
г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2018

УДК 323.1:94:008(=19)

А83

Редакционная коллегия:

академик Г.Г. Матишов (отв. редактор),
к.ю.н. Л.В. Батиев (зам. отв. редактора), д.и.н. С.С. Казаров (зам. отв. редактора),
к.г.н. Е.Э. Кириллова, к.филос.н. И.В. Пащенко

Конференция проведена в рамках реализации гранта ГРНФ (РФФИ) № 16-01-00319 «Донские (крымские) армяне: интеграция в российское общество и сохранение национальной идентичности», а также гранта РФФИ № 18-59-05004 Арм_а «Армянская община Дона в новейший период: история, институты, идентичность»

Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – 222 с. – ISBN 978-5-4358-0169-9.

Материалы сборника посвящены различным аспектам истории и деятельности армянской общины Юга России. Рассматриваются история формирования армянской общины и ее современное состояние, роль армянского населения в социально-экономическом и культурном развитии региона, взаимодействие с другими народами, этническое самосознание и социальная адаптация армян Юга России. Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем заинтересованным читателям.

УДК 323.1:94:008(=19)

ISBN 978-5-4358-0169-9

© ЮНЦ РАН, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юг России – один из самых многонациональных и поликонфессиональных регионов нашей страны. На протяжении 15 лет Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН) ведет активную научно-исследовательскую работу по изучению социально-экономической жизни, истории, религии и культуры народов макрорегиона. Проводимые ЮНЦ РАН научные конференции, посвященные различным аспектам жизни и деятельности населения нашего макрорегиона в целом, а также отдельных народов, стали уже традицией. Крупнейшей на юге нашей страны армянской диаспоре посвящена третья международная конференция «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее». В ее работе принимают участие ученые из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Более трети заявок было подано из Армении, Украины, Белоруссии, Молдавии, Узбекистана, Италии, Болгарии, Японии. Вопросы, которые обсуждались на первой и второй конференциях ЮНЦ РАН по армянской проблематике (2012 и 2015 гг.), не утратили своей научной актуальности. Сохраняется интерес ученых к проблемам формирования армянской общины и ее современного состояния, роли армянского населения в социально-экономической и политической жизни макрорегиона, вкладу армянского населения в культуру, науку и образование макрорегиона. Важнейшей проблемой для любой диаспоры является межкультурное взаимодействие, социокультурная адаптация и сохранение национальной идентичности и историко-культурной самобытности.

Исторически сложилось так, что на всех этапах российской истории армяне выступали надежными и верными союзниками России. Основой этому служили не только единая вера – христианство, но и общие внешнеполитические интересы. Армяне всегда являлись надежной опорой России на Кавказе, способствуя распространению ее влияния.

Деловые качества армян, проявлявшиеся в развитии торговли, ремесел, сельского хозяйства, привлекали российские власти, которые стремились привлечь этот трудолюбивый народ к освоению пустыющих и неразвитых территорий на юге страны. Так зародились и стали развиваться армянские общины на Дону, на Кубани и Ставрополье. Со временем эти общины росли, пополнялись, значительно повысилась их роль в экономическом и культурном развитии Юга России.

Переселение армян на Юг России должно было вызвать некоторые трудноразрешимые проблемы. Как известно, армяне даже в самые сложные и тяжелые годы чужеземного гнета всегда старались сохранить свои обычаи, свой язык, свою веру, – одним словом, свою национальную идентичность. С другой стороны, проживая на территории России, которая стала их второй

родиной, они должны были постепенно трансформироваться в российское общество. И этот процесс идет успешно и непрерывно.

Проживающие на территории России и ставшие уже россиянами армяне обзавелись собственной микроисторией, которая является составной частью истории нашей страны. И поэтому вполне естественно стремление армян, как российских, так и зарубежных, к познанию и исследованию этой локальной истории.

Рассчитываем на то, что проводимая на базе Южного научного центра РАН Третья международная конференция «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее» будет не просто данью традиции, но станет заметной вехой в истории отечественного арменоведения и послужит, как и две предыдущие, делу развития многонациональной российской культуры и успешного взаимодействия российского и армянского народов на всех уровнях.

Академик Г.Г. Матишов

О ГРУППОВОМ ПЕРЕХОДЕ КРЫМСКИХ АРМЯН В РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В АЗОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Традиционно история массового перехода крымских армян в российское подданство рассматривается в историографии исключительно через призму эпохального переселения 1778–1779 гг. Однако первые группы армян из османских городов Крыма приняли российское подданство, не покидая территории Крымского полуострова, несколькими годами ранее. Это произошло после покорения Крыма армией генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова в 1771 г., в результате которого Крымское ханство вышло из войны, было признано Российской империей суверенным государством, а территория Кафинского эяялета Османской империи вошла в его состав. Впервые новая региональная геополитическая реальность была зафиксирована в Карасубазарском договоре 1772 г. между Россией и Крымом, а впоследствии признана Османской империей при подписании Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. Примечательно, что возможность смены подданства для крымских христиан не была предусмотрена ни Карасубазарским, ни Кючук-Кайнарджийским договорами [1].

В соответствии с Карасубазарским договором 1772 г. российские власти уступили Крымскому ханству г. Кафу, три столетия являвшийся центром османских владений в Крыму, а Керчь и Еникале оставили под своим контролем в связи с их особой стратегической важностью, что в 1774 г. было подтверждено Кючук-Кайнарджийским договором. В 1775 г. эти две крепости на Керченском полуострове вошли в состав образованной Азовской губернии [2]. Таким образом, уже вскоре после оккупации российской армией Крыма там создались условия, в которых местные христиане могли сменить подданство, не уезжая с полуострова, чем некоторые из них не преминули воспользоваться (например, кафинские армяне Иван Абрамов (Ованес Абрамян) и Маркос Сергеев (Кюмушли), отец адмирала Лазаря Марковича Серебрякова, поступившие на российскую службу еще в 1771 г. [3]). Нормализация отношений России с Крымским ханством, а затем и с Османской империей после окончания войны 1768–1774 гг., вероятно, сделала выбор такой жизненной стратегии для крымских христиан по-настоящему актуальным. Среди материалов делопроизводства канцелярии князя Григория Александровича Потемкина, отложившихся в фонде «Внутреннее управление» Российского государственного архива древних актов, сохранились документы, позволяющие судить о конкретных результатах этого выбора и масштабах его реализации.

Именные списки крымских армян, перешедших в это время в российское подданство, содержится в двух не датированных ведомостях, отправленных керчинским и еникальским обер-комендантом генерал-майором Николаем

Владимировичем Борзовым губернатору Азовской губернии генерал-майору Василию Алексеевичу Черткову вместе с тремя другими аналогичными документами. Вероятно, они были составлены под руководством Н.В. Борзова, заверившего их собственноручной подписью, в первых числах марта 1776 г. В.А. Чертков переслал ведомости генерал-губернатору графу Г.А. Потемкину при рапорте 11 марта 1776 г., в котором охарактеризовал их информативность, отметив, что они включают в себя сведения «о состоящих в крепостях Керчь и Ениколе российских, из каких они городов, так о прибывших к поселению из Архипелага греческих и армянских купцах, а равно и о вступивших в подданство Российской империи оставшихся при взятые сих крепостей армянах, греках и прибывших из Кефы, вступивших в службу в компанейских полках из армян и других наций чинах, тож и из Албанского войска о имеющих там промысл, с показанием, сколько от роду лет, и велик ли торг имеют...» [4]. Ведомости можно считать довольно содержательными, так как помимо имен собственных в них имеются данные о степени родства названных лиц, их возрасте, конфессиональной принадлежности, военном чине и размере торгового капитала (при наличии таковых). Рассмотрим информационный потенциал этих источников.

1. «Ведомость, сколько состоит в крепости Ениколе вступивших в компанейские полки и в подданство российское бывших в Кефе и в других городах жителей армян и греков, и кто из них несколько торгу имеют» [5].

Документ включает в себя список из 55 человек, в том числе 47 армян и 8 греков. Из этих армян 39 человек проживали в Еникале и 8 – в Керчи. Среди керченских армян было пятеро мужчин, из которых трое занимались торговлей, а также две женщины и один ребенок (мальчик четырех лет). Пятеро из этих людей приходились друг другу родственниками. Из еникальских армян 21 человек – мужчины, 9 – женщины, и 9 – дети (4 мальчика и 5 девочек). 13 мужчин и 15-летний подросток служили в малороссийских компанейских полках сотниками, есаулами и хорунжими. 9 мужчин, включая семерых военнослужащих, торговали. Трое семейных мужчин зафиксированы как католики. Среди проживавших в Еникале компанейских сотников как минимум трое позже переселились со своими семьями в Азовскую губернию, где играли заметную роль в жизни городов Екатеринослав и Нахичеван. Это уже упоминавшийся Иван Абрамов – первый председатель нахичеванского Армянского магистрата, дослужившийся затем до чина подполковника армии [6], Ананий Антонов – первый председатель екатеринославского Католического суда, и Степан Чалохушев – родоначальник известной впоследствии нахичеванской династии Чалхушьянов, предок юриста, краеведа и общественного деятеля Григория Христофоровича Чалхушьяна [7].

2. «Ведомость, сколько состоит в крепостях Керчь и Ениколе армян, греков и другого звания людей, оставшихся в подданство российское со времени взятые тех крепостей, с показанием на сколько кто из них торгу имеют» [8].

В ней перечисляется уже 163 человека разных национальностей, в том числе 49 армян. Из них 5 человек проживали в Еникале, и 44 – в Керчи. Но это не те люди, которые фигурируют в предыдущей ведомости. Все пятеро еникальских армян были мужчинами, при этом двое приходились сыновьями двум другим. Керченские армяне представлены 15 мужчинами, 12 женщинами и 19 детьми (10 девочек и 9 мальчиков, включая 17-летнего юношу). Торговыми капиталами располагали только один армянин из Еникале и один – из Керчи.

Таким образом, если сложить названную в обеих ведомостях численность армянского населения крепостей Керченского полуострова, получится 96 человек, в том числе 44 – в Еникале и 52 – в Керчи. Для сравнения: к сентябрю 1778 г. из Крымского ханства в Россию мигрировало 12 598 армян, из которых 5551 человек были выходцами из Кафы [9]. Вполне очевидно, что подавляющее большинство крымских армян до начала организации массового переселения в Россию, несмотря на свое специфическое положение в социальной структуре мусульманского государства, не были склонны к коллаборационизму, оставались верными подданными крымского хана и не связывали свое будущее с соседней империей.

Примечания

1. *Мальгин А.В.* Завоевание Крыма войсками 2-й армии князя В.М. Долгорукова в 1771 году // Историческое наследие Крыма: сб. ст. Симферополь, 2016. С. 98–116; Карасубазарский трактат 1772 года: сб. док. Симферополь, 2015 (Проблемы истории Крыма. Вып. 2). С. 45–49; *Дружинина Н.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. Прилож. № 3. С. 349–361.

2. Карасубазарский трактат 1772 года. С. 47–48, 58–59; *Дружинина Н.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года ... Прилож. № 3. С. 355; Полное собрание законов Российской империи с 1749 года. Т. 20. СПб., 1830. № 14252. С. 55–56; Описание границ и городов бывшей Азовской губернии: архивные источники // Новицкий Я.П. Твори. У 5 т. Т. 4. Ч. 1. Запоріжжя, 2010. С. 134; Карта части границы Российской империи с Польшею и крымскими татарами, с показанием на оной прежней Украинской и вновь заложенной Днепровской линий и всего полуострова Крыму с доставшимися по заключенному в 1774-м году мирному трактату при Кучук-Кайнардже крепостями Кинбурном, Керчью и Еникулем, кои и причислены к Азовской губернии // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25877. Л. 8.

3. *Дубровин Н.Ф.* Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения: [В 4-х т.]. Т. 1. СПб., 1885. № 191. С. 601; *Микаэлян В.А.* Аттестаты Маркоса Кюмушли (Серебрякова) // Вестник общественных наук.

1977. № 2. С. 99–107; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 588. Ч. 9. Л. 8–9.

4. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 588. Ч. 1. Л. 14–14 об.

5. Там же. Л. 15–16.

6. Казаров С.С. Первый нахичеванец на военной службе России // Известия вузов: Северо-Кавказский регион. Сер.: Обществ. науки. 2017. № 1. С. 53–56 (автор указывает неверный год начала службы И. Абрамова, противоречащий данным его формулярного списка 1781 г.).

7. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 588. Ч. 9. Л. 65–66; там же. Ч. 13. Л. 271–271 об., 292 об., 427–427 об.

8. Там же. Ч. 1. Л. 22–25. Копия: там же. Ч. 13. Л. 25–28 об.

9. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 2. СПб., 1885. № 298. С. 711–714.

К.Р. Авакян

ЮРИСТ-ДИПЛОМАТ, ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВЫХ АРМЯНСКИХ
ЛОББИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ЗАПАДЕ МИГРАН СВАЗЛЯН
О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ АРМЕНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Национальный, общественно-политический деятель, юрист, дипломат, писатель-публицист Мигран Свазлян (Свазли) (род. в Измире в 1863 г., умер в Бостоне в 1935 г.) был основателем первых армянских лоббистских организаций в Великобритании и США.

Окончив юридический факультет университета Экс во Франции, М. Свазлян перебрался в Лондон. Здесь, задавшись целью донести до европейцев суть армянского вопроса (*ай дат*), в 1888 г. он начал издавать газету «Айастан» (*Армения*), на страницах которой публиковались статьи известных европейских политических деятелей и прогрессивных мыслителей, сплотившихся вокруг газеты. Возвратившись на Кипр в 1893 г., М. Свазлян занялся адвокатской деятельностью, вместе с тем продолжая выступать с многочисленными общественно-политическими статьями в европейских и американских газетах. Он также принимал участие в европейских революционных движениях, стремясь ознакомить иностранцев с армянским вопросом и обрести друзей-арменофилов. В 1908 г. он переехал в США, где продолжал заниматься адвокатской практикой [1].

В марте 1917 г. М. Свазлян основал в Бостоне первую армянскую лоббистскую организацию в США – Армянский национальный союз Америки

(АНСА), председателем которой являлся до ее распада в 1922 г. Он также был представителем Армянской национальной делегации Парижа (созданной в 1912 г., председатель – Погос Нубар) в Вашингтоне, а после перемирия – также и в Афинах. Целью Армянского национального союза Америки было объединение материальных возможностей и моральных усилий армянской общины США во имя освобождения Армении, а также организация проармянской пропаганды и дипломатической работы. За короткое время в США были созданы 187 отделений союза. Под редакцией М. Свазяна Армянский национальный союз Америки издавал англоязычный журнал “The Armenian Herald” (1917–1919 гг., Бостон) [2].

Несмотря на наличие политических разногласий, союз впервые в истории армянской общины страны смог консолидировать все политические, церковные и благотворительные учреждения во имя единой национальной цели, организовать движение добровольцев среди американских армян («Восточный Легион», 1917 г.), основать пресс-офис (1918 г.), дабы привлечь внимание общественности США и Европы к армянскому вопросу. Кроме того, союз организовал общенациональный сбор денег, способствовал предоставлению признанных официальными кругами США и Европой паспортов-свидетельств своим изгнанным соотечественникам и т.д. Благодаря активным усилиям председателя Армянского национального союза Америки М. Свазяна президент США Вудро Уилсон в 1920 г. выступил в Конгрессе с предложением установить мандатный контроль над спорными армянскими территориями [3].

Однако взгляды Миграна Свазяна резко и адекватно изменились после Лозаннской конференции (1922–1923 гг.), когда рухнули связанные с западными государствами надежды армян, рассеянных по всему миру в результате учиненного в Османской империи геноцида (1915–1923 гг.), а новое армянское государство (1920 г.), хотя и советское, созданное всего лишь на 1/10 части территории некогда исторической Армении, было свершившимся фактом. Будучи воспитанным в западном обществе и, следовательно, носителем западных идей, тем не менее прагматик М. Свазян обратил свой взор к России, с которой уже была связана судьба Восточной Армении еще с 1828 г. и о которой мечтало большинство как восточных, так и западноармянских реалистов-просветителей, писателей-публицистов, арменоведов-педагогов, интеллигентов-демократов, а также деятелей общественно-политического, национально-освободительного движения, приложивших немало усилий в этом направлении.

Вот о чем писал Мигран Свазян в своей статье «Наше направление», объективно оценивая опыт прошлого и исторические реалии: «Если бы Бога не существовало, следовало бы его создать, часто говорил известный философ XVIII века (Эмерсон. – К.А.). Мы, армяне, можем усвоить иную мысль: “Если бы России не существовало, следовало бы ее создать”, ибо этого тре-

буют высшие интересы армянства... К счастью, нам не нужно было создавать ее, так как Россия была рядом, по соседству; она по своей сути так же необходима нам, как вода, которую мы пьем, и воздух, которым мы дышим. Критиковать легко... Те, кто критикуют российскую направленность, или *ориентацию*... либерал-демократической (Рамкавар. – К.А.) партии, должны сказать – чем они заменят ее. Народ Армении и ее нынешние лидеры усвоили это и довольны. Народ спокоен, защищен, наслаждается самостоятельной жизнью. Может развивать свой язык, свою культуру, его национальная церковь относительно независима, и прогресс повсеместный. Повторять это нет нужды, ибо они всем нам известны. Но в конце концов это направление и не ново, оно довольно-таки старо. Вот только нет необходимого стимула для его реализации, чтобы извлечь из этого пользу, благодаря [проведению] серьезной и дальновидной политики. От Исраела Ори до Григора Арцруни девизом этих великих людей было [следующее]: “Судьбу Армении связать с Россией”. У обоих был опыт в международных вопросах, оба, а вместе с ними и другие, следили за всеми этапами прогресса России и усвоили, какую выгоду можно обеспечить для гарантированного существования и развития будущего армянского народа» [4].

Далее М. Свазян, обращаясь к возникновению армянского вопроса и постоянным противоречиям в вопросе политической ориентации армян, а также к соотечественникам, которые даже после периодических погромов армян продолжали возлагать надежды на Турцию, анализирует религиозно-психологические особенности исторического прошлого русских и турок, указывая на освободительную миссию России на Балканах и в ближневосточных регионах и на необходимость ее господства: «...Взгляните на документы 1870–1876 гг., изданные [Армянским] патриаршеством [Константинополя], и вы убедитесь, что политику уничтожения армян начали претворять в жизнь сразу после Крымской войны [1853–1856 гг.]. Армяне были обречены на смерть, и с тех пор эта политика осуществлялась разными способами. Абдул Гамид стимулировал эту политику, и младотурки с Кемалем завершили ее. ...Девизом турецких государственных деятелей стал призыв “Турция для турок”. С этого дня наша судьба была решена. К сожалению, этого не поняли наши “государственные” деятели. Мы продолжали придерживаться прежнего направления [в нашей политике], не захотев понять, кто же наш враг. Об этом довольно-таки много я писал еще в 1889 г. в газете “*Айастан*”. ... Но красота Босфора, пожалуй, явилась причиной бездействия армян в этом направлении. ...Однако был незабываемый Тигран Еркат (Армянский писатель, переводчик, публицист, общественный деятель (1870–1899). – К.А.), который в своих бессмертных работах... с пронизательностью государственного деятеля и со свойственным ему философским мышлением утверждал... что христианские народы Востока могут спастись лишь тогда, когда Россия утвердится на Ближнем Востоке и продолжит свое традиционное дело.

Не преувеличивая, можно сказать, что освобождение балканских народов состоялось благодаря вмешательству России. Даже Греция, обретшая частичную свободу решением подписанного между Англией и Россией Лондонского протокола 1827 г., не вырвалась бы из когтей Турции, если бы в 1828 г. войска России не дошли бы до Адрианополя и не вынудили бы султана повиноваться требованиям государств. Историю нельзя повернуть вспять, и стоит всегда возвращаться к этой полезной теме».

Анализируя новую политическую ситуацию, в которой оказались армяне после Лозаннской конференции (1922–1923 гг.), М. Свазлян призывает армян как Армении, так и диаспоры восполнить пробелы прошлого и настоящего, чтобы противостоять новым вызовам истории: «С 1890 до Лозаннской конференции, на которой “великими державами” были попораны права цивилизации, армянам не доставало национальной политики. ...Неточность, недалководидность, внутренние трения и паника охватили нас, и наше национальное судно, лишенное штурвала, бушующей морской стихией бросало в разные стороны. Но в конце концов оно, как Ноев ковчег, закинуло якорь в определенном месте (имеется в виду установление советской власти в Армении. – К.А.), и две трети народа были спасены. Надо оценить эту новую ситуацию. Необходимо укрепить наши отношения с российским фактором. Надо убедить весь мир в том, что мы, армяне, являем собой полезный импульс и наши интересы подводят нас к тому, чтобы продолжить путь, начертанный Израелем Ори, Арцруни и Тиграном Еркатом. Но и заграница должна сыграть важную роль. Несомненно, деятельность Еревана не лишена промахов. Ереван должен осознать, насколько он нуждается в нашей поддержке. А мы, не колеблясь, продолжим начатое дело».

Современные геополитические процессы свидетельствуют о том, что мысли и дела юриста-дипломата Миграна Свазляна, равно как и его надежды и разочарования, мечты и чаяния актуальны по сей день в силу того, что они исходят из исторической судьбы армянского народа, осознания национальной цели, из его принципиальных позиций и патриотизма.

Примечания

1. *Месиаян Ер.* Под знаменем. Нью-Йорк: «Айк», 1918. С. 156, 161–163, 167, 170, 173. (на арм. яз.).

2. Вестник Армянского национального союза Америки. 1917–1921 гг. Бостон: «Азг-Паак», 1922. С. 11–12, 27–28, 30–31. (на арм. яз.); Конституция и устав Армянского национального союза Америки. Бостон, 1917. С. 1–2, 19–20 (на арм. яз.); *Авакян К.* История армянской колонии Соединенных Штатов Америки (от начала до 1924 г.). Ереван: «Гитутюн», 2000. С. 116–120, 144, 154. (на арм. яз.).

3. *Джизмеджан М.Г.* История армянских политических партий США (1890–1925). Фрезно: «Нор ор», 1930. С. 352–353, 360, 366–368, 370–378. (на арм. яз.).

Национальный архив Республики Армения (НА РА). Ф. 57. Оп. 5. Д. 222. Л. 8а–8б. (на арм. яз.).

4. В память о Мигране Связяне. Заметки и впечатления, политические и национальные теории. Бостон, 1944. С. 5–9 (на арм. яз.).

В.Р. Аветисян

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЯТИЯ «ПРАВИЛ ОБ АРМЯНО-ГРИГОРИАНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ УЧИЛИЩАХ НА КАВКАЗЕ» ДЛЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО МУЖСКОГО АРМЯНСКОГО ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОГО УЧИЛИЩА В КОНЦЕ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Армянское церковно-приходское училище г. Ставрополя на протяжении второй половины XIX в. находилось в условиях давления со стороны российского правительства, которое в зависимости от внутренних и внешнеполитических факторов как поддерживало Армянскую апостольскую церковь, так и препятствовало ее развитию.

Одними из первых историю Армянской апостольской церкви, армянского церковно-приходского училища г. Ставрополя в своих трудах затронули такие исследователи, как Б.Т. Ованесов [8], В.З. Акопян [1], которые на основе архивных материалов описали процесс учреждения, деятельность и причины закрытия училища. Целью статьи является ввод в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов, направленных на дальнейшее изучение деятельности Ставропольского мужского армянского церковно-приходского училища.

Одним из активных деятелей развития армянского конфессионального образования в Ставрополе являлся отец известного ученого-востоковеда К.П. Патканова – Петр Серафимович Патканов (Тер-Петрос Патканьян). С 1834 г. П.С. Патканов, будучи настоятелем Ставропольской приходской церкви, одновременно преподавал Закон Божий и армянский язык в Кавказской областной гимназии. В 1842 г. им была подготовлена и опубликована на армянском языке книга «Начертания армяно-григорианской литургии», а в 1843 г. он издал «Практические упражнения в переводах с русского языка на армянский» [7, с. 159].

Учебный процесс армянских церковно-приходских школ отличался от других национально-религиозных образовательных учреждений. Так, в них наравне с религиозными предметами преподавались и общеобразовательные: история, география, физика и др. [8, с. 51]. В 1872 г. в Тифлисе, как отмечает Б.Т. Ованесов, специально для Ставропольской национальной духовной школы был издан «Букварь чтения для армянских школ» [8, с. 53].

Несмотря на свою значимость для армянского народа, деятельность армянских церковно-приходских училищ во многом зависела от общей национальной политики государства в разные исторические периоды. Время правления императора-миротворца Александра III вошло в историю как период контрреформ и усиленной русификации неславянских народов империи. Данная политика не обошла стороной и представителей армянских общин. В частности, 16 февраля 1884 г. были изданы «Правила об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе» [2], которые вызвали широкую полемику в обществе, в особенности среди армянского населения.

Одна из главных задач «Правил» заключалась в изъятии церковно-приходских школ из ведения церкви, «так как правительство хорошо знало, что местные школы содержались за счет доходов общества и находились в непосредственном ведении католикоса, и поэтому не имело права контролировать их деятельность» [8, с. 55].

Действия властей вызвали недовольство армянской общины Ставрополя и привели к гражданскому противостоянию с губернским руководством. В Государственном архиве Ставропольского края, в фонде Ставропольского городского полицейского управления хранятся документальные материалы, ранее не введенные в научный оборот, которые способствуют дальнейшему, более детальному изучению истории армянского церковно-приходского училища Ставрополя.

Так, в фонде имеется письмо от 2 февраля 1885 г. № 304, адресованное ставропольскому полицмейстеру и сообщающее об извещении представителей армянского духовенства о соблюдении новых правил для национальных училищ губернии:

«В телеграмме от сего февраля за № 1137 генерал-адъютант Шереметев, сообщая, что по Высочайшему повелению Главноначальствующим, 8 февраля телеграфировано Эчмиадзинскому синоду и Армянским епархиальным начальником приняты в двухнедельный срок к исполнению и руководству правила 16 февраля о церковных училищах, кои не подчинятся законным требованиям учебного начальства, просит оказать представителям учебного округа полное содействие к исполнению сего повеления и немедленно закрывать не подчиняющиеся оному училища, с донесением об этом Главноначальствующему. Давая об изложенном знать Вашему Высокоблагородию для сведения и надлежащего исполнения в отношении армянских училищ, находящихся в городе Ставрополе...» [3].

В письме губернатора Карла Львовича Зиссермана ставропольскому полицмейстеру от 4 марта 1885 г. сообщается о необходимости закрытия в городе армянского церковно-приходского училища:

«Усматривая из донесения Вашего Высокоблагородия от 26 февраля за № 2557, что попечитель Ставропольской армяно-григорианской школы священник Бек-Гулянц отказался принять к исполнению высочайше утверж-

денные 16 февраля 1884 года правила об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе, а на основании распоряжения за отсутствием Главного начальствующего, помощника его генерал-адъютанта Шереметева, предлагаю Вам немедленно, с получения сего, закрыть названную школу и о последующем донесении мне» [4].

Опасаясь незаконных действий со стороны армянской общественности после закрытия церковно-приходского училища ставропольский полицмейстер Филимонов 7 декабря 1885 г. направил приставу 1 части города Ставрополя письмо за номером № 17491, в котором сообщал о необходимости надзора за училищем:

«Предлагаю Вашему Высокоблагородию донести мне немедленно: имеется ли с Вашей стороны наблюдение за не открытием Ставропольского армяно-григорианского училища, закрытого мною совместно с Вами 4 марта сего года ввиду сделанного священником Бек-Гулянцом отказа принять к исполнению вышеутвержденные 16 февраля 1884 года правила об армяно-григорианских училищах на Кавказе...» [5].

Если ставропольские губернские власти стремились полноценно исполнять распоряжения правительства страны, то общекавказские органы управления были нацелены на поиск компромисса. Решение назревшего кризиса было отражено в официальном письме главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова от 31 марта 1886 г., направленного, как указано в документе, «губернаторам, начальникам областей и других частей Кавказского края».

Текст письма гласил: «Вследствие возбужденного Патриархом-католиком всех армян Макарием ходатайства о некоторых изменениях в правилах 16 февраля 1884 г. об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе, Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

Оставив означенные правила [в] нынешней их редакции, разъяснить:

I. В дополнение к п. 1 правил, что число классов в начальном училище ни в каком случае не может и не должно предоставлять продолжительность прохождения курса... поэтому продолжительность курсов для начальных училищ, содержаемых земствами, обществами и для церковно-приходских школ не определена, а для двухклассных и одноклассных училищ Министерств народного просвещения определяет для первых в пять лет, для вторых не менее трех лет.

II. За отсутствием в правилах 16 февраля 1884 г. таких постановлений, которые могли бы принципиально препятствовать учреждению при церковных училищах, согласно желанию Святейшего Макария, дополнительных классов с однолетним курсом, с целью усвоения и пополнения своих знаний в объеме курса одноклассных и двухклассных училищ, лицами, окончившими курс в означенных училищах, патриарх-католикос имеет полную возможность входить через главнокомандующего гражданской частью на Кавказе с ходатайством об открытии оных тогда, когда в них будет ощущаться надобность...

III. Ходатайство патриарха-католикоса об изменении пункта 3 означенных правил должно быть признано уже удовлетворенным, действующим законом, так как употребленное в указанном пункте выражение “духовное начальство” должно всецело относиться к лицу католикоса как верховного главы армяно-григорианской церкви... Поставляя о вышеизложенном в известность, имею честь просить г.г. губернаторов, начальников областей и других частей Кавказского края в случае получения местным армяно-григорианским духовным начальством распоряжения патриарха-католикоса об открытии церковных училищ сего вероисповедания на точном основании Высочайше одобренных правил 16 февраля 1884 г., допустить открытие оных...» [6].

Таким образом, выявленные архивные документы свидетельствуют о том, что благодаря активной гражданской позиции армянской общественности, а также представителей армянского духовенства Ставропольской губернии в период активной русификации удалось сохранить армянское губернское конфессиональное образование, сыгравшее немаловажную роль в сохранении самосознания и этнической идентичности.

Примечания

1. *Акобян В.З.* Армянская апостольская церковь на Ставрополье и Тереке. Пятигорск, 2000. 195 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Д. 1407. Л. 1-2об.
3. ГАСК. Ф. 188. Оп. 19. Д. 13. Л. 1-2.
4. Там же. Л. 8.
5. Там же. Л. 12-12об.
6. Там же. Л. 18-19об.
7. *Краснов М.* Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь, 1887. 182 с.
8. *Ованесов Б.Т.* Армянская община города Ставрополя. Ставрополь: ГУП СК «Ставропольская краевая типография», 2005. 280 с.

А.А. Акобян

ГЕНОЦИД АРМЯН ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ДИПЛОМАТА

Прошло больше столетия с момента величайшей трагедии в истории армянского народа. 1915 год навсегда останется черной страницей в истории человечества. Однако несмотря на обилие архивных документов и историче-

ских исследований, которые доказывают преступления Османской империи против собственных подданных, многие в наши дни отказываются признавать геноцид. Именно поэтому стоит снова и снова рассматривать отдельные аспекты случившихся в 1915 году событий. Для этого мы обратились к воспоминаниям стороннего наблюдателя, который наиболее объективно и взвешенно подошел к описанию событий, – американского посла в Османской империи Генри Моргантау [1].

Генри Моргантау-старший родился 26 апреля 1856 г. в Германии, затем в 1865 г. его семья переехала в Соединенные Штаты Америки. В 1877 г. Моргантау окончил юридический факультет Колумбийского университета. Большую часть своей жизни он занимался финансовой, дипломатической и общественной деятельностью. В период с 1899 по 1913 гг. он возглавлял крупные финансовые компании. В 1912–1916 гг. принимал участие в избирательной кампании Вудро Вильсона на пост президента США, а также руководил финансовыми вопросами Демократической партии. После победы Вильсона Моргантау надеялся на пост в кабинете министров, однако президент отправил его послом в Османскую империю.

Генри Моргантау большую часть своей жизни состоял на дипломатической службе и представлял Соединенные Штаты Америки в разных частях света. Перед началом Первой мировой войны в 1913 г. он стал послом в Стамбуле, где представлял интересы союзных стран, которые воевали с Турцией. С первых дней службы в Турции он стал отмечать пагубные явления во внутренней и внешней политике ослабевшей Османской империи. Именно Моргантау одним из первых заметил сильнейшее влияние на турецкое правительство со стороны Германской империи.

Помимо этого Генри Моргантау в книге «Трагедия армянского народа. История посла Моргантау» доказывает непосредственное влияние правительства Германской империи на турецкую политику в отношении армянского населения. Посол жестко критикует замалчивание и бездействие германских посланников в отношении геноцида армянского народа в 1915 г. Наибольшую вину за происходившие события Моргантау возлагает на посла Германии Вангенхайма.

Несмотря на то, что основной задачей Г. Моргантау было обеспечение безопасности американских граждан в Османской империи, в основном христианских миссионеров и евреев, одним из вопросов, которые его больше всего волновали, был армянский вопрос [2, с. 223]. После начала войны в 1914 г. США соблюдали нейтралитет, поэтому американское посольство в целом, и Моргантау в частности, представляли интересы Антанты в Стамбуле, поскольку члены Антанты отозвали свои дипломатические миссии из-за военных действий.

При написании книги о событиях в Турции посол основывался на большом количестве документов, которыми он располагал при нахождении

в Стамбуле. Сразу же после начала истребления армян американские консулы и другие представители США, которые находились в восточных провинциях Османской империи, присылали на имя посла депеши и донесения. В данных документах содержались ужасающие подробности преступлений турок против армян, они документировали массовые убийства и депортационные марши [3, с. 334].

Столкнувшись с накопленными доказательствами, Моргантау официально сообщил правительству США о действиях османского правительства и попросил Вашингтон вмешаться [3, с. 333]. Однако американское правительство, не желая ввязываться в споры и желая продолжить оставаться нейтральной державой в конфликте, не высказало никакой реакции по поводу истребления армянского народа.

Моргантау провел встречи на высшем уровне с лидерами Османской империи, чтобы попытаться облегчить положение армян, но турки отказались что-либо предпринять и проигнорировали его протесты. Г. Моргантау предупредил министра внутренних дел Османской империи Талаат-пашу о последствиях подобных действий, заявив: «Наши люди никогда не забудут этих массовых убийств» [3, с. 335]. По мере того как массовые убийства, казни и преследования армян продолжались, Моргантау и несколько других американцев, проживавших в Османской империи, решили создать общественный комитет по сбору средств, который помог бы армянам покинуть территорию Турции и обустроиться на новом месте. Комитет по армянским злодеяниям (впоследствии переименованный в Ближневосточную помощь) собрал пожертвования на сумму 100 млн долларов США.

Моргантау продолжал доносить правду о событиях в Анатолии до мировой общественности. Благодаря своей дружбе с издателем «Нью-Йорк Таймс» Адольфом Оксом он опубликовал 145 статей о положении армянского населения на протяжении 1915–1918 гг. [3, с. 336].

Возмущенный отсутствием реакции на геноцид целого народа как со стороны Османской империи, так и со стороны Соединенных Штатов Америки, Моргантау ушел в отставку с поста посланника в 1916 г. О своем решении в книге «Трагедия армянского народа» он написал: «Я обнаружил невыносимой мою дальнейшую повседневную связь с мужчинами, как бы ни были любезны и гостеприимны ... которые уничтожили почти миллион человеческих судеб» [2, с. 143].

В 1918 г. Моргантау выступил с публичными выступлениями в Соединенных Штатах Америки, в которых предупреждал, что греки и ассирийцы подвергаются «тем же методам» депортации и «массового убийства», как прежде армяне, и что уже погибло около двух миллионов армян, греков и ассирийцев [4, с. 327].

Таким образом, Генри Моргантау стал одним из первых крупных политических фигур начала XX в., которые открыто признали геноцид армянского

населения Османской империи. Он открыто выступил в защиту армян и осудил турецкую политику геноцида. Моргентау многое сделал для освещения этой проблемы в СМИ и донесении правдивой информации до правительств США и европейских государств. Заслуга Моргентау заключается также и в создании специального фонда, который помогал выжившим армянам, бежавшим из Османской империи. Он также создал «Комитет по злодеяниям против армян». Посол не остался в стороне от бед армянского народа и посредством создания фондов помогал выжившим устроить свою жизнь вне пределов Турции.

Примечания

1. *Моргентау Г.* Трагедия армянского народа. История посла Моргентау / пер. с англ. А. Фролова. М., 2009. 336 с.

2. *Balakian P.* The Burning Tigris: The Armenian Genocide and America's Response. New York, 2003. 493 p.

3. *Oren M.B.* Power, Faith, and Fantasy: America in the Middle East, 1776 to the Present. Armenian Research Center collection, 2007. 832 p.

4. *Travis H.* Native Christians Massacred: The Ottoman Genocide of the Assyrians during World War I. Genocide Studies and Prevention. Vol. 1. No. 3. December 2006. P. 320–339.

В.З. Акопян

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ УРОКИ ПАТРИОТИЗМА АНДРАНИКА

В настоящей статье рассматривается пребывание на Северном Кавказе осенью 1917 г. выдающегося полководца Андраника Озаяна. Кратковременная, третья по счету миссия национального героя в регион преследовала цель активизировать деятельность армянских общин по организации благотворительной помощи своим соотечественникам, спасшимся от геноцида, и предостеречь их от губительных для нации псевдореволюционных идей.

Андраник Торосович Озаян (1865–1927) родился в западноармянском городе Шапин-Карахисар. В конце 1880-х гг. примкнул к движению армянских фидаинов и к концу 1890-х гг. стал общим руководителем отрядов повстанцев. О его подвигах ходили легенды. Им восхищались соотечественники и панически боялись враги. В Первую Балканскую войну (1912–1913) армянские добровольцы во главе с Андраником и Г. Нжде в Болгарии громили превосходящие силы турецкой армии. С началом Мировой войны русское командование поручило Андраннику сформировать и возглавить первую

добровольческую армянскую дружину. Добровольцы, сражавшиеся самоотверженно, особо отличились в боях за Ван, Битлис, Муш, Эрзерум и другие западноармянские города.

В 1916 г. Андраник выразил несогласие с решением генерала Юденича влить отряды добровольцев в состав регулярных частей, так как командование в любой момент могло перебросить боеспособные отряды из Западной Армении на другие участки фронта, обрекая армян на неизбежную гибель [1].

После этого Андраник подал в отставку и всецело посвятил себя организации помощи беженцам. С этой целью он летом – в начале осени 1916 г. посетил Пятигорск, Армавир, Майкоп, Нор-Нахичеван и другие города, где содействовал сбору средств для оказания помощи западноармянским беженцам [2].

О втором приезде героя в регион в январе 1917 г. сообщается в воспоминаниях очевидца, опубликованных в «Исторической летописи боевых действий генерала Андраника на Кавказском фронте 1914–1917 гг.». В них читаем: «Было это в начале 1917 г., когда Андраник после посещения Кисловодска, Пятигорска, Нахичевани прибыл в Армавир и остановился в одной из армянских семей. Армяне Армавира содержали на свои средства 65 сирот. Командир Андраник выразил желание увидеть их и с двумя местными национальными деятелями направился в сиротский дом. Застав сирот голыми, босыми, в жалком состоянии, мы, растерянные, вернулись домой. В этот день местные армяне устроили банкет в честь героя. Когда тамада преподнес 15 000 рублей в дар Андранику, сказав: “Ваши земляки эту скромную сумму дарят Вам, чтобы потратили на свой отдых” (да еще 2000 рублей армяне Ялты прислали в дар командиру), Андраник, который был под впечатлением жалкого состояния сирот, взволнованно выразил благодарность за признание своих заслуг и сказал: “А я для успокоения своей души из этой суммы дарю 10 000 рублей сасунцам, которые понесли много жертв, 3000 рублей дарю местным сиротам, с положением которых ознакомился, и 2000 рублей дарю органу западных армян – ежедневной газете “Айастан”. “Ты бери себе эту сумму, – сказали присутствующие, – мы и о сиротах позаботимся, и беженцам поможем”. Но командир отказался, выразив благодарность» [3].

Третий визит полководца в регион происходил в октябре 1917 г., то есть накануне прихода к власти большевиков в столице. Помимо организации помощи беженцам, встречи с общественностью преследовали цель не допустить распространение среди армян губительных псевдоревolutionных и псевдоинтернационалистских идей, способствовавших развалу русско-турецкого фронта и создававших угрозу оставшейся части армянского народа.

В ежедневной армавирской литературной и общественно-политической газете «Отклики Кавказа» (№ 225) от 17 октября 1917 г. была опубликована статья Н. Ростованова, в которой рассказывалось о пребывании генерала в городе. «В Армавир прибыл редкий гость – Андраник, – вождь и герой,

пользующийся исключительной популярностью среди армян. Нет села, нет города, нет такой глухой колонии армян, в какой бы части света она ни была, наконец, нет мужчин, женщин, стариков и детей, которые не знали бы имени Андраника и не преклонялись бы перед этим высоким именем. Вокруг его имени сложилась масса прекрасных легенд, его имя воспевается в множестве песен, уже ставших народными, как в хижине бедняка, так и в дворцах миллионеров. Андраник – это армянский Гарибальди... Андраник – воплощение армянского народа. Честь и слава тому народу, который родит таких героев» [4].

Без какого-либо оповещения с утра в воскресенье 15 октября в ожидании прибытия Андраника горожане стали стекаться к ограде армянской школы и церкви. По приезде он был встречен тысячной толпой восторженными криками: «Кецце Андраник!» («Да здравствует Андраник!»). В зале школы открылось собрание общественности. В честь национального героя были произнесены приветственные речи Тониянцем и священником Нерсесом Ертевцяном.

В ответном слове Андраник, выразив свою признательность за приветствие, сказал следующее: «Между нами, армянами, не должно быть расхождений на классовой почве, так как мы все дети одной земли, одной родины – далекой Турецкой Армении... Как весь организм чувствует боль при повреждении какой-либо части своего тела, так и все армяне, как одно целое, как целый организм, должны были содрогнуться и почувствовать ту невыносимую боль, какая постигла турецких армян» [5].

Эти слова были особенно актуальны в условиях нараставшего противостояния в России. Отметив, что степень сплоченности и активности армян вне родины недостаточна, Андраник призвал еще шире развернуть помощь западным армянам. Где бы ни выступал Андраник, он подчеркивал неизбежность русско-армянской дружбы и воинского братства. «На поле брани мы, армяне, со стороны русского войска встретили такое отношение, которое никогда не забудется. С казаками мы так тесно сблизились, что относимся к ним как родные братья, мы понимаем и ценим друг друга: русские видели, что мы всегда шли первыми в бой и никогда не отступали. Я от души восклицаю: "кецце русскому войску, кецце русскому казачеству и кецце кубанским казакам". Вся публика разразилась долго не смолкающими криками "кецце" и громом аплодисментов, а память павших была почтена вставанием» [6].

В заключительной части статьи рассказывается, что после закрытия заседания тысячи армавирицев, проводив полководца до квартиры, долго не расходились, тем более что многие не попали в переполненный зал заседания.

После Армавира и Екатеринодара Андраник прибыл в Майкоп. В уездном центре он остановился в доме местного мецената Макара Терзиева (Терзияна). О пребывании Андраника в Майкопе и о банкете, организованном правлением женской благотворительной организации, сообщалось в заметке тифлисской газеты «Айастан» от 2 ноября 1917 г. На вечере-банкете присутствовало 200 почетных граждан из тысячной армянской общины города

и района. Его открыл священник, призвавший соотечественников «практическими делами ответить на призыв великого героя» – организовать сбор средств на закупку хлеба для Армении, где голод и болезни ежедневно уносили жизни тысяч армянских беженцев, чудом спасшихся от кровавого ятагана. В своем выступлении Андраник, описав тяжелое положение голодающего народа, призвал местных армян «взамен суесловий и споров практическими делами помочь страждущим, голодающим братьям хлебом насущным». Обращаясь к присутствующим, он сказал: «Если вам доставляет удовольствие только присутствие мое или подобных мне лиц, то не стоило здесь собираться. Если бы каждый армянин думал не только о своем лишь благополучии – бедствий, выпавших на долю нашу, было бы намного меньше». Далее он выразил благодарность кубанским казакам за гостеприимство, рассказал о неопенимой роли казаков в спасении армянских детей и беженцев и приветствовал казачьих воинов, своих соратников по оружию. Обращаясь к казакам, Андраник сказал: «Я полагаюсь на этот героический народ, уверен, что не даст умереть голодной смертью тем, кого он спас своим клинком» [7].

Где бы ни выступал Андраник, его речь была пронизана болью за судьбу оставшейся части нации. Он обличал тех национальных политиков, которые во имя своих узкопартийных и классовых интересов забывают о главном – национальном выживании. «Политика всеобщего уничтожения – политика геноцида – уже осуществлена в самых широких масштабах и в самом жесточком виде. И в силу этого классовые различия среди турецких армян... ступшевались – они все стали жертвами одной судьбы, одного правового положения, они все живут единым идеалом, единым горем, имея перед собой одного общественного врага... Нам надо подумать о спасении уцелевших, чтобы завтра или послезавтра мы могли перестроить армянское общество на той же родине в соответствии с ее исторической миссией и чаяниями...» [8]. Эти слова он произносил в Тифлисе, Армавире, Екатеринодаре, Майкопе, Пятигорске, Владикавказе, Грозном и в других городах.

В 2000 г. прах героя, умершего в 1927 г., был перезахоронен на ереванском кладбище Ераблур. Увековечивание памяти генерала Андраника необходимо для воспитания настоящего патриотизма и любви к родине без каких-либо идеологических предпочтений. В этом заключается главный урок, который можно извлечь из истории жизни и борьбы великого полководца.

Примечания

1. См.: *Агаян Ц.П.* Андраник и его эпоха. М., 1997. 454 с.

2. См.: *Акопян В.З.* История прихода Армянской апостольской церкви г. Пятигорска. Пятигорск, 2005. 176 с.; *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. 528 с.; *Погосян Л.А.* Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. 181 с.

3. Андраник Озаян. Документы и материалы // Вестник архивов Армении. № 1–2 (89–90). Ереван, 1991. С. 224.
4. Там же. С. 231–232.
5. Там же. С. 232.
6. Там же.
7. Там же. С. 234.
8. Там же. С. 228.

А.О. Амирджян

ВКЛАД ИОСИФА АРГУТЯНА – ГЛАВЫ АРМЯНО-РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЕПАРХИИ, В ДЕЛО ОСНОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ГОРОДА НОВОЙ НАХИЧЕВАНИ (КОНЕЦ XVIII в.)

Предводитель армяно-русской епархии архиепископ Овсеп Аргутян внес большой вклад в дело обустройства армянского населения, преодоления неблагоприятных жизненных условий на местах, организации духовно-административной жизни и реализации прочих задач в течение долгого периода после окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Велика была его роль, которую он сыграл в деле основания города Новой Нахичевани на правом берегу реки Дон в 1778–1779 гг. и в жизни переселенцев. Назначение русским командованием И. Аргутяна на должность духовного предводителя армян завоеванного в ходе Русско-турецкой войны Крыма преследовало цель использовать силы архиепископа не только в вопросе выбора места для переселенцев, но и убедить крымских армян переселиться на новые для них места. Крымские армяне, вынужденно выехавшие из Крыма и достигшие русских территорий, но пока еще не получившие место проживания, в 1779 г. отправили делегацию к И. Аргутяну в Санкт-Петербург, чтобы он обратился к русскому правительству для окончательного предоставления армянам места проживания. Делегаты предлагают Ростовскую крепость на берегу реки Дон в Азовской губернии и просят императорские привилегии [1]. В августе того же года И. Аргутян и занимающий высокий пост в царском дворе И. Лазарян от имени армянской общественности обращаются к управляющему Южной России, графу Г. Потемкину [2]. Принимается решение: указанную территорию предоставить армянам. Несмотря на то, что для организации переселения и выбора местности составляется комиссия, однако, как пишет известный армянский историк Лео, «...разместить такое огромное количество людей, вдохнуть в них душу и жизнь, установить порядок – все эти хлопоты решал Аргутян» [3].

В дальнейшем также епархиальный предводитель был рядом с переселенцами, содействуя им как духовно, так и материальными средствами, так как поселенцы на новых местах оказались в тяжелом социально-экономическом положении. Благодаря его усилиям 14 ноября 1779 г. у русского правительства за подписью Екатерины II (1762–1796) были получены специально разработанные «Привилегии» [4], которые в жизни армян-переселенцев сыграли важную роль.

Несмотря на это, переселенцы длительное время находились в крайне неблагоприятных условиях. В ноябре 1780 г., возвратившись из Петербурга и Москвы в Новую Нахичевань, архиепископ стал свидетелем крайне бедственного положения жителей [5]. И. Аргутян пытается ускорить официальную церемонию основания города и процесс получения у правительства новых привилегий для переселенцев. 4 апреля 1781 г. быстрыми темпами он строит и освящает маленькую деревянную церковь Св. Аствацацин (Св. Богородицы), в которой 21 апреля проходит торжественная церемония по случаю основания города. Для облегчения адаптации крымских армян к новым местам и для того, чтобы как-то умерить их тоску по родине, И. Аргутян в 1783 г. основал церковь Святого Креста по имени одноименной церкви Крыма, строительство которой началось в 1786 г. Затем с целью улучшения условий жизни переселенцев, строительства общественных зданий, расширения земель, предоставления привилегий, освобождения от налогов, денежной помощи, предотвращения общественного недовольства И. Аргутян ведет переговоры и обращается к русским политическим и военным деятелям, местным губернским властям – генералу А. Суворову, Г. Потемкину, П. Зубову, А. Куракину, В. Черткову и др. [6]. Для улучшения положения армян архиепископ был вынужден часть собранной у епархии эчмиадзинской пошрины потратить на них, о чем И. Аргутян признается Католикосу всех армян Гукасу Карнеци [7].

Однако предпринятые меры были недостаточными для стабилизации экономического положения переселенцев и устранения социального расслоения среди жителей города. В период 1784–1785 гг. в своих письмах епархиальный предводитель описывает тяжелое положение городской бедноты [8]. Архиепископ сознавал, что новую эмиграцию можно предотвратить только ценой благоустройства Новой Нахичевани и развития социально-экономической жизни. С целью улучшения состояния бедного слоя населения Аргутян в 1786 г. создает комиссию по сбору пожертвований, чтобы состоятельные жители жертвовали деньги в пользу бедных [9].

Священника Степана Арутюняна своими кондаками (посланиями) и кондаками католикоса Г. Карнеци он отправляет в Индию просить помощи у армян, проживающих там [10]. 21 ноября 1788 г. Степану, находящемуся в Индии, архиепископ пишет: «Жители Нахичевани молятся за тебя и ждут твоего возвращения» [11]. Жителям Новой Нахичевани денежную помощь предоставляют В. Калантарян, О. Геракян и прочие армяне, проживающие в Индии.

При содействии последних и по инициативе Аргутинского до 1788 г. и после в Новой Нахичевани были построены разные светские и культурные здания, дома, мельница.

В декабре 1781 г. жители Новой Нахичевани в своем обращении к Г. Потемкину высоко оценили роль Аргутяна в деле основания города и заботе о нуждах населения [12]. Затем, в 1797 г., И. Аргутян направляется в столицу России, лично контролируя процесс получения у правительства новых привилегий для армян.

Во время отсутствия И. Аргутяна положение в городе вышло из-под контроля, прекратились строительные работы, началось противостояние между жителями и духовной верхушкой. Ко всему этому прибавляются доносы на архиепископа губернаторам и царскому двору [13]. Пользуясь поводом, противники архиепископа обвинили его в растрате средств общины (в 1800 г. из доходов города 2825 рублей было выдано И. Аргутяну на дорожные расходы). Епархиальный предводитель пытался на расстоянии контролировать ситуацию. В период 1797–1798 гг. он обращается к духовным и светским руководителям города, призывая успокоить население, выдворить преступников и позаботиться о бедных жителях [14].

9 марта 1799 г. в кондаке, направленном духовным судьям и населению Новой Нахичевани, отражена борьба И. Аргутяна за привилегии. В нем не только описывается искреннее сочувствие духовного предводителя городу Новой Нахичевани и его жителям, а также перенесенные его личные трудности и оскорбления. «Во имя вашего города и вашего счастья я пострадал, истратил мое имущество, попал под долги, изнурил душу, опорочил уважаемое имя и честь», – пишет предводитель [15].

Письма И. Аргутяна свидетельствуют, что архиепископу нелегко было бороться за привилегии. Часть сенаторов была против освобождения нахичеванцев от некоторых налогов, о которых Аргутян вел переговоры со знакомыми ему русскими деятелями [16]. В конце концов, его многочисленные обращения высшим российским властям нашли свое отражение в императорской грамоте от 28 октября 1799 г., которая не только сохраняла прежние привилегии для переселенных армян, но и предоставляла новые. Привилегии Аргутян считает большим завоеванием, особенно таможенные, которые были предоставленные торговцам и ремесленникам. И. Аргутян с первых же дней основания Новой Нахичевани предпринимает шаги по осуществлению строительных работ, развитию культурной жизни города. В письмах, направленных разным лицам, И. Аргутян с большим вдохновением и гордостью говорит о Новой Нахичевани, не скрывая свою любовь и особенное отношение к городу. И. Аргутян сознавал, что предоставление привилегий городу исходит из экономических и политических интересов царского правительства. Армянская община Новой Нахичевани могла бы стать экономическим оплотом юга России.

Примечания

1. Институт древних рукописей Матенадаран имени св. Месропа Маштоца (далее – Матенадаран). Рукопись 9647. Л. 16а; Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. 528 с. (на арм. яз.).

2. *Аганеанц Г.* Архив армянской истории. Кн. IV. Тифлисъ: Типография. М.: Шарадзе, 1899. 840 с.

3. *Лео (Аракель Бабаханян).* Иосиф Католикос Аргутян. Тифлисъ: Типография Т.М. Ротинеанц, 1902. 228 с. (на арм. яз.)

4. Текст см.: Армяно-русские отношения в VIII веке: сборник документов / под ред. М.Г. Нерсисяна. Т. IV. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1990. Док. 86.

5. Матенадаран. Рукопись 9647. Л. 27а; Аганеанц Г. – Там же.

6. Матенадаран. Рукопись 9647. Л. 26, 46, 96, 18а, 276; Рукопись 2951. Л. 66; Рукопись 4496. Л. 14; Армяно-русские отношения в VIII веке: Док. 97. Док. 109; Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. Ч. III. Москва: Типография Лазаревых Института восточных языков, 1838. 456 с.

7. Матенадаран. Рукопись 3738. Л. 316.

8. Матенадаран. Рукопись 4496. Л. 217, 328; Армяно-русские отношения в VIII веке. Док. 232.

9. Армяно-русские отношения в VIII веке. Док. 232.

10. Матенадаран. Рукопись 2699. Л. 83, 83.

11. Матенадаран. Фонд Диван католикоса. Пап. 257³. Док. 182. Л. 1а.

12. Армяно-русские отношения в VIII веке. Док. 116.

13. Матенадаран. Рукопись 2951. Л. 137а–1376, 234а, 2486–249а, 252а.

14. Там же. Л. 137а–1376, 1466, 184а, 1966, 2106, 2276.

15. Там же. Л. 2556.

16. Там же. Л. 2876, 2886.

Г.Г. Арсенян

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ИОСИФА АРГУТИНСКОГО НА ЮГЕ РОССИИ

В 1763 г. на патриарший престол в Эчмиадзине восходит один из выдающихся иерархов армянской церкви – святейший Симеон Ереванци (1763–1780 гг.). Одним из его наиболее дальновидных решений было назначение архиепископа Иосифа Аргутинского-Долгорукого на должность предводителя армян в России. «Современники, смотря на этого на редкость продвинутого верующего князя, с уверенностью могли сказать, что тот родился под счаст-

ливой звездой» [1]. Согласно данным историка Лео, на момент прибытия Иосифа в Астрахань там было 561 армянских семей, как он отмечает, «Кроме городов Кизляр и Моздок, маленькие армянские колонии были и Петербурге и в Москве». Это и была вся паства нового предводителя. Но именно благодаря его неимоверному труду армянская епархия России возросла в разы. Он сумел не только укрепить уже имеющиеся связи, но и заложить крепкий фундамент для построения новой армянской колонии в России. Его усилиями на карте появился ряд новых городов и поселений, в основе своей армянских, таких как Нор-Нахичеван, Григориополь, Святой Крест (Буденновск) и др.

Русское правительство в последней трети XVIII столетия намеревалось заселить юг России армянами – выходцами из разных стран и, в частности, из областей, подконтрольных турецкому государству. В данном случае интересы и русской, и армянской стороны совпадали, и архиепископ прикладывает все свои силы, чтобы воплотить эти планы в жизнь.

По распоряжению Потемкина Иосиф Аргутинский «разослал... повсюду, куда мог, описание выгод, коими пользуется» в России армянский народ [2]. Из другого письма армянского архиепископа выясняется, что последний имел договоренность о переезде в пределы Российской империи богатых константинопольских и индийских купцов, которые «прибегнут в Россию и перенесут тайно знаменитые свои капиталы» [3]. Отметим, что даже когда Аргутинский находился при русских войсках во время Русско-турецкой компании в 1787–1791 гг., не переставал вести переписку с индийскими армянами, цель которой заключалась в склонении их переселиться в Россию. Так, 20 сентября 1790 г. Аргутинский записывает в своем дневнике: «Получил письмо от индийского общества, показал князю (Г.А. Потемкину. – Г.А.) и попросил привилегий. Князь приказал подготовить их» [4].

Первым шагом на пути осуществления поставленных целей явилась организация переселения армян из Крыма в 1779 г. на юг России и основание города Нор-Нахичеван с прилегающими к нему селениями. Первые указания по осуществлению переселения христианского населения Крыма были даны в феврале – марте 1778 г. [5]. Переход из Крыма оказался достаточно сложным, и архимандрит Петрос послал делегатов к архиепископу Иосифу Аргутинскому с просьбой использовать всё свое влияние при дворе и содействовать получению указа Екатерины II о льготах для переселенцев.

14 ноября 1779 была обнародована грамота Екатерины II, даровавшая армянам, прибывшим на Дон, льготы и вольности. Отправив указ и другие нужные приказы армянским переселенцам, Иосиф приказал начать строительство. Иосиф, как он сам говорит, «два года скитаясь у дверей двор» [6], и в 1781 г. сам лично едет проследить за поселением. 21 апреля 1781 г. официально он благословляет новый город и дает ему название Нор-Нахичеван, здесь разместились переселенцы из городов. Для сельских жителей основываются пять деревень: Чалтырь, Большие Салы, Сулан-Салы, Топты и Не-

светай. Иосиф в то же время учреждает Нахичеванский магистрат и суд, для которого пишет свод законов, состоящий из 126 статей, основанных на духовных книгах и гражданском праве. Чтобы люди не скучали по покинутым землям и не захотели вернуться, Иосиф закладывает монастырь близ Нахичевани и именует его так же, как и монастырь в Крыму – Сурб Хач (Святой Крест). Однако Аргутинский не мог быть просто подражателем, Сурб Хач Крыма был только местом паломничества, а Сурб Хач Нор-Нахичевана стал местным просветительским центром, где разместились типография и школа.

Начавшаяся в 1787 г. Русско-турецкая война создала все предпосылки для практического воплощения в жизнь намеченных планов русского правительства по переселению армянского населения на территорию Российской империи. В этой связи Екатерина II посылает Иосифа Аргутинского в действующую армию к князю Г.А. Потемкину. «С самого начатия... войны находился всегда с главнокомандующим генерал-фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим при войсках... при окончании же сей войны по особливому высочайшему соизволению... императрицы Екатерины Второй через упомянутого генерал-фельдмаршала князя Потемкина перепоручено было [ему] непосредственно старание о преклонении к выходу в Россию обитающих под турецкою властью в Бессарабии армян» [7]. Князь Г.А. Потемкин обязывает своих военачальников всеми средствами расположить к себе местных армян. Так, по взятии Аккермана князь распорядился передать армянской и греческой церквям виноградные сады [8]. В освобожденных русскими войсками городах военные власти широко раздавали льготы армянскому купечеству, их дома освобождались от постоя и земских повинностей. Более того, некоторые из них принимались в российское подданство.

После перехода каждой турецкой крепости в руки к русским, Аргутинский, имея при себе приказы Потемкина, спешил на помощь к своим соотечественникам. Известен тот факт, что перед штурмом крепости Измаил к подполковнику Хастатову, отряду которого было предписано занять квартал, населенный армянами, обратился Иосиф Аргутинский с просьбой проявить в своих действиях максимум осторожности, дабы не нанести армянскому населению какой-либо урон [9]. Основные тяготы по организации переселения армянского населения с захваченных территорий князь Г.А. Потемкин возложил на Иосифа Аргутинского. Еще в ноябре 1789 г. последовало отношение князя о передаче в паству армянского архиепископа всех армян, проживающих на территории, отвоеванной у Турции. Работу по переселению Аргутинский начал с рассылки в турецкие города с армянским населением листов с описанием выгод, полученных армянами на русской земле. Большинство армян стремилось избавиться от турецкого гнета и выехать в пределы России, но некоторая часть армян все же колебалась. И в 1792 г. он начал размещать армянских переселенцев. В 12 верстах от города Дубоссар Аргутинский вместе с местными наместником выбрал прекрасное место для армянского

города. Приказ императрицы, изданный 17 июня того же года, попал к Аргутинскому 17 июля. Не теряя времени, уже 25 числа того же месяца он торжественно благословил основание нового города, с этого дня появился армянский город Григориополь. В имеющихся источниках и литературе возникла разноречивая в связи с наименованием города. Скорее всего, это можно объяснить случайным совпадением имен вдохновителя колонизационной политики на юге России Г. Потемкина и первого католика армянского народа Григория Просветителя.

Благодаря посредничеству Иосифа Аргутинского русское правительство взяло на себя не только траты на строительство, но и траты на провизию. Государственная казна выделила 46 781 руб. 72 коп. на строительство 325 домов, 37 000 руб. на церковь и храм, 15 000 руб. на магистрат, кроме этого на 10 лет были даны 10 000 руб. на строительство магазинов и рынка, 2000 руб. на кофейни и бани, 25 000 руб. – на скот и другие необходимые нужды и 50 000 руб. на процветание торговли. Часть этих средств были вручены Аргутинскому. Кроме города Григориополя он основал и села, одно из которых было названо в его честь Иосифкой, другой – Васильевкой, в честь его брата [10].

Несмотря на продолжительные поездки, он умело решал все вопросы своей армянской паствы, утверждал законы и порядок, вводил и реализовывал новшества. За время своего предводительства Иосиф Аргутинский помимо оснований городов и поселений основал и освятил шестнадцать церковных обителей. Благодаря его созидательной деятельности программы и планы Екатерины II по заселению Юга России армянским населением были воплощены в жизнь. Была создана сильная и крепкая армянская колония, которая в течение уже не одного столетия растет и расширяется.

Примечания

1. Лео. Католикос Овсеп Аргутян. Тифлис, 1902. (на арм. яз.). С. 19–20.
2. Ананян Ж.А. Армянская колония Григориополь. Ереван, 1969. С. 30.
3. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 880. Оп. 5. Д. 378. Л. 13.
4. Журналь земли армянской. Тифлис, 1863. С. 426.
5. Нерсисян М.Г. А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780-х. Ереван, 1981. С. 12.
6. Лео. Католикос Овсеп Архутеан. Тифлис, 1902. С. 64. (на арм. яз.).
7. Ананян Ж.А. Армянская колония Григориополь. Ереван, 1969. С. 31.
8. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 232. Л. 42.
9. Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений. Книга первая. Ереван, 1956. С. 73.
10. Лео. Католикос Овсеп Аргутян. Тифлис, 1902. С. 89. (на арм. яз.).

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Проблемы воспитания и образования всегда были в центре внимания армянских мыслителей, духовенства и политических деятелей. Именно образование и воспитание являлись основными трансляторами культуры и национальной идентичности. Представители армянской духовной, политической и экономической элиты как за рубежом, так и в самой Армении прекрасно осознавали значимость образования в обеспечении единства народа, национальной безопасности и идентичности, всячески способствуя развитию и распространению образования в местах своего проживания.

На протяжении столетий Армения была лишена политической независимости и государственной самостоятельности. Армянский народ испытал миграции и угрозы смешения народов, этносов и религий, общался и сталкивался как с цивилизованными, так и «варварскими» народами, волею судьбы вовлекался в мировой процесс взаимовлияния различных культур, становясь зачастую объектом как военно-политической и религиозно-идеологической, так и культурной экспансии.

Армянскому народу удалось сохранить свою национальную и культурную самобытность в условиях отсутствия государственности, отчасти благодаря концептуальному отношению армянских мыслителей и идеологов живущих, в основном за рубежом к вопросу образования и воспитания, которые получали идейно-теоретические и практические решения.

В основном из-за сложного геополитического положения на протяжении многих веков армяне, как отмечает Э. Геллнер, приобрели «длительную тенденцию диаспорального проживания в качестве национального меньшинства» [1]. Но, несмотря на это, армянская диаспора не растворилась, в основном сумев сохранить свою национальную идентичность, не отвергая элементы культуры и образа жизни тех государств, в которых она поселилась.

Самая большая по численности армянская диаспора находится на территории России [2]. В научной литературе можем найти информацию о том, что в некоторых регионах современной России армяне начали жить в те времена, когда еще не существовало ни российского государства, ни даже Московского княжества. Считается, что армянские поселения на Северном Кавказе (юг современной России) появились еще в I веке до нашей эры, при армянском царе Тигране Великом.

После принятия христианства в 988 году, для армян были созданы весьма благоприятные условия проживания и торговли на Руси. Развитию армянской общины также способствовала, по мнению ряда авторов, женитьба

великого князя Владимира Святославовича на Анне – сестре византийского императора Василия II, армянина по происхождению [3]. Армянская община на Руси занималась не только торговлей и ремеслом, но и наравне с местными отважно воевала с половцами, печенегами, позднее с монголо-татарами, с тевтонскими рыцарями и т.д.

Большой вклад армяне внесли также в сферу культуры Руси. Так, например, согласно А. Смирнову, «армянская архитектурная школа оказала влияние на формирование болгарского зодчества» от болгар до Багдада «носителями лучших традиций резьбы по камню являлись армяне» [4]. Доказано, что в средневековой Руси немало культовых сооружений воздвигли армянские мастера. Так, например, армяне участвовали в строительстве архитектурных шедевров Владимиро-Суздальского княжества. Об этом же свидетельствуют обнаруженные в киевском храме Св. Софии следы надписи на армянском языке, в которой четко различались пять букв на крышке саркофага князя Ярослава Мудрого (1019–1054) и 22 надписи на армянском языке XVI–XVII вв.; фреска с изображением армянских святых Григория Арменского и девы Рипсима в интерьере церкви Спаса Нередицы (1198 г.) близ Новгорода Великого; изображение Григория в интерьере Хутынского монастыря (1445 г.) [5].

Как выше было отмечено, для армян всегда неоспоримой ценностью оставалось образование. Во всех местностях, где бы ни селилась армянская община, помимо армянских церквей, открывались новые школы, училища, образовательные центры, типографии и т.д. Как пример можно выделить астраханскую общину, где впервые в России в 1717 году была основана Астраханская епархия. В дальнейшем здесь было основано множество армянских школ, духовная семинария, ремесленное училище, типография, театр. Такое отношение к образованию и привело к тому, что в армянской общине России помимо страт торговцев и ремесленников постепенно начала формироваться новая страта – «интеллигенция», которая поддерживала связь с другими армянскими общинами и трудилась во благо процветания России. Эти обстоятельства послужили основой убеждения, что именно армяне могут стать лучшими «проводниками» гражданственности на юге Российской империи. В этом, например, был убежден великий царь России Петр I, который своим приказом переселил армян из Османской империи в новоприобретенные Россией прикаспийские территории.

Армяне оправдали связанные с ними ожидания, и поэтому данная политика по переселению армян продолжилась и в последующем. Особенно эта политика проявилась в период царствования Екатерины II. Подтверждение этому мы можем найти в таких беспрецедентных для армянской общины событиях, как основание для них двух городов – Нор-Нахичевана и Григориополя. Нор-Нахичевань, который был основан на Дону в 1779 году, предназначался для армян, переселенных сюда из Крыма. Цель данного переселения

заклучалась не только в освоении новых земель, но и в подрыве экономики Крымского ханства, так как именно армяне и переселенные греки являлись наиболее образованными, сведущими в торговле, носителями земледельческой и ремесленной культуры в Крыму. Армянская община в Нор-Нахичеване кроме успешной экономической деятельности также проявляла активность в культурно-образовательной сфере. Были основаны церкви, духовные семинарии, мужские и женские гимназии, школы, театр, типографии и т.д. Благодаря всему вышеперечисленному Нор-Нахичевань стал одним из главных культурных и экономических центров юга России.

Большой вклад внесла армянская община в сферу развития образования и культуры в Москве. Ярким примером этого является основанный в Москве в районе Армянского переулка 1815 году Армянский Лазаревский институт восточных языков. Институт стал центром армянского просвещения и подготовки национальной интеллигенции, однако в институте учились не только армяне по национальности. Выпускниками Лазаревского института были К. Станиславский, писатель Ю. Веселовский, литературовед Д. Благой, и другие. В пансионе при институте получил среднее образование И. Тургенев [6]. При институте имелась одна из лучших в Москве типографий, где печатались книги на 13 европейских и восточных языках. Институт располагал большим книжным фондом и богатой коллекцией рукописей. В 1918 году в связи с продовольственным кризисом и участвовавшими болезнями воспитанников были прекращены занятия в институте. Академик Н.Я. Марр с группой востоковедов организовал Переднеазиатский институт, а затем в 1919 г. – Армянский институт, а Лазаревский институт был переименован в Дом культуры Советской Армении и передан в распоряжение правительства Армении

В 1839 году был основан новый культурный и промышленный центр армян на Северном Кавказе – Армавир, где были построены три армянские церкви, отдельные школы для мальчиков и девочек. В том же году в Казанском университете была создана первая в России кафедра армянского языка.

В период существования СССР армяне также внесли большой вклад в развитие сферы образования, науки и культуры. Труды армянских учителей и преподавателей были направлены на обеспечение образования высокого уровня. В истории педагогики свой неповторимый след оставили такие учителя и преподаватели, как С. Саакян, А. Хачикян, А. Тоноян, М. Адонц, Л. Капустянская, А. Акопян, А. Тер-Мкртчян, Р. Ачарян и т.д.

После распада СССР численность армянской диаспоры в России увеличилась. 16 июня 2000 г. в Москве был создан Союз армян России (САР), который имеет представительство во многих республиках, краях и областях Российской Федерации. Главными направлениями деятельности САР являются культура, образование, молодежная политика и т.д.

Кроме того, сегодня в РФ действуют весьма активные региональные организации, примером которых является Ростовская региональная общественная организация «Нахичеванская-на-Дону армянская община», которая была зарегистрирована 1988 г. в ноябре. Как указано на официальном сайте организации, ее основной задачей является сохранение и дальнейшее развитие культуры донских армян, как частицы общечеловеческой культуры многонациональной страны, а также содействие укреплению дружбы между народами на основе культурных взаимосвязей, формированию гражданской ответственности [7]. Но кроме этого, данная организация вносит огромный вклад в воспитание и образование молодежи.

Сегодня также большинство армян по всему миру получает хорошее образование в ведущих мировых образовательных и научных центрах, добивается высоких результатов в бизнесе, продвигается в мире науки, спорта, искусства, политики как на своей исторической родине, так и тех государств, в которых они проживают.

В конце, хотелось бы отметить, что помимо основных задач, которые сегодня встают перед армянской диаспорой, таких как сохранение национальной идентичности; укрепления имеющихся связей с родиной; сохранение армянского языка и культуры; просвещения, образования и воспитания армянской молодежи; встала еще одна весьма актуальная проблема – формирование активного гражданина. Это позволит на мировом уровне создать положительный образ как армянской диаспоре, так и Армении в целом.

Примечания

1. *Geller E.* Nations and Nationalism. Oxford.1990. P. 105
2. Расселение армян в мире // URL: <http://ru.hayazg.info> (дата обращения 27.04.2018).
3. *Тер-Саркисянц А.* История и этнокультурные тенденции. М.: «Восточная литература», 1998. С. 257.
4. *Смирнов А.* Армянская колония города Болгар // Материалы исследования археологии. Т. 61. М., 1958. С. 330–359.
5. *Халпахчян О.Х.* Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М., 1977.
6. *Дятлов В., Мелконян Э.* Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван. Институт Кавказа, 2009. С. 84.
7. Ростовская региональная общественная организация «Нахичеванская-на-Дону армянская община» // URL: <http://ru.hayazg.info> (дата обращения 30.04.2018).

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРМЯНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ-АРЦАХЦЕВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Среди видных духовных и культурных деятелей Арцаха уникальное место занимает митрополит Багдасар Гасан (Хасан) Джалалян (1775–1854). 1 июля 1837 г., будучи лидером Арцахской епархии (по указу императора и при посредничестве католикоса Оганеса Карбеца) и председателем той же консистории, митрополит Багдасар переехал из Гандзасара в Шуши [1, с. 116], где его ожидала широкая сфера деятельности и одновременно тяжелая работа. Он объединил вокруг себя известных просветителей того времени, церковных и культурных деятелей – Овсеп Арцахеци, архимандрита Погоса (Нерсисян) Карабахци, Аветика Тер-Саркисяна, Аракела Юзбашяна и других, призывая их осуществить ряд просветительских мероприятий [2, с. 112]. Первой инициативой епархиального лидера стала реформа издательской работы. На свои средства он купил типографию миссионеров из Базеля (последние занимались просветительской деятельностью в Шуши 7-8 лет), отремонтировал и переименовал. Предоставив большую сумму денег монастырю мхитаристов, митрополит приобрел образец каждого издания мхитаристов и, собирая литературные записи, найденные в арцахских монастырях, создал богатую библиотеку при духовной школе [3, с. 355]. Благодаря его усилиям в Арцахе осуществлялась ширококомасштабная книгоиздательская деятельность. В типографии г. Шуши были изданы «Хорхрдатетр», «Сахмосаран», «Ефрем Хорин». Были опубликованы также «Грамматика армянского языка» Микаэля Чамчяна, «Краткая история страны албанской» католикоса Есаи Хасан-Джалаляна, «Краткий очерк Гайказян грамматики» Хачатура Тер-Оганяна, «Религия, или Духовность христианства согласно Армянской Апостольской Православной Церкви Армении» (1840 г.) старшего диакона (позднее – священника) Григора Тер Авагяна и другие книги [1, с. 123–125].

Архимандрит Овсеп Арцахеци (Тер-Авагян). Биографических сведений о нем очень мало. Дата его рождения неизвестна, дата смерти – 1847 г. (Гандзасар) [9]. Заслуженный историк Лео упоминает, что архимандрит Овсеп из села Гшлах (в Хачене, Арцах) любил развлечения и вино [10, с. 85]. Овсеп Арцахеци был архимандритом Шушинской епархии и жил как монах в монастырях Гандзасар и Св. Акоп [8, с. 11], занимался просветительской деятельностью, преподавал риторику, грамматику, логику, теологию и другие предметы в Гандзасаре, Дадиванке и других местах [9]. Помимо своей религиозной деятельности Овсеп Арцахеци вел плодотворную научную деятельность, оставил богатое научное наследие молодому поколению. Некоторые из его рукописей в настоящее время хранятся в Матенадаране. Особенно при-

мечательны рукописи, написанные Овсепом архимандритом в монастыре Св. Акопа (в Арцахе). Во второй половине XVIII в. он написал работу «Книга теоретической философии» [10], в которой представил общие принципы и закономерности познания и жизни. Овсеп Арцахеци принимает точку зрения Аристотеля о трех частях души. В настоящее время 4 копии этой рукописи хранятся в Матенадаране (№ 2525, № 3619, № 2990, № 4038). В рукописном наследии ученого Овсеп Арцахеци являются ценными также работы «Тетрадь глагола, календарь» [11] (1839 г.) и «Сборник» [12]. В первом представлены следующие разделы: «О введении», «О наречии», «О союзе», «О глаголе», во втором ценны «Толкование от Матфея» Оганеса Воскеберана, «Грамматика армянского языка» и другие разделы.

В армянской филологии, а также философской мысли высоко оценены два произведения Овсеп Арцахеци – «Краткий словарь грабар-ашхарабар» (1830 г.) и «Первая часть философии, которая называется логикой» (1840 г.) опубликованные в Шуши. В первом в алфавитном порядке представлены слова грабара и их восточноармянские объяснения. Второй содержит следующие разделы: «О предположении», «Об омонимах», «О границах», «О расщеплении» [13].

Среди выдающихся деятелей культуры новой эры известен архимандрит Погос (Нерсисян) Карабахци (родился в 1775 г., дата смерти неизвестна), который был одним из учеников Овсеп Арцахеци. Он родился в провинции Хачен, в семье священника [14], был монахом в Татевском монастыре, как педагог был известен за пределами Арцаха. Погос Карабахци активно занимался педагогической деятельностью в Эчмиадзине, где у него учился известный писатель, педагог, публицист Месроп Тахиадян, затем – в Тбилиси, где Нерсес Аштарекци передал ему школу, которую открыл сам. Здесь его учеником был выдающийся редактор, просветитель, востоковед, литературовед Степанос Назарян [4, с. 86]. Он также преподавал в 1827–1834 гг. в Шушинской миссионерской школе [15, с. 309] и в Епархиальной школе (1838–1840). Архимандрит Погос Карабахци параллельно с педагогической деятельностью вел научные исследования. Он является автором многих книг и учебников. Большинство ценных работ известного ученого не дошли до нас. Среди его научных исследований ценится книга «Краткость армянской грамматики» (Шуши, 1829), состоящая из двух частей и четырех глав. По словам архимандрита Погоса, грамматика учит человека говорить правильно [16].

Одним из знаменитых просветителей в Арцахе в первой половине XIX в. является Арутюн Нерсеси Карабахци (Мирза Фарух, родился в 1798 г., дата смерти неизвестна). Родился в селе Тагут (провинция Дизак, его отец – Минас Галстян). Во время русско-персидских войн был захвачен персами (в 1805 г., тогда ему было 5–6 лет). Он был подарен дяде персидского государственного деятеля Аббаса-Мирзы – Амирхану Сардару. Здесь он поменял религию и получил имя Фарух [17, с. 12]. В 1826 г., после убийства Амирхана Сардара в одном из российско-персидских сражений, Арутюн смог вернуться в Ар-

цах и снова стать христианином. Он получил дополнительное образование у Овсепя Арцахеци и Погоса архимандрита.

Научная деятельность Арутюна Карабахци началась с сотрудничества с членами «Общества пропаганды евангелистов» в Базеле – Августом Дитрихом и Фелицией Зарембой. Арутюн Карабахци, который свободно владел персидским и арабским языками, сделал ряд переводов для швейцарских проповедников [17, с. 14]. Среди его научных работ известны перевод «Евангелия» (грабар-ашхарабар) и «Тарих-Сафи». В последнем обобщается история Арцаха с начала до 1820-х гг.

Примечания

1. Лео. История армянской епархиальной духовной школы Карабаха (1838–1913). Тифлис, 1914.
2. Арутюнян М. Культурная жизнь в Нагорном Карабахе (в Арцахе) во второй половине XIX – начале XX века. Степанакерт, 2010.
3. Джалалян С. Путешествие в Большую Армению. Ч. II. Тифлис, 1858.
4. Бархударян М. Арцах. Баку, 1895.
5. Гукасянц А. Протестантизм на Кавказе. Тифлис, 1886.
6. Арутюнян Г. Просветители Арцахской епархии. Степанакерт, 2002.
7. Матенадаран (им. Месропа Маштоца). Рукопись № 2828.
8. Матенадаран (им. Месропа Маштоца). Рукопись № 2563.
9. Матенадаран (им. Месропа Маштоца). Рукопись № 3620.
10. Тер-Авагян О. (Арцахеци). Первая часть философии, которая называется логикой. Шуши, 1840.
11. Арутюнян Г. Просветители Арцахской епархии. Степанакерт, 2002.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. Тифлис, 1878.
13. Погос архимандрит Нерсисян (Карабахци). Краткость армянской грамматики. Шуши, 1829.
14. Гукасянц А. Протестантизм на Кавказе. Тифлис, 1886.

В.И. Афанасенко

АРМЯНСКИЕ ДИВИЗИИ В СРАЖЕНИЯХ НА КАВКАЗЕ (К 75-ЛЕТИЮ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ. 1942–1943 гг.)

В начале Великой Отечественной войны в Советской Армении проживало полтора миллиона человек. По данным архивных материалов, из республики были призваны и ушли добровольцами в армию 345 тыс. чел. (23 % на-

селения республики), в том числе около 300 тысяч армян. В битве за Кавказ участвовало свыше 100 тысяч воинов-армян. Шести из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

По Постановлению Государственного комитета обороны № 935 от 22 ноября 1941 г., в Закавказском военном округе, в Ереване, полковник С.Г. Закиян формировал 474-ю стрелковую дивизию, которая 26 декабря была переименована в 89-ю стрелковую дивизию. 23 марта 1942 г. Закияна сменил подполковник (с 16 октября – полковник) А.С. Саркисян [1]. К моменту отправления на фронт, 8 августа 1942 г., 89-я дивизия насчитывала 11 782 чел., из которых 11 764 чел. (99,9 %) были армяне. 26 сентября 1942 г. дивизия получила первое боевое крещение на рубеже Терская – Предмостный. 5 ноября полковника Саркисяна на должности командира дивизии сменил полковник А.А. Василян. С 21 октября по 10 декабря 1942 г. 89-я стрелковая дивизия сдерживала натиск противника на подступах к Грозному, отражая его попытки прорваться в долину Алхан-Юрт.

2 января 1943 г. дивизия в составе 58-й армии Северной группы Закавказского фронта переходит в наступление и на следующий день освобождает Малгобек, преследует отступающего на северо-запад врага. 10 февраля 1943 г. в бою за Ново-Джерелиевскую погиб полковник А.А. Василян, а безвозвратные потери дивизии составили до тысячи человек. В боях за освобождение Кубани сержант Унан Аветисян, спасая товарищей, закрыл телом амбразуру дзота и шагнул в бессмертие. Кроме него звания Героя Советского Союза в этих боях удостоились Сурен Аракелян и Джаган Караханян. 19 февраля 1943 г. командиром 89-й стрелковой дивизии был назначен полковник Нвер Георгиевич Сафарян. Под его командованием боевое знамя дивизии украсят ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Кутузова 2-й степени, дивизия станет Таманской и завершит боевой путь 9 мая 1945 г.

Непосредственное участие в битве за Кавказ принимала 408-я стрелковая дивизия, сформированная в Ереване на основе директивы НКО от 11 августа 1941 г. [2] С 1 сентября 1941 г. по 25 ноября 1942 г. дивизией командовал полковник Павел Николаевич Кицук. На 10 сентября 1942 г. дивизия имела личного состава 11 600 чел. (96 % – армяне). 11–13 сентября 1942 г. части дивизии из Еревана и Эчмиадзина были переброшены в район Туапсе. Два ее полка высадились в Туапсе и далее последовали в Геленджик, где высадились остальные части 408-й дивизии [3].

3 октября полковник Кицук из штаба 18-й армии получил приказ выдвинуть части дивизии на рубеж хутор Алтубинал – выс. 601,7 – выс. 994,2 – выс. 977,0 – выс. 618,7(южная) с задачей не допустить противника в долину р. Пшиш и выхода врага на побережье Чёрного моря [4]. Выполняя приказ, воины 408-й дивизии 5 октября отбросили противника и в течение трех недель вели непрерывные боевые действия с отборными горными частями противника, имевшими большой боевой опыт, специальное снаряжение и регу-

лярную поддержку авиации, которая бомбо-штурмовыми ударами подавляла огневые позиции артиллерии, минометов и станковых пулеметов изолированных друг от друга гарнизонов 663, 670 и 672-го стрелковых полков, оборонявшихся на Каратянском хребте.

О причинах исключительно больших потерь 408-й стрелковой дивизии честно изложено в донесении политотдела: «Дивизия несет большие потери от воздушного противника. Ежедневно боевые порядки дивизии бомбят 15–20 самолетов с низких высот. Воздушное прикрытие войск почти отсутствует. Доставка продовольствия и боеприпасов дивизии сильно затруднена, так как единственная дорога вдоль реки Пшиш постоянно находится под артиллерийским и минометным обстрелом, корректируемым авиацией... Бои носят своеобразный маневренный характер. Одна и та же высота в течение дня по два-три раза переходит из рук в руки. Штабы полков и штаб дивизии, политотдел не имеют точного учета потерь. Бой ведется в лесах, на вершинах, на скатах и в лощинах» [5]. В конце октября 1942 г. остатки дивизии вышли из окружения. Выбыли из строя командиры 663-го и 672-го стрелковых полков майоры С.О. Бабаян и Т.Г. Саядян, погибли тысячи бойцов и командиров.

В связи с большими потерями 408-я стрелковая дивизия была расформирована 25 ноября 1942 г. – как погибшая на фронте борьбы с немецкими захватчиками. Был отстранен от должности и отдан под суд командир соединения. Полковник П.Н. Кицук стал ответчиком за ошибки командарма – генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова и командующего Черноморской группой войск генерал-полковника Я.Т. Черевиченко. Но осталась память о 408-й армянской стрелковой дивизии, погибшей на Каратянском хребте, но не пропустившей врага к Туапсе.

В битве за Кавказ активное участие принимала также 409-я армянская стрелковая дивизия, которая была сформирована полковником Василяном Арташесом Аршаковичем в августе – сентябре 1941 г. в городе Ленинакане в составе 675, 677, 684-го стрелковых, 964-го артиллерийского полков и подразделений обеспечения. На фронт в состав 44-й армии 409-я армянская стрелковая дивизия отправилась 2 декабря 1942 г. под командованием полковника Василя Фёдоровича Гладкова. В это время личный состав соединения насчитывал 13 837 человек, из которых 13 460 (98 %) были армяне.

Более 30 тысяч воинов-армян принимали участие в битве за Кавказ в составе 61, 151, 236 и 320-й стрелковых дивизий, которые были сформированы на территории Армении. Так, в 61-й стрелковой дивизии, сформированной в Ереване в октябре – декабре 1941 г., перед ее отправкой на фронт из 11,5 тыс. чел. личного состава более 8 тыс. (70 %) составляли армяне. Формировал дивизию и с 1 сентября 1942 г. до 15 февраля 1944 г. водил ее в бой полковник С.Н. Кузнецов. За успешные наступательные бои на Кубани ее бессменному комдиву 31 марта было присвоено звание генерал-майор, а 28 апреля 1943 г. дивизия награждена орденом Красного Знамени. Заключительным аккордом

победного марша 61-й Никопольской ордена Ленина, Краснознамённой, ордена Суворова II степени стрелковой дивизии стало участие в Пражской наступательной операции 1-го Украинского фронта.

151-я стрелковая дивизия под командованием полковника А.В. Григорьева участвовала в битве за Кавказ с 6 августа 1942 г. в составе 9-й армии Северной группы войск Закавказского фронта. 1 сентября Григорьева сменил новый комдив – полковник В.П. Колесников, а сама дивизия вошла в подчинение 37-й армии, в составе которой вела бои с частями 1-й танковой армии вермахта под Малгобеком, затем в районе Сухотский [6]. 13 сентября противник танками и мотопехотой окружил части 151-й стрелковой дивизии в селении Нижний Курп и к исходу дня занял Верхний Курп [7]. 151-я дивизия отошла на западный берег Терека и заняла оборону по южному берегу р. Малка на участке Сарский – Малкинский [8].

В октябре 151-я стрелковая дивизия вместе с другими соединениями Северной группы войск участвовала в Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции. 20 октября вместо полковника В.П. Колесникова в командование дивизией вступил полковник Андраник Саркисович Саркисян [9]. 151-я стрелковая дивизия вместе с 271, 320 и 416-й стрелковыми дивизиями 44-й армии 4 февраля 1943 г. вошли в состав Южного фронта и приняли самое активное участие в освобождении южных районов Ростовской области и устья р. Дон в период 4–17 февраля. Боевой путь 151-я стрелковая Жмеринско-Будапештская Краснознамённая стрелковая дивизия завершила на территории Чехословакии в мае победного сорок пятого года.

Сформированная в Цахкадзоре 236-я стрелковая дивизия имела в своих рядах свыше 10 тыс. чел., из которых более 6 тыс. составляли армяне. В ходе двухмесячных наступательных боев дивизия прошла 250 км и освободила 66 населенных пунктов, в том числе город Краснодар. Позже 236-я дивизия освобождала Украину, Молдавию, Румынию и закончила войну в Венгрии – как 236-я Днепропетровская Краснознамённая ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия.

В Леникане была сформирована 320-я стрелковая дивизия 2-го формирования, которая перед отправкой на фронт, по данным на 16 сентября 1942 г., в своих рядах насчитывала 9,1 тыс. солдат и офицеров, в том числе почти 8 тыс. армян (88 % личного состава). Дивизия обороняла Кавказ, в январе 1943 г. участвовала в освобождении Ставрополя, а 8 февраля 1943 г. освободила г. Азов, затем вела борьбу за дельту Дона и пыталась прорвать немецкий рубеж Миус-фронт под Самбеком. После ожесточенных боев в 320-й стрелковой дивизии осталось в строю около двух тысяч человек. День Победы **320-я Енакиевская Краснознаменная ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия** встретила в Альпах, на высоте 1837 м [10].

В битве за Кавказ армянские стрелковые соединения сыграли важную роль в ключевых сражениях как в оборонительный период, в боях под Туапсе,

Малгобеком, Нальчиком и Орджоникидзе, так и в ходе наступления, освобождая территории Северного Кавказа, Таманский полуостров и устье Дона. Мужество и стойкость воинов семи дивизий, с абсолютным или преимущественно армянским личным составом, подтверждены большим количеством награждений боевыми орденами и медалями, присвоением звания Героя Советского Союза шести военнослужащим за подвиги в ходе сражений на Кавказе в 1942–1943 гг. Боевые знамена дивизий увенчаны орденами и почетными наименованиями освобожденных городов. Десятки тысяч армянских воинов отдали свои жизни в ходе боевых действий, и имена многих из них увековечены на плитах воинских мемориалов и братских могил, в благодарной памяти наших народов.

Статья подготовлена в рамках реализации НИР АААА-А-18-118011990322-1 «Политические и социально-экономические риски и угрозы устойчивому развитию Юга России».

Примечания

1. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1971. С. 480.
2. Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 17.
3. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 2011. Д. 26. Л. 180, 181.
4. ЦАМО РФ. Ф. 408 сд. Оп. 4671. Д. 1. Л. 100.
5. ЦАМО РФ. Ф. 408 сд. Оп. 4671. Д. 12. Л. 2.
6. ЦАМО РФ. Ф. 28(16). Оп. 1072. Д. 481. Л. 117–125.
7. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 499. Л. 68.
8. ЦАМО РФ. Ф. 28(16). Оп. 1072. Д. 481з. Л. 197–204.
9. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 264.
10. URL: <http://www.poisk-pobeda.ru/forum/index.php?topic=2578.0> (дата обращения: 12.02.2018).

Н.К. Баев, Н.Г. Судоргин

РОДНИК НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО ЗАВОДА «КРАСНЫЙ АКСАЙ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДОНСКИХ АРМЯН

Бережное отношение к объектам наследия и достопримечательным местам является важнейшим способом сохранения исторической памяти и национальной идентичности. Это особенно востребовано на высокоурбанизиро-

ванных территориях, подвергающихся трансформации в результате плотной многоэтажной застройки. В последние годы на исторический Нахичеван надвигается массовая застройка, а одной из площадок стал бывший завод «Красный Аксай». Данная публикация посвящена попытке группы краеведов ввести в историко-культурный оборот достопримечательное место «Источники Н. Баракаяна», связанное с переселением крымских армян на Нижний Дон.

Территория завода «Красный Аксай», производившего сельхозоборудование, использовалась для различных целей с момента основания города Нахичеван. Одним из значимых исторических эпизодов, послуживших исходной точкой данного исследования, являются сведения о том, что в 1785 г. гражданин Н. Баракаян в память о своих детях, умерших при переселении из Крыма, благоустроил источники.

Историческая и культурная значимость достопримечательного места подтверждается следующим. На водоразборном павильоне находилась каменная плита с высеченной на ней надписью на армянском языке. Текст плиты может быть переведен следующим образом: «Этот родник, вода которого течет, как Иордан, – памятник дочери и сыновьям Баракаяна Николая: Джугары, Степаноса и Мануэлы, – ныне ставший первым родником новостроящегося города Нахичевана, 1785-го июня месяца 15-го».

До настоящего времени сохранились оригинал и копия каменной плиты. Оригинал плиты, по нашим сведениям, находится в Музее истории (Армения). Копия плиты находится в Ростовском областном музее краеведения.

Об особенностях и истории достопримечательного места также известно следующее. При обустройстве родника проложили тоннель в метр шириной, в который собиралась вода из Кизитериновской балки. В конце тоннеля, над отстойником, соорудили водоразборный павильон. После начала работы нахичеванского водопровода в 1887 г. вода в сеть г. Нахичевань подавалась из источников, обустроенных Баракаяном.

Сооружения и вода использовались для общегородских нужд до середины 1930 гг. Позже вода родников использовались для нужд завода «Красный Аксай», а гидротехнические сооружения были постепенно утрачены.

По инициативе граждан г. Ростова-на-Дону исследовательская группа провела выездное обследование с фотофиксацией, а также изучение доступных информационных материалов. На основании собранной информации было подготовлены документы по признанию выявленного объекта наследия – достопримечательного места «Источники Н. Баракаяна». Документы были представлены в орган государственной охраны объектов наследия (на момент подачи – Министерство культуры Ростовской области). В настоящее время идет обсуждение проведения государственной историко-культурной экспертизы.

Признание территории, где протекают родники, объектом наследия, создание в историческом месте символического сооружения, включающего стилизованную реконструкцию гидротехнического комплекса с установлен-

ной копией исторической доски, способствовало бы повышению привлекательности общественного пространства, сохранению исторической памяти и культурной идентичности, развитию межнациональных отношений.

Примечания

1. Дара. Из истории Нахичевани-на-Дону. URL: www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/iz_istorii_nakhichevani_na_donu/1-1-0-214 (дата обращения: 31.03.2018).

2. Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. В 6 т. Т. 1–5. Ростов н/Д, 1993–1999. (Донская вивлиофика).

Г.А. Баласанян

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС 1917–1918 гг.

1917-й год был судьбоносным для армянского народа. После геноцида 1915 г. в начале 1917 г. у армян зародилась надежда наконец-то разрешить армянский вопрос и вернуть земли Западной Армении своим настоящим хозяевам. В феврале 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция, в результате которой власть перешла к Временному правительству. 27 мая 1917 г. правительство издало декларацию, в которой одной из своих первоочередных задач объявляло освобождение нетурецкого населения Азиатской Турции. В первую очередь это касалось армян.

До этого 26 апреля 1917 г. было обнародовано решение Временного правительства о Турецкой Армении, в котором говорилось, что занятая российскими войсками территория Турецкой Армении до окончательного решения ее статуса мирным договором прямо подчинялась Временному правительству. А самое главное то, что российские войска не выводились из занимаемых территорий [1]. 15 мая 1917 г. генерал-лейтенант П.И. Аверьянов был назначен общим комиссаром Турецкой Армении, а его заместителем по гражданским вопросам – Завриев [2].

Однако после Октябрьской революции положение изменилось. Вначале большевики как будто были за сохранение Турецкой Армении. Было решено, что Советская Россия выпустит специальный декрет по Турецкой Армении. Была организована специальная комиссия, которая занималась подготовкой этого документа. В нее вошли С. Шаумян, И. Сталин, зав. армянского сектора наркомата по вопросам национальностей Ваан Терян, эсэр Прошян, Ростов и другие [3]. Но когда Совнарком РСФСР 29 декабря принял Декрет о Турец-

кой Армении, были внесены серьезные поправки. Во-первых, войска должны были быть выведены. Ответственным за исполнение декрета был назначен Степан Шаумян, однако финансирование не выделялось. И, наконец, в декрете четко не были обозначены границы Турецкой Армении.

Армянский вопрос косвенно обсуждался в Брест-Литовске, во время мирных переговоров между Советской Россией и Четверным союзом. Россия обязалась отвести войска к межгосударственной границе до войны 1877–1878 гг. [4] Этим шагом советское правительство похоронило декрет. Брестский договор неоднозначно был принят в России. Выступая на IV Всероссийском съезде Советов, представитель меньшевистской фракции Мартов осудил этот договор и заявил, что большевики не имели право передать эти земли Турции, потому что они им не принадлежали. Дело в том, что кавказские Советы не приняли власть Совнаркома.

Интересна и реакция самих большевиков на Брест-Литовский мирный договор. 3 марта 1918 г. была опубликована декларация российской делегации на заседании конференции. В ней говорится, что российская сторона вынуждена принять ультиматум и что она подписывает этот ультиматум, отказавшись от его дальнейшего обсуждения. Очень интересно последнее предложение: «В этих условиях рабоче-крестьянское правительство Российской республики не в состоянии противостоять вооруженной атаке германского империализма и для спасения революции вынуждено принять выдвинутые ей условия» [5]. А общим итогом этого договора стало то, что германо-турецкая группировка, пользуясь тяжелым положением Советской республики, отделила от нее территорию общей площадью около 1 миллиона квадратных километров [6].

Судьба Турецкой Армении обсуждалась 24 августа 1920 г., во время первой московской русско-турецкой конференции, но окончательно была похоронена 1921 г. в итоговом документе второй московской конференции. Под названием «Турция» советское правительство признавало те территории, которые были обозначены в турецком национальном пакте, принятом Великим национальным собранием Турции 28 января 1920 г. На этих же территориях должна была быть организована Турецкая Армения [7].

В заключение нужно отметить, что, несмотря на обещания, Советская Россия отказалась от идеи Турецкой Армении и не поддержала свое же решение от 29 декабря 1917 г. Для разжигания революционного пожара на Востоке турки были нужны Ленину, и он не хотел осложнять отношения с Кемалем Ататюрком.

Примечания

1. История Армении. Т. 3. Кн. 2 / Институт истории НАН РА. Ереван, 2015. С. 562. (на арм. яз.).

2. Там же. С. 563.
3. Хуришудян Л. Советская Россия и армянский вопрос. Ереван, 1977. С. 14–53. (на арм. яз.).
4. Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828–1923 гг.) / под ред. Дж. Киракосяна. Ереван, 1972. С. 426. (на арм. яз.).
5. Там же. С. 423.
6. Зограбян Э. Советская Россия и армяно-турецкие отношения. Ереван, 1979. С. 45. (на арм. яз.).
7. Там же. С. 232–236.

Л.В. Батиев

ПОПЫТКИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ В НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

Несмотря на упорное стремление нахичеванской элиты не допустить упразднения Армянского магистрата, Нахичевань-на-Дону в середине XIX в. полностью потеряла административную и судебно-полицейскую автономию, которой успешно пользовалась более 70 лет. Тем не менее руководство города не оставляло попыток создать собственное полицейское управление.

На собрании городского общества 11 ноября 1870 г. было принято решение обратиться в Правление Екатеринославской губернии с прошением «учредить в г. Нахичеване особое от Ростова городское полицейское управление с 1 полицмейстером, 1 частным приставом и тремя его помощниками, отнеся расходы на содержание этого управления на счет города Нахичевана». Городское собрание обращало внимание на то, что «через г. Нахичеван проходит железная дорога, сам город как по денежным оборотам, так и по обширности населения ни в чем не уступает г. Ростову, а один частный пристав не в состоянии следить с должною аккуратностью за благочинием в городе» [1, л. 7]. Однако эти аргументы не показали в Екатеринославе достаточными. В предписании губернского руководства Нахичеванскому городскому голове указывалось, что «в приговоре том не обозначено ни суммы, которую Общество предполагает к расходу по содержанию кроме исполнительных чинов, канцелярии городского полицейского управления, а также в крайне сжатом виде определен и состав полиции» [1, 7об.]. Но не это, по-видимому, было главным. Из текста предписания губернского правления видно, что до его принятия в Екатеринославе побывал ростовский полицмейстер Александр Тартанов, который «как близко знакомый с нуждами г. Нахичевана заявил словесно и представил письменный проект штатов, по которым следовало

открыть в г. Нахичеване городское полицейское управление» [1, л. 7об.]. Надо полагать, что А. Тартанов оказался в Екатеринославе неслучайно и проект штатов Нахичеванской полиции [1, л. 9–9об., 15] также не был его импровизацией. Как только нахичеванцы попросили создать собственное городское полицейское управление, немедленно возник проект достаточно большого учреждения. «Из проекта этого видно, что предлагаемая к открытию полиция должна состоять из полицмейстера с расходом на жалованье ему 1200 р. Канцелярии: Секретаря – на жалованье 500 руб. 2 столоначальников – 400 руб. Регистратора – 200 руб. 2 городских приставов с жалованьем обоим 1200 р., 4 помощников приставов – всем 1600 р. да 70 человек нижних полицейских чинов, на наем которых вместе с расходом по продовольствию и обмундированию потребуется 12 600 руб.; кроме того, на канцелярские издержки полицмейстера и городских приставов, наем писарей и сторожа – 1800 р. По счету Ростовского полицмейстера всего содержанию в г. Нахичеване городского полицейского управления потребуется расходу 19 300 р. в год, более суммы остатка на 4 320 р. 93 $\frac{1}{4}$ коп.; затем для полицейского управления еще потребуется на первых порах мебель и постоянно наем помещения, отопления и освещения» [1, л. 7об., 16]. Тем не менее губернское правление запросило дополнительное заключение городского общества в форме приговора о всех возникающих вопросах.

Нахичеванцы попытались конкретизировать свои предложения и доказать обоснованность запросов на новом собрании городского общества и совета опекунов. Первый раз собрание было назначено на 24 мая в 3 часа пополудни [1, л. 18]. Но городской голова Матвей Плотников тщетно приглашал ростовского полицмейстера принять участие в собрании и в соответствии с предписанием Губернского правления выразить свое мнение по проекту [1, л. 17]. Окончательный протокол собрания был составлен 28 мая 1871 г. в отсутствие ростовского полицмейстера. Не дал он ответа и на письменный запрос городского головы от 7 июня 1871 г. [1, л. 18об., 22, 28об.].

Городское собрание в приговоре от 28 мая согласилось с предложенным полицмейстером А. Тартановым проектом штата полицейского управления, но внесло некоторые изменения. Во-первых, отмечалось, что «хотя город Нахичеван состоит в двух номинальных частях, но в действительности еще в недавнем прошедшем заведывал городом вообще один заседатель упраздненного Армянского магистрата, с одним письмоводителем и с одним писцом». Поэтому, заключали авторы приговора, в настоящее время не предвидится необходимости в двух приставах: «один пристав с тремя помощниками из коих, находясь один постоянно или поочередно, как найдется это удобным полицейским управлением, на левом берегу реки Дона, где преимущественно в лето на короткое время бывает стечение народа, по случаю оживленной торговли там сельскими произведениями, весьма удобно и удовлетворительно смогут выполнить службу» [1, л. 10–11, 24–25]. Далее предлагалось: «вместо

означенных в сказанном проекте 30 десятских для полицейского управления и частей... иметь 22 пеших и 6 конных, так как сии последние могут с лихвой заменить 9 пеших, как для рассылки в спешных случаях, так и для ночных объездов и дозора». В 40 городских горожане не увидели надобности, «при существовании у нас ночных сторожей или хожалых при квартирах города по найму от домохозяев, число таких хожалых в настоящее время простирается более 40 человек... а двое из верховых, объезжая город днем, легко могут наблюдать за благоустройством города и чистотой улиц» [1, л. 11об.].

Разместить полицейское управление предполагалось «в городском здании упраздненного магистрата, а для части будет нанято удобное помещение в центре города, где мог бы помещаться и пристав» [1, л. 13об.]. С учетом предложенных изменений сумма расходов должна была составить не заявленные полицеймейстером Ростова 19 300 р., а 10 380 руб. [1, л. 13], тогда как доходы города, остающиеся за вычетом расходов, составляли 14 911 р. 89 $\frac{3}{4}$ к., а к ним еще следовало прибавить расходы на содержание уже существующей в Нахичевани полицейской части 7360 р. [1, л. 13об.]. Руководство города соглашалось с тем, что, несмотря на приток людей «торгово-промышленного, мастерового и рабочего классов» после проведения железной дороги, Нахичевань «не может идти в сравнение с соседним городом Ростовом, но много раз уступает оному численности народонаселения, как местных, так и приезжих» [1, л. 11]. Оно также отмечало, что «по исключительному своему положению, так и по значению Нахичевана в числе городов Екатеринославской губернии, даже по купеческим капиталам и размерам участия в государственном налоге... справедливость требует, чтобы дано было Нахичевану, как самостоятельному городу, самостоятельное же учреждение» [1, л. 11–11об.].

Из-за саботажа полицеймейстера дело затянулось, и вот уже 3 июля 1871 г. губернское правление предписывает городскому голове немедленно «исполнить предписание сего правления от 28 февраля за № 1168» [1, л. 19]. После этого в Екатеринослав был отослан рапорт с общественным приговором. Однако аргументы города вновь не были приняты, но уже под другим благовидным предлогом. Губернское правление вернуло приговор и штаты, проектированные ростовским полицмейстером, имея в виду, что в непродолжительном времени будет введено в действие в Нахичевани «Городовое положение», так как нашло «наиболее соответственным настоящее дело передать на обсуждение имеемой образоваться в Нахичевани новой думы» [1, л. 24–24об.].

После образования Городской думы нахичеванцы вновь выступили с аналогичной инициативой. Согласно штатам и новой смете, составленным городской комиссией 15 ноября 1872 г., общая сумма расходов составила 13 830 руб. [2, л. 4]. В связи с настоящей потребностью в усилении полицейского надзора городская комиссия предложила включить в штат 20 городских (независимо от учреждения предлагаемого полицейского управления),

хотя их функции до последнего времени успешно выполнялись ночными сторожами [2, л. 1–2, 4]. Затем дума внесла изменения в штат, сократив расход на 1940 руб., и вся сумма составила 11 890 руб. По справке заступающего в должность городского головы, «содержание полиции обходится городу в 10 685 руб.», т.е. разница составляла лишь 1205 руб. [2, л. 20об.]. Но решение дела явно затягивалось. 4 октября 1873 г. от имени генерал-губернатора последовало очередное предписание Нахичеванской городской думе постановить, в каком именно размере она признает возможным отпускать сумму из городских доходов на содержание полицейского управления [2, л. 11]. И вновь вопрос о полном обеспечении полицейского управления на средства города был поставлен перед городской думой, теперь уже заступающим в должность городского головы Каракашем. Только при этом условии возможно было возобновить ходатайство об осуществлении желания общества [2, л. 20об.]. Как видим, губернская бюрократия явно не собиралась создавать в Нахичевани собственное полицейское управление, пользуясь бюрократическими проволочками. Истинная причина крылась не в финансах, а в недоверии к Нахичевани и желании иметь полицейскую власть, совершенно не связанную с армянским городским обществом.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ 18-59-05004 «Армянская община Дона в новейший период: история, институты, идентичность».

Примечания

1. Национальный архив Армении. Ф. 139. Оп. 1. Д. 251.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 91. Оп. 1. Д. 15.

М.В. Братолубова

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Имперский период российской истории не может считаться изученным без осмысления феномена общественных организаций – добровольных, самоуправляющихся и надлежащим образом оформленных объединений, создававшихся на постоянной основе для решения насущных нужд производственного и некоммерческого характера. К началу XX в. количество легальных объединений выросло в сотни раз, и составляли они весьма заметную часть институциональной структуры общества [1].

Самодеятельная активность реализовывалась в таких областях, как совершенствование городской инфраструктуры и коммунальной политики, социальная защита, здравоохранение, физическая культура и спорт, организация досуга, совершенствование духовно-нравственной жизни, образовательно-культурная и художественная деятельность и т.п.

Вхождение в российскую жизнь общественных организаций символизировало зарождение нового типа организации социума, приходящего на смену характерным для феодально-сословного строя корпоративным иерархическим институтам, основанным на принципе принудительного участия. Он был ориентирован на равенство возможностей, самофинансирование, выборность, принятие совместных решений в ходе их демократического обсуждения, ротацию должностей, подконтрольность вышестоящим нижестоящим.

В донской «неуниверситетской» провинции, в том числе и в Нахичевани, складывание развитой инфраструктуры добровольных обществ отставало от столичных центров. Более позднее общественное созревание провинции имело под собой объективные причины, которые не сводились лишь к нераспорядительности и безынициативности местных общественных деятелей. Власть относилась к открытию организаций подозрительно, отдавая приоритет столичным центрам. Ввиду немногочисленности в провинции социально активного слоя численность членов обществ была в большинстве своем невелика. В то же время в условиях провинциальной России, где ритм общественной жизни не отличался особым накалом и напряженностью, культурно-просветительская миссия местной нахичеванской общественности по развитию образования, научных знаний и эстетической культуры приобрела особую значимость. Добровольные общества в Нахичевани способствовали также разрушению культурной обособленности российской провинции.

В состав обществ Нахичевани входили представители всех сословий, учредителями и активистами организаций обычно становились представители интеллигенции. Участие интеллигенции в армянских общественных организациях являлось практически единственной законной возможностью выражения гражданской позиции, контакта с массами и просвещения народа.

Пестрота социального состава обществ в Нахичевани обусловила и различную политическую ориентацию их членов. Большинство легальных организаций Нахичевани не имело ярко выраженной идеологической окраски, но сам факт их существования (учитывая добровольность членства, выборность руководства, возможность дискуссий, публичность и гласность) способствовал определенной либерализации общества. В целом в общественных организациях Нахичевани революционного периода прослеживается либеральная линия. Она была не такой решительной, ограничивалась преимущественно сферой просветительской и пропагандистской деятельности.

В Нахичевани действовали научно-просветительские общества – добровольные объединения граждан, созданные с целью распространения про-

свещения, оказания помощи в получении образования, интеллектуального обогащения и продвижения научных знаний. К таким обществам можно отнести Ростово-Нахичеванское общество народных университетов. Общество «Знание», открытое в Ростове и Нахичевани-на-Дону в 1910 г., ставило своей целью устройство научно-просветительных учреждений и желание дать широкое образование народным массам [2].

Еще в 1896 г. группой врачей Ростова и Нахичевани-на-Дону в составе 19 человек было создано Общество врачей [3]. Общество было нацелено на улучшение положения здравоохранения в регионе через учреждение лечебниц, санаториев, всеобщего доступа к бесплатному лечению, проведение пропаганды здорового образа жизни. В числе вопросов, имеющих общественное значение, были: вопрос о мерах борьбы с эпидемическими болезнями в Нахичевани и Ростове; вопрос об устройстве лечебницы для приходящих бедных больных. В Обществе состояло 45 человек.

В научно-просветительской области значительной была деятельность Общества истории древностей и природы, учрежденного в 1909 г. изначально как общества, действующего только в Нахичевани, затем распространившего свою деятельность и на Ростов-на-Дону. Целью общества являлось изучение истории и природы Нахичевани и Ростова [4]. Для достижения вышеупомянутых целей Общество собирало материалы по истории, археологии, геологии и нумизматике Нахичевани; устанавливало историю основания Чалтыря, Султан-Салов; разрабатывало данные, касающиеся статистики города; составляло коллекции по геологии, палеонтологии, минералогии, почвоведению, зоологии, ботанике; издавало «Записки» своих трудов.

Национально организованная армянская общественность проявляла наибольшую социальную активность в сфере просвещения и образования. Армянские общества занимались активной просветительской деятельностью. Именно через сплоченные коллективные объединения представители армянского населения решали вопросы образования, учреждая учебные заведения, библиотеки, организовывая лекции, чтения, культурно-эстетические мероприятия, выделяя средства для обучения наиболее нуждающимся учащимся как в пределах своего региона, так и в России. По эффективности реализации запланированных мероприятий можно отметить активно развивающееся в начале XX в. Нахичеванское-на-Дону армянское благотворительное общество. В 1905 г. с целью «содействовать умственному, физическому и нравственному воспитанию детей дошкольного возраста» было открыто «Общество содействия воспитанию детей дошкольного возраста в г. Нахичевани-на-Дону» [5]. Учредителями Общества были Е.Г. Яблокова, Г.С. Чахирова, А.К. Мелконова-Езекова, М.Г. Мелконова-Езекова. В 1907 г. насчитывалось 144 члена Общества. Средства Общества складывались из членских взносов, пожертвований, благотворительных вечеров от Нахичеванского городского управления, Церковного попечительства о бедных ар-

мянах, Ростовского-на-Дону Общества взаимного кредита. Обществом был открыт детский сад, в конце академического года дети, достигшие школьного возраста, определялись в местные армянские приходские школы [6].

Армянской общественностью создавались специальные попечительства при церквях. Так, Церковное попечительство о бедных армянах Нахичевани-на-Дону было учреждено 27 октября 1889 г. при Нахичеванской армяно-григорианской соборной церкви для попечения о бедных армянах. Общество имело недвижимое имущество, от которого получало доход до 20 000 руб. в год. Данная армянская общественная организация располагала значительными средствами и оказывала серьезную помощь за счет пожертвований богатых купцов и предпринимателей [7].

Активно работали в Нахичевани женские армянские благотворительные общества. Нахичеванское армянское женское благотворительное общество попечения было основано в 1882 г. по инициативе армянского епископа и при участии женщин-благотворительниц общества. Общество отличалось немалыми материальными ресурсами, складывающимися в основном из крупных частных пожертвований [8].

По примеру центральных российских городов в Ростове передовая армянская общественность объединялась в культурно-эстетические общества, не только занимавшиеся организацией и проведением досуга, но и стремившиеся наполнить и обогатить повседневную жизнь горожан культурно-эстетическими мероприятиями. Устраивая концерты, спектакли, балы, маскарады, художественные выставки, общества прививали тем самым провинциальному армянскому населению вкус к организованному досугу и потреблению культурных ценностей.

В декабре 1907 г. на базе ликвидированного Ростовского-на-Дону артистического общества было образовано Ростово-Нахичеванское общество изящных искусств. Общество финансировалось в основном Академией художеств, Ростовской-на-Дону городской управой и частными жертвователями. С 1911 по 1919 г. Общество провело 8 художественных выставок-продаж. В выставках приняли участие не только местные художники и скульпторы, среди которых М. Сарьян, но и иногородние – А.И. Куинджи, А.М. Васнецов, Б.М. Кустодиев, И. Левитан и другие [9]. Учредителями Общества любителей драматического искусства в Нахичевани были И. Чарихов, Т. Попов, Г. Чубаров. Объединение занималось организацией увеселительных мероприятий, постановкой спектаклей, концертов, вечеров.

Для российского населения, воспитанного в традициях государственного патернализма, добровольные организации с их самостоятельностью в определении направлений работы, привлечении членов и финансов, способностью к самодисциплине являлись школой гражданской самодеятельности. Они привили вкус к публичной работе, формировали чувство гражданского долга и ответственности, а также иные идеалы и ценности, способствовав-

шие превращению обывателей, кругозор которых ограничивался заботами о личном существовании, в свободных граждан, мыслящих категориями общественного блага и прогресса.

Превращаясь из редкого элемента социально-культурного ландшафта Нахичевани в его неперемный атрибут, добровольные объединения способствовали складыванию в армянском обществе своеобразной культуры ассоциирования.

Примечания

1. Туманова А. С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVI – начала XX в. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 51.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 71. Л. 15.
3. Труды Общества врачей г. Ростова-на-Дону и Нахичевани за 1897 г. Ростов-на-Дону, 1898. С. 1.
4. Устав Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы. Ростов-на-Дону, 1909. С. 1.
5. Там же. С. 2.
6. Отчет Общества содействия воспитанию детей дошкольного возраста г. Нахичевани-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1908. С. 18.
7. Там же. С. 17.
8. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 529. Л. 94об.
9. Там же. Л. 100.

С.С. Вардазарян

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В УКРЕПЛЕНИИ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Общественная организация – это добровольное объединение граждан на основе общности интересов, имеющее относительно устойчивую организационную структуру, фиксированное (оформленное) индивидуальное или коллективное членство. Наряду с политическими партиями заметную роль в общественно-политической жизни играют общественные организации и движения. Однако, реализуя свои специфические задачи и функции, общественные организации и движения решают задачи широкого общественного значения, вносят весомый вклад в государственное, хозяйственное, социально-культурное строительство. Формирование разветвленной систе-

мы общественных организаций и движений является показателем развитости гражданского общества, свидетельством многообразия и структурированности его интересов [1].

Начиная с конца XX в. число общественных организаций в мире, да и на постсоветском пространстве, увеличивалось с прогрессивной скоростью. Со временем увеличились как роль, так и вес общественных организаций в обществе. Можно утверждать, что общественные организации как часть гражданского общества являются мощным стимулирующим катализатором для решения множества вопросов, волнующих общество.

После распада СССР и обретения независимости и в Республике Армения, и в Российской Федерации появилось большое количество различных фондов, движений, общественных организаций. Однако их деятельность нельзя было назвать конструктивной и систематизированной. Закон об общественных организациях Республики Армения был принят 4 декабря 2001 г., в нем дается четкое определение общественной организации (ст. 3), указываются механизмы регулирования государства и общественных организаций (ст. 5) и т.д. [2].

Федеральный закон об общественных объединениях Российской Федерации был принят Государственной думой 14 апреля 1995 г. Данный закон, как и в Армении, регулирует деятельность общественных организаций в стране [3]. Взаимоотношения Армении и России носят стратегический, союзнический характер. В 2017 г. исполнилось 25 лет со дня установления дипломатических отношений между нашими государствами. Как отметил президент России В.В. Путин в ходе официального визита президента Армении Сержа Саргсяна в Россию, «Россия и Армения искренне стремятся к укреплению взаимовыгодного сотрудничества и всестороннего стратегического партнерства. Особое значение для наших стран имеют тесные контакты между людьми, культурные, научные, образовательные связи» [4].

Конечно, невзирая на тесные связи между нашими государствами, время от времени по разным причинам возникает напряженность во взаимоотношениях. Особенно критическими были 2015 и 2016 гг. И именно в этой тяжелой ситуации проявили себя некоторые армяно-российские общественные организации. Они активно вели разъяснительные беседы с населением, проводили акции, дежурства у здания посольства РФ в РА для недопущения провокаций. Данные усилия увенчались успехом, шквал критики в адрес политики России постепенно уменьшился. Именно благодаря в том числе действиям общественников удалось достичь такого результата. На наш взгляд, деятельность армяно-российских общественных организаций – это своего рода политика «гражданской дипломатии», проводимая Россией в Армении и наоборот. К сожалению, очень многие молодые люди, родившиеся после распада СССР в Армении, плохо владеют русским языком. Поэтому задача общественных организаций быть проводниками российской культуры, ценностей, мировоззрения в Армении и армянской – в России.

В Армении действуют несколько армяно-российских молодежных общественных организаций. Следует, на наш взгляд, начать с исторической темы, которая объединяет почти всё постсоветское пространство. В Армении ежегодно проводятся десятки военно-патриотических мероприятий и акций, посвященных Великой Отечественной войне, войне в Республике Арцах, организовываются круглые столы, снимаются фильмы о ветеранах ВОВ, организовываются встречи ветеранов войн со школьниками и студентами, проводятся акции «Георгиевская ленточка» и т.д. Мы считаем, что подрастающее поколение обязано знать своих героев-соотечественников. Кульминацией работы военно-патриотического блока является проведение акции «Бессмертный полк», впервые проведенной в Армении в 2017 г., где под единым знаменем победы собрались несколько тысяч человек. На сегодняшний день в Армении проживают около 400 ветеранов ВОВ, многие из которых находятся под пристальным вниманием общественных организаций [5].

Другим важным фактором деятельности является распространение русского языка и русской культуры в Армении, а армянской – в России. Для лучшего понимания необходимо познавать друг друга через призму культуры. Для этого организовываются дни русской культуры в Армении и армянской культуры – в России, поэтические вечера русских и армянских классиков. Немаловажную роль в организационной части играют дипломатические представительства наших стран, которые поддерживают любую инициативу, направленную на укрепление армяно-российских взаимоотношений [6].

Как уже отмечалось выше, существенную роль играет ознакомление россиян с Арменией и армянской культурой. После присоединения Армении к ЕАЭС поток туристов из России в Армению заметно увеличился, что является дополнительным стимулом для наших народов познать друг друга лучше.

Помимо локальных проектов также проводятся армяно-российские и российско-армянские форумы, круглые столы, конференции, на которых обсуждаются различные актуальные вопросы.

Однако есть и негативные моменты, урегулирование которых позволит наладить более тесные и продуктивные взаимоотношения между молодежью наших государств. Речь идет о реальных армяно-российских проектах, в которых молодежь будет мотивирована не только исторической памятью – сотрудничество будут приносить материальные дивиденды. Думаем, что армяно-российская молодежь могла бы создать совместные группы по IT-технологиям, СМИ, физике, биоинженерии и т.д. и созданный продукт продавать на мировом рынке. Ведь в Советском Союзе в НИИ работали и русские, и армяне, и евреи, и украинцы. Уверены, что научное начало может объединять лучше и крепче.

Другой немаловажный вопрос – это прозападные фонды и общественные организации, которые путем грантов, совместных проектов притягивают молодежь Армении к себе, предлагая им более перспективные условия

для саморазвития. И как результат – отправка их за границу на учебу. Это те вопросы, которые необходимо решить нам сообща.

В целом работа в сфере общественной деятельности, проводимая армяно-российскими общественными организациями, удовлетворительна. Многого сделано, однако останавливаться ни в коем случае нельзя. Необходимо развивать достигнутые результаты и налаживать более тесные контакты с российскими и армянскими общественными организациями, а также государственными структурами для большей координации деятельности, а также действовать исходя из интересов молодежи двух государств.

Примечания

1. Решетников С.В. Политология. Минск: Тетрасистемс, 2011. С. 270–271.
2. Закон Республики Армения об общественных организациях. URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1295&lang=rus>
3. Федеральный закон Российской Федерации об общественных объединениях. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7877>
4. Заявления для прессы по окончании российско-армянских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54046>
5. Официальная страница Общественной организации «Бессмертный полк Армении». URL: <https://www.facebook.com/bessmertniy.polk.armenii/>
6. Официальная страница Общественной организации «Российско-армянское молодежное единство». URL: <https://www.facebook.com/ОО.RAME/>

С.В. Варданян

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УБРАНСТВО АРМЯНСКИХ ЦЕРКВЕЙ АРМАВИРА. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Религиозной жизни армянского населения Армавира всегда был присущ яркий и неповторимый колорит. До советской власти здесь существовало пять армянских церквей. Среди них сегодня сохранился лишь один действующий храм Успения Святой Богородицы, где в данный период проводятся реставрационные работы, и здание старого георгиевского храма (ныне жилой дом). В 2015 г. на месте снесенного большого храма местные армяне вместе с Ново-Нахичеванской епархией соорудили небольшую крестообразную церковь Святого Георгия из красного туфа. Росписи двух ныне существующих церквей в течение последних лет выполнены профессиональным армянским иконописцем, знатоком средневекового искусства Айком Азаряном [1]. В нашем докладе впервые будут представлены новые фрески двух армавирских церквей.

1. Еще 23 февраля 1839 г. командующий Кубанской линией генерал-майор Г.Х. Засс приказал переселить черкесских армян на левый берег Кубани, напротив крепости Прочный Окоп, и специально распорядился, чтобы на новом месте «не было большого стеснения, наблюдаена правильность улиц, и чтобы посредине всего поселения оставлена была площадь, достаточная для построения церкви». Г.Х. Засс распорядился, чтобы храм возводился на каменном фундаменте, был покрыт железной крышей и увенчан позолоченным крестом [2–4]. К сожалению, в одну из ночей 1842 г. недостроенный деревянный храм полностью сгорел. 25 августа 1861 г. вновь выстроенная кирпичная армяно-григорианская церковь была торжественно освящена Астраханским архиепископом Матевосом, получив название Верапохумн Сурб Аствацаци (Успения Святой Богородицы). А в 1887 г. завершился капитальный ремонт Успенской армянской церкви. Возможно, что только после этого старейшая в Армавире церковь приобрела свой нынешний облик, более близкий к армянской культовой архитектуре, нежели тот, который изначально был предусмотрен в проекте ее постройки [3]. Этот храм уцелел до наших дней и действует (ул. Кирова, 7). Интерьер церкви до настоящей реставрации был украшен как росписями, так и станковыми картинами XIX в. Евангельские сюжеты представляли в основном интерпретации документально-исторической картины. Образы апостолов и святых решены в академической реалистической манере письма [5]. Есть среди них самобытные картины-иконы, присущие армянскому церковному искусству XVII–XIX вв., выполненные неизвестными мастерами.

2. 6 июня 1868 г. на собранные среди жителей аула пожертвования была заложена часовня, приписанная к Успенской армянской церкви. Повод строительства часовни весьма символичен. Отмечая спасение Александра II от неудачного покушения на его жизнь в Париже 25 мая 1867 г., коренные армявирцы подчеркивали свою преданность России и ее монарху. Как выглядела эта часовня, а также ее точное местонахождение, пока неизвестно.

3. Через 20 лет после освящения Успенской армянской церкви местные армяне другого квартала решили построить в селении новую церковь [6]. Вместо предполагавшегося молитвенного дома им удалось возвести небольшую кирпичную церковь. В 1887 г. Астраханский архиепископ Геворг Суренянц (будущий католикос Геворг V) освятил ее под именем Сурб Геворк (Святого Георгия Победоносца). Здание старой Георгиевской церкви сохранилось до наших дней (ул. Люксембург, 170). Сегодня оно используется в качестве жилого дома. Его обитатели пристройками и переделками сильно исказили первоначальный облик этого, безусловно, ценного историко-архитектурного и культурного памятника. Храм Святого Георгия Победоносца вместе с притворами в плане имеет форму четырехконечного креста и ориентирован на восток. Молитвенный зал представлял собою длинное и высокое помещение. Алтарная часть была приподнята и отделена

от остальной площади алтарной преградой и занавесью. Судя по одной из старинных фотографий, где Георгиевский храм виден на втором плане, над его центральной частью на барабане возвышался небольшой купол с крестом. С юго-западной стороны к зданию примыкала невысокая двухъярусная колокольня. О росписях и картинах пока информации нет.

4. В 1902–1904 гг. в Армавире на новом армянском кладбище (ныне это обширная территория между улицами Володарского, Шаумяна и железнодорожными линиями) была возведена еще одна кирпичная армянская церковь – Сурб Погос Петрос (Святых Павла и Петра). Сведений об этом культовом памятнике сохранилось немного. По рассказам старожилов, церковь Павла и Петра имела небольшие размеры и была выдержана в строгом стиле средневековой армянской архитектуры. Проводились здесь в основном поминальные службы. В советское время судьба храма, как, впрочем, и места вечного упокоения многих армавирцев, оказалась трагичной. В апреле 1922 г. новые власти осуществили здесь изъятие церковных ценностей. В 1931 г. на территории армянского кладбища начал работать лесопильный завод, что в 1936 г. обрекло на уничтожение бывшую кладбищенскую церковь.

5. С конца XIX в. на фоне бурного экономического развития Армавира многократно увеличивается численность его жителей за счет притока переселенцев из разных уголков России и из заграницы. В числе приехавших было немало армян. Духовные запросы растущей армянской общины вызвали к жизни вопрос о сооружении еще одного приходского храма. Торжественная закладка новой церкви Святого Георгия состоялась 23 апреля 1908 г. Только весной 1915 г., когда Армавир уже стал городом, все строительные и отделочные работы были окончены. Внушительный кирпичный корпус Георгиевского храма был выдержан в стиле средневековой армянской культовой архитектуры. Для освящения Георгиевского храма в Армавир прибыл епископ Астраханской армянской епархии Мхитар. Описавший всё происходящее журналист армавирской газеты отметил: *«Нельзя не упомянуть о новоотстроенном Георгиевском храме, как он вышел велик и красив. Поразительно хороша отделка храма внутри и снаружи. Снаружи храм оштукатурен и выкрашен приятной для глаз краской светло-коричневого тона. Внутри храм разделан весь однообразно под мрамор. Роспись совершена окончившим Петроградскую академию художеств армянином художником Аршаком Фетфедяном. Особенно хороши иконостас – колоссальных размеров, из чистого мрамора, работы известного итальянского мастера г-на Като. Икона Богородицы с младенцем на руках, написанная на полотне, помещенная над престолом в нише, исполненная в древневосточном стиле, производит впечатление неземной чистоты и святости и уносит при взгляде на нее мысль в небесную высь»* [7]. Новая Георгиевская церковь стала одним из самых фундаментальных

и красивейших армянских храмов Северного Кавказа. Нами в архиве НКГ Армении, в документах А. Фетваджяна был найден уникальный эскиз с образом Христа и надписью автора о перенесении рисунка на стену армавирской церкви Св. Георгия [8].

Большой Георгиевский храм, к сожалению, стал жертвой антирелигиозной политики советских властей. В 1939 г. церковь была отобрана у прихожан и разобрана для использования стройматериала (кирпича).

В дореволюционный период силуэты армянских Успенской и новой Георгиевской церквей, а также русской православной Николаевской церкви господствовали над молодым промышленным городом, играя роль выразительных символов духовности и благородства. История и культура армянского населения Армавира наглядно свидетельствует об интеграции представителей армянской общины в единое государственное пространство России при сохранении и развитии богатой и самобытной национальной культуры [9–11].

Примечания

1. *Vardanyan Satenik*. Haik Azarian // “Divine Temple” (Annual Almanac). “Kolomenskaya Versta”, Saint-Petersburg, I, 2014. P. 9–11.
2. *Шаган-Симон*. Памятник армавирскому четырехголосному хору. Тифлис: Эсперанто, 1914. С. 62–64. (на арм. яз.).
3. *Ктиторов С.Н.* Исторический очерк армянских храмов Армавира // URL: <http://ru.hayazg.info/%D0%9A%D1%82%> (дата обращения: 23.03.2018).
4. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). Ереван: Тигран Мец, 2009. С. 10–15.
5. *Vardanyan Satenik*. “The Image of Jesus Christ in the 20th Century and Contemporary Art of Armenia” // “IKON” 8–2015. Journal of Iconographic Studies. Vol. 8. “Christian Iconography in Modern and Contemporary Art”, Rijeka: Brepols Publisher, 2015. P. 137–144.
6. *Шаган-Симон*. Указ. соч. С. 91–92.
7. *Ктиторов С.Н.* Указ. соч.
8. Архивный отдел НКГА. Аршак Фетваджян. Ф-144.
9. *Погосян Л.А.* Армянская колония Армавира / АН АССР. Ереван, 1981. 181 с.
10. *Поркшеян Х.А.* Происхождение черкесогаев и основание г. Армавира // Вестник общественных наук АН АССР. Ереван, 1971. № 5, май. С. 66–75.
11. *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкесо-горцевъ. Екатеринодарь: Т-во «Печатникъ», 1916. 194 с.

ГЕНОЦИД И РАССЕЛЕНИЕ АРМЯН. ФОРМИРОВАНИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОЛГАРИИ (1895–1944 гг.)

В представленной работе затронуты три основные проблемы, связанные с армянским обществом в Болгарии:

- переселение и число армян в Болгарии в указанный период;
- раскрытие места и роли армян в болгарской экономике на основе проведения сравнительного анализа;
- вклад армян или их роль в создании отдельных отраслей экономики.

Что касается вопроса о переселении, можем утверждать, что первые достоверные сведения о расселении армян на Балканах датируются V в. Переселение, которое началось в ту пору, осуществлялось по разным причинам, при различных условиях и по разным путям. С точки зрения причин, вызвавших его, и времени, в котором оно осуществлялось, этот процесс распадается на три периода: византийский (V–XII вв.), османский (XV–XVIII вв.) и турецкий (конец XIX – начало XX в.).

В болгарских землях армянские колонии со своими церквями и монастырями возникали еще в Средновековье. Под каким-то видом они продолжали существовать и во время османского господства на Балканах. Освобождение Болгарии в 1878 г. и гарантированные конституцией права и свободы ускорили процесс национальной консолидации, и наряду с церквями появились первые школы, где преподавание велось на армянском языке. Описываемый процесс значительно ускорился благодаря массовому приливу беженцев в период 1894–1922 гг. Эти переселения были вызваны целенаправленной политикой геноцида, проводимой турецкими управляющими по отношению к армянскому народу в конце XIX – начале XX в. Данная политика стала причиной большой резни и погромов 1895–1896 гг., которые привели к массовым депортациям и избиению в 1915–1916 гг., а далее – к окончательному ликвидации кемалистами уцелевшего армянского населения во время Греко-турецкой войны 1920–1922 гг. Тогда беженцы нашли радушный прием в Болгарии, их были десятки тысяч, но большая часть продолжила свой путь на запад. К 1926 г. число постоянно проживавших в Болгарии армян – 27 322 чел., оно увеличилось до 34 000 в 1934 г. [1]. Именно этот новый поток ускоряет процесс национальной консолидации и в конце концов приводит к формированию и институционализации армянского общества в Болгарии.

В связи со второй проблемой на основе статистических и архивных данных представлено процентное соотношение в армянском обществе женщин

и мужчин, православных (аракелаган), католиков и протестантов, живущих в городах и деревнях. Необходимо уточнить, что в целом армяне составляют незначительную часть (0,5 %) населения страны. Преобладающее большинство – 92,69 % – живут в городах и составляют 2,24 % городского населения [2].

Намеченный подъем болгарской экономики в период после Освобождения стимулирует развитие торговли, ремесел и заново зарождающейся промышленности, где свое определенное место занимают армяне. Данные Главной дирекции хозяйства 1936 г., представляющие деятельность конкретных армянских фирм, показывают, что армяне занимают первое место по участию в индустрии и ремеслах и второе место – в торговле. Активным было участие армян в распределении капиталов в акционерных обществах и основанных ими банках [3].

Армянские купцы, активно участвующие в международной торговле, основывая кооперативы вместе с армянскими промышленниками, делали вложения своих капиталов в такие отрасли промышленности, продукция которых была востребована как на внутреннем, так и на западноевропейском рынке. Самостоятельно или в сотрудничестве с болгарскими и иностранными предпринимателями они начинают производство шелковых нитей, кожи, табака, сигарет, ковров, текстильных изделий и др. Армяне занимают ведущее положение в развитии ряда отраслей болгарской экономики.

Среди первых армянских нововведений – машинное производство тюля, притом до начала XX в. одни армяне владели искусством нанесения печати на материал. Они держали монополию на производство женских головных платков и торговлю ими. Армянин – создатель первой фабрики по производству ваты, байковой ткани, искусственной шерсти и хлопковых нитей, а еще держит монополию на снабжение болгарской армии.

В начале XX в. один из самых востребованных на международном рынке товаров – шелк. До начала века куколки шелкопряда импортируют в Болгарию с Ближнего Востока, и этим занимаются чаще всего армянские купцы. Именно армяне первые, кто организовал на месте производство куколок и шелковой пряжи. Армяне – пионеры в выращивании яиц и кукол шелкопряда. Они основывают и первые фабрики по производству шелка, где работают в основном армянки. В 1923 г. Нерсес Ханджиян путем скрещивания получил коконы высокого качества, которые не уступали лучшим образцам (этот вид получил название «Багдадский»). За эту деятельность он был награжден болгарским правительством золотой медалью и званием почетного гражданина. Продукция шелковых фабрик пользуется большим спросом в Европе, даже большим, чем шелковые товары, производимые в г. Бурса, и удостоиваются золотой медали на ярмарке в г. Горна-Оряховица в 1926 г.

Армяне в Болгарии занимают ведущие позиции и в производстве ковров. В 1893 г. О. Бохосян основывает в г. Панагуриште (болг. Панагюрище) мастерскую, разросшуюся затем в фабрику, по производству армянских и

персидских ковров. В 1908 г. он участвует в международной ярмарке в г. Антверпен, где представленные им образцы получают высокую оценку. Образцы ковров армянских фабрик получают золотую медаль на ярмарке в г. Горна-Оряховица в 1926 г. [4].

Болгарские армяне зарекомендовали себя и как искусные кожевники, мастера по выделке кожи. В 1926 г. производители лаковой и вельветовой кожи братья Дадурян приобретают государственную монополию на производимые ими товары. Их продукция ценится на внешнем рынке и многократно получает награды и медали на разных международных выставках и ярмарках. Армяне – создатели первых фабрик по производству высококачественных перчаток. В 1929 г. К. Закарян организовал производство искусственных кож, тканей и ковров, а также разных видов красок и красителей. Правительство предоставляет Закаряну монополию на поставку разнообразных товаров и амуниции для болгарской армии.

С кожевенной промышленностью непосредственно связано и производство обуви. Армянские предприниматели производят разнообразную и модную обувь, которая пользуется спросом по всей стране и соперничает с лучшими европейскими образцами.

Армяне (Томасян, Такворян, Тютюнджиян и др.) занимают ведущие позиции в стране в производстве табачных изделий и экспортируют большую часть своей высококачественной продукции на балканские и западноевропейские рынки [5].

Нет такого сектора в болгарской экономике, особенно в городах, где армяне не становились бы инициаторами или основоположниками разных отраслей промышленности, ремесел и торговли, как, например, производство металлических печей и плит, металлических водопроводных труб, арматуры, основание фабрики химчистки и окрашивания. В 1920–1930-е гг. становятся популярными металлические несгораемые кассы – продукция фабрики А. Тосуняна, которая также многократно награждалась золотыми медалями на выставках в 1925–1927 гг.

Заметный вклад внесли армяне и в развитие ювелирного дела. Они первые основали шрифтолитейное производство. Накануне Второй мировой войны в Болгарии действовали свыше 300 больших и маленьких типографий, в основании которых армяне принимали непосредственное участие. Армяне, будучи собственниками зданий или архитекторами, оказали значительное влияние и на оформление городских центров. Большая часть этих зданий объявлена памятниками архитектуры.

Примечания

1. *Константиновъ Борисъ*. Народностенъ съставъ и участие на народности-те въ българското народно стопанство. Издание на “Народна дума”. №3. С. 5.

2. Статистически годишникъ на Царство България от 1936 г.
3. Витоша-Арагат. Българо-арменски годишник. I. Пловдив: Парос, 1935. С. 177. (на арм. яз.).
4. Макарян А. Паметна книга на арменските колонии в Тракия и Македония. Солун, 1929. С. 281. (на арм. яз.).
5. Материали от български и арменски ежедневници от указания период.

М. Геворкян

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ КАК НОВАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

21 сентября 1991 г. в результате референдума, проведенного на территории республики по вопросу, связанному с суверенизацией и с выходом из состава СССР, 2 млн 43 тыс. чел. (или 94,39 % имеющих право голоса) сказали «да» независимости. На основании результатов референдума 23 сентября 1991 г. Верховный совет республики провозгласил Армению независимым государством [1]. Таким образом, после 70-летнего перерыва независимость Армении была вновь восстановлена. До этого, после августовских событий 1991 г., по приказу президента РСФСР Б. Ельцина деятельность КПСС на территории России была запрещена. Свою деятельность приостановила также КПА [2]. Новая независимая республика стала находить международное признание с конца 1991 г.

На международное положение Армении влияли взаимоотношения с Российской Федерацией. После развала СССР внешняя политика Республики Армения продолжала строиться на подходах, сформировавшихся еще при взаимоотношениях с Россией. Как в двусторонних, так и в многосторонних взаимоотношениях между странами практически не было задач, которые не решались в результате взаимного согласия. С Россией Республика Армения была в состоянии многостороннего взаимного сотрудничества, в том числе в военной отрасли (оборона), экономике и т.д.

Армения на Южном Кавказе является для России надежным союзником. Для такого взаимного сотрудничества крепкой основой являются взаимовыгодные отношения между обоими государствами, в том числе в военно-политической, экономической, научной, культурной и других отраслях. Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Армения были утверждены 3 апреля 1992 г. С этого момента начинается продуктивное сотрудничество между двумя странами. С целью приобретения дополнительных гарантий национальной безопасности Республика Армения

приняла участие в подписанном в Ташкенте договоре коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., участниками которого, кроме РФ, являются Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан [3].

Развитие армяно-российских отношений имеет многовековую историю и основывается на интересах двух дружественных народов. Не секрет, что в своей внешней политике Армения реализует идеологию многополярного мира и стремится к балансу как с Европейским союзом, так и с Евразийским регионом. Доказательство тому – интеграционные процессы в Армении. В XXI в. эти процессы привели к вступлению Армении в Евразийский экономический союз, который, по сути, является новой платформой для армяно-российских отношений.

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе [4]. 29 мая 2014 г. президенты Казахстана, Белоруссии и России подписали Договор об Евразийском экономическом союзе, который вступил в силу с 1 января 2015 г. Соглашение о присоединении к Договору ЕАЭС было подписано Республикой Армения 10 октября 2014 г., оно вступило в силу в 2 января 2015 г.

В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика и Российская Федерация. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств – членов Союза [5].

Главным торгово-экономическим партнером Армении продолжает оставаться Россия. Именно Россия в последние годы удерживает позиции крупнейшего зарубежного инвестора в энергетический, банковский, металлургический, строительный секторы армянской экономики. В собственности или управлении у российских компаний находится ряд стратегически важных объектов топливно-энергетического комплекса, начиная от Армянской АЭС и теперь уже компании «Газпром-Армения» и заканчивая «Электрическими сетями Армении», Разданской ТЭС, Севано-Разданским каскадом ГЭС, газо- и энергораспределительными сетями республики.

Присоединение Армении к Евразийскому экономическому союзу открыло значительные перспективы для экономики и деловой среды страны, а также роста объемов экспорта. Членство в ЕАЭС значительно сократило время транспортировки товаров и упростило режимы экономического сотрудничества. Евразийская интеграция, которая является динамичным процессом,

дает Армении возможность задуматься о новом плане индустриализации, разработать новые экономические программы и защитить их среди членов ЕАЭС [6].

Армяно-российские торгово-экономические отношения получили новый импульс в рамках ЕАЭС. Как пример отметим, что в Армении, которая имеет лучшие показатели роста среди стран ЕАЭС, индекс экономической активности вырос на 7,2 %. Внутренний валовой продукт увеличился на 5,7 %. Это лучшие показатели среди стран Союза [7].

Следует использовать возможности для значительного роста экспорта и в другие страны ЕАЭС. В Евросоюз Армения экспортирует главным образом сырье. Повышению уровня конкурентоспособности страны способствовали:

- подписание соглашения с ЕАЭС о снятии таможенных пошлин;
- упрощение всех процедур – от оформления и получения лицензий на экспорт до таможенного оформления;
- стабилизация курса российского рубля, за 2016–2017 гг. рубль укрепился на 22,5 %, соответственно настолько же повысилась валютная выручка экспортеров в Россию;
- снижение цен на газ. Армения газ получает по цене 150 долл. США за 1000 м³, притом что цена за газ в регионе составляет 180–190 долл. С учетом того, что Армения потребляет примерно 2 млрд м³ газа в год, эффект составляет 70 млн долл. При подписании Договора о ЕАЭС цена на газ составляла примерно 400 долл. за 1000 м³, а для Армении цена снизилась с 270 до 189 долл. [8].

В дополнение ко всему этому мы должны подчеркнуть, что Армения, являясь членом ЕАЭС, благодаря своему географическому положению может стать уникальным экономическим мостом между Европой и Азией. Позиционные преимущества Армении позволяют соседнему Ирану связаться с более чем 180 миллионами евразийских рынков, а России – связаться с Ираном. На самом деле Армения может превратиться в транзитную зону между всей зоной ЕАЭС и Ираном.

Примечания

1. Бюллетень Верховного Совета РА. № 18 (998). 30.09.1991.
2. НАА. Ф. 1. С. 84. Д. 1. Н. 68.
3. Земский Б. Коллективная безопасность на пространстве содружества. Международная жизнь. № 11–12. М., 1998. С. 111.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане, 29.05.2014) // СПС Консультант Плюс.
5. URL: <http://www.eaeunion.org/?lang=ru#about>
6. Григорян К. Некоторые вопросы интеграции РА в ЕАЭС // 21 ВЕК. 2016. № 4 (68).

7. Рост и позитивные тенденции: что потеряла Украина и нашла Армения в ЕАЭС. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/03/19/rost-i-pozitivnye-tendencii-cto-poteryala-ukraina-i-nashla-armeniya-v-eaes>

8. Тавадян А. Достижения экономики Армении в 2017 году и актуальные задачи ЕАЭС. URL: <http://soyuzinfo.am/2017/12/dostizheniya-ekonomiki-armenii-v-2017-godu-i-aktualnye-zadachi-eaes/>

А.А. Головлёв

ПАМЯТИ ГРОЗНЕНСКОГО ГЕОЛОГА Г.А. ДУНЯМАЛОВА

Впервые о Георгии Александровиче Дунямалове нам стало известно от вице-президента Всесоюзного общества почвоведов, доктора сельскохозяйственных наук, профессора С.В. Зонна. В 1982 г., рассказывая о периоде своей жизни в г. Грозном в досоветское и раннее советское время, С.В. Зонн упомянул о друзьях по учёбе в реальном училище (потом в советской школе): А.В. Скороходове, В.А. Тиллюпо и Г.А. Дунямалове [1].

Поскольку сведения о Г.А. Дунямалове отсутствуют даже в капитальной сводке о специалистах нефтегазовой отрасли СССР и России [2], приведём известные нам биографические данные об этом грозненском геологе.

В 1984 г. автор настоящей публикации обратился к начальнику Тематической геологической экспедиции объединения «Грознефть» В.А. Станулису с просьбой о содействии в поиске биографических данных о Г.А. Дунямалове. В.А. Станулис предоставил адрес Елены Михайловны Соловкиной – вдовы Г.А. Дунямалова. Благодаря Е.М. Соловкиной нам стали известны основные этапы жизни Г.А. Дунямалова. Родился он в 1906 г. в с. Джалал-Оглы (теперь г. Степанован, Республика Армения). Родители отослали его на учёбу в Грозный, в котором проживал дядя Лев Нестерович Дунямалов.

Дядя Г.А. Дунямалова был состоятельным человеком, имел в Грозном несколько домов. Сам Л.Н. Дунямалов жил на Бульварной улице (в советское время – проспект им. С. Орджоникидзе) в станице Грозненской, недалеко от Граничной улицы (в советское время – проспект Победы), которая разделяла станицу и город. Дом Л.Н. Дунямалова стоял на углу проспектов им. С. Орджоникидзе и Р. Люксембург (впоследствии дунямаловский дом разрушили, а на его месте построили здание Грозненского горкома КПСС). Поскольку у Л.Н. Дунямалова не было сына, он взял на себя заботу о воспитании племянника. Во многом благодаря дяде, Г.А. Дунямалов учился в Грозненском реальном училище (ставшим в советское время школой № 1). После окончания школы Г.А. Дунямалов работал в Геологическом бюро, которое в 1920-е гг.

располагалось в здании, экспропрированном у торговца нефтепродуктами Станислава Августовича Куша.

После работы в Геологическом бюро Г.А. Дунямалов поступил в Горный институт в Ленинграде, по окончании которого вернулся в Грозный. Постепенно поднимаясь по служебной лестнице, занял должность главного геолога Геологоразведочной конторы «Грознефтеразведка». В 1951–1956 гг. Г.А. Дунямалов работал в Венгрии главным геологом Акционерного общества.

Возвратившись на родину, Г.А. Дунямалов работал на Новых промыслах в Октябрьском районе Грозного. Будучи в расцвете творческих сил, Георгий Александрович заболел раком пищевода. Оперировался в Москве у знаменитого хирурга профессора Б.В. Петровского. Скончался Г.А. Дунямалов в 1958 г. в Москве, похоронен в Грозном. Детей у Г.А. Дунямалова не было, однако ещё в 1980-е гг. в Грозном проживали его родственники.

Дунямаловы упоминаются в книге С.Л. Дударева [3] о его родном городе Грозном. В частности, в этой книге упоминается Леон Дунямалов – хозяин дома на бывшей Муравьёвской (в советское время Коммунистической) улице, в котором в 1950-е гг. проживали Дударевы и их соседи. Полагаем, что Лев Нестерович Дунямалов и Леон Дунямалов – одно и то же лицо.

По С.Л. Дудареву [3], в досоветское и раннее советское время Дунямаловы были предпринимателями, занимавшимися торговой деятельностью и операциями с недвижимостью. Дом на Коммунистической улице был конфискован у Леона Дунямалова в период существования Чеченской автономной области (1920–1930-е гг.), а он сам был выслан из Грозного.

Профессор С.В. Зонн рассказывал нам о том, что в семье и кругу друзей Г.А. Дунямалова называли «Бурчиком». Слова С.В. Зонна подтвердились в 1985 г. Вместе с грозненским краеведом и журналистом А.И. Казаковым мы разыскивали на улице Коммунистической дом (до 1923 г. принадлежавший Карапету Мартыновичу Фаниеву), в котором в досоветское время проживала семья агронома В.И. Зонна. В ходе поисков выяснилось, что на этой улице с 1915 г. постоянно проживала Татьяна Петровна Букс, которая хорошо помнила семью В.И. Зонна. На вопрос о том, помнит ли Т.П. Букс Георгия Дунямалова, она незамедлительно ответила: «Бурчика!? Такого человека забыть нельзя!».

Георгий Александрович был общительным, весёлым и жизнерадостным человеком. В школьные годы он действительно проживал в доме дяди Л.Н. Дунямалова на Муравьёвской (Коммунистической) улице вблизи от дома, в котором жил будущий профессор-почвовед С.В. Зонн.

Примечания

1. Головлёв А.А. Встреча через шестьдесят с лишним лет // Почвоведение. 2001. № 12. С. 1511–1513.

2. Профессионалы нефтегазовой отрасли / ред. Г.П. Шульга. М.: Тип. «Нефтяник», 1996. 532 с.

3. Дударев С.А. Это было недавно, это было давно...: очерки истории и повседневного быта одной семьи в интерьере эпохи. К 190-летию основания города Грозного (1818–2008). Ставрополь: Сервисшкола, 2008. 208 с.

Д.А. Давтян

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ НЕКОТОРЫХ АРМЕНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА УКРАИНЕ И В АРМЕНИИ

В 2014 г. Национальной академией наук Республики Армения был опубликованный сборник докладов «Второго международного арменоведческого конгресса», где среди многочисленных работ также была размещена статья И. Гаюк «Роль армянских колоний Юго-Западного региона Украины». Изложенный в статье материал вызвал ряд критических замечаний, которые имеют фундаментальное значение в вопросе исследования истории армян региона.

В данной статье предлагается историческое (в хронологической последовательности) разделение армянских колоний на два типа: «I. древнейшие фактории, активно занимавшиеся торговой деятельностью в черноморском ареале и тесно связанные с историей итальянских торговых республик. Это колонии Измаила, Ликостомо (Килии), Самастро-Монкастро (Аккермана), Джинестры; II – армянские колонии 18–19 вв., часть из которых исторически связана с древнейшими армянскими поселениями, а часть сформировалась в результате присоединения этих земель и Крыма к Российской империи и затем, в конце XIX – начале XX в., пополнилась армянскими беженцами из Турции» [1].

В первую очередь, вызывает вопрос формулировка «итальянские республики», поскольку абсолютно непонятно о каких идет речь: Генуэзской, Флорентийской, Венецианской, Пизанской или иной. Скорее всего, речь идет о Генуэзской республике и ее факториях. Первым в списке указан Измаил. Сведения об этом городе относятся к временам Османской империи, Измаил впервые упоминается в османском налоговом реестре 1542 г. [2]. Посетивший город в середине XVII в. Эвлия Челеби указывает, что в городе три квартала мусульманские, а остальные населены греческими, армянскими и еврейскими реая [3]. Становится очевидным, что армяне в городе поселились в османский период и тесная торговля с Генуэзской республикой, мягко говоря, выгладит сомнительной.

Однако, невзирая на данные факты, автор статьи пишет: «В Измаиле армяне обосновались в средние века, в основном это были выходцы из Передней Азии». А далее, ссылаясь на Л.М. Пиду, утверждает, что в Измаиле в 1669 г. был армянский костел Пресвятой Девы Марии [1, с. 114]. Понятия «Средние века» и «Передняя Азия» настолько размыты, что не дают возможности даже приблизительно понять о каком веке идет речь. Подобное поверхностное отношение к рассматриваемому вопросу не исключение.

Так, утверждая о существовании в 1669 г. в Измаиле армянского костела, автор не предоставляет ссылку на издание. А там/где?/ написано, следующее: «...Kościoły zaś ormiańskie w Akermam, Ismaelu i Benderach, pod panu waniem tureckiem, jako i Kaffa należą do zarządu biskupa ormiańskiego wołoskiego...» [4]. Становится очевидным, что польское слово «kościół» – «церковь» перешел в русскоязычный текст без учета особенности перевода, как и критического анализа историографической и источниковедческой базы. Армян-католиков в Измаиле в указанные годы не было.

Перейдем к следующему городу – Килия. Исследовательница пишет: «Первые армянские поселенцы появились в Килии, вероятно, уже в XIV в. Принято считать, что их численность резко возросла после 1475 г., когда в Южную Бессарабию частично переселились армяне Крыма, оставившие полуостров после турецкого вторжения» [1, с. 115–116]. Заметим, автор здесь ссылается на Т. Саргсян [5], а она в свою очередь, ссылается на работу Ж.А. Ананяна. Самое поразительное, что сам Ж.А. Ананян пишет совершенно иное: «Армяне еще с X–XI ст. начали поселяться в Молдавии и Бессарабии. <...> Более масштабное переселение армян в Молдавию произошло в 1342, 1418, 1475 и 1606 гг., о чем свидетельствуют армянские, молдавские и румынские источники» [6]. Указанные Ж.А. Ананяном периоды абсолютно справедливы, учитывая активную роль в этих процессах и господаря Александра Доброго. Однако следует сказать, что в 1360–1390-х гг. наблюдается миграция армян из Крыма и владений Золотой Орды, вызванное как коммерческим интересом армян к «Молдавскому пути», так затяжной политической нестабильностью и внутренними войнами в самой Золотой Орде, о чем справедливо указывает и А. Осипян [7]. С середины XIV в. присутствие армян было зафиксировано в Ликостомо (Килия), где они фигурировали в статусе «habitor» (жителей) и «burgensis» (граждан).

Рассматриваемый город – Акджа Керман (Белгород) Аккерман находилась продолжительно под властью Улуса Джучи, кратковременно переходил во владение Болгарского царства, а с 1380 г. был включен в состав Молдавского княжества господарем Петром I Мушатой. Первое же письменное упоминание об армянах Белгорода датируется 1421 г. [8], т.е. в молдавский период, а сведений об армянах периода подчинения города Улусу Джучи еще не обнаружено. Однако автор статьи, почему-то дистанцируется от этих вопросов, не останавливаясь даже на проблематике поселения армян в этом городе.

Относительно Джинестры как «армянской фактории» ситуация вообще абсурдная, ибо вопрос о её локализации вообще является дискуссионным.

Совершенно очевидно, что предложенная концепция или утверждения о тесных связях с «итальянскими республиками» не выдерживают критики, как, собственно, постановка вопроса, без анализа причин и периодов миграции армян в этот регион, определения и в целом представления территориального и политического статуса этих городов и территорий.

Обратимся к вопросу «*II типа колоний*», в качестве которых автор в своей статье предлагает рассматривать города Балту, Одессу, Николаев, Очаков, Херсон, Аккерман [1, с. 114]. Рассматривая вопрос армян Балты, необходимо понимать, что речь идет о левобережном городе Юзефграде, находившимся в польском владении, а не о Балте правобережной – турецкой. Согласно исследованию В. Григоряна, армянская колония там возникает в 60-х гг. XVIII в. [9]. Заметим, что в Юзефграде (Балте) поселились армяне-католики, но самое главное, что этот переселенческий очаг был впервые сформирован на землях Речи Посполитой.

Ситуация с другими армянскими «колониями» более запутана автором. В Одессу армяне переселяются из Григориополя, таким образом впервые основывая здесь общину. Первые достоверные сведения об армянах Одессы относятся к 20-м документам 1823–1828 гг. [10]. Таким образом, указанная «историческая связь» в действительности есть не что иное, как миграция армян из Григориополя. Наиболее яркой иллюстрацией присутствия армян в Николаеве, Очакове и Херсоне являются данные всеобщей переписи населения 1897 г. Херсонской губернии. Но согласно переписи в г. Николаеве население армяно-григорианского вероисповедания насчитывало 64 человека мужского пола (м.п.) и 40 – женского пола (ж.п.), армяно-католического – 21 и 3 соответственно, а в Херсоне – только 2 чел. м.п. и в Очакове – 5 м.п. и 2 ж.п. [11]. Разумеется, вопрос армянского населения Очакова и Херсона ни требует каких-либо комментариев, данные переписи дают исчерпывающий ответ. В отношении же Николаева, следует отметить, что утверждать о существовании в городе общины в указанные годы, без соответствующих и функционирующих там армянских институтов самоорганизации, представляется неправильным, можно лишь говорить о начальном этапе формирования общины. Автор статьи относит Аккерман и Измаил к «*I типу*» колоний, однако вдруг из «*II типа*» Измаил таинственным образом исчезает, а Аккерман остается. При этом И. Гаюк пишет: «В 1792 г. через два года армян Измаила, как и близлежащих Аккермана, Килии и Каушан переселили в Григориополь, и лишь с начала 19 в. они снова стали возвращаться обратно» [1, с. 114].

В Аккермане армянское население проживало непрерывно как минимум с начала XV в. Несмотря на организованное переселение, согласно архивным документам, в 1808 г. армяне в городе составляли большинство населения –

131 семья, из которых 117 – записаны как коренные жители по состоянию на 1789–1805 гг. [12].

Становится очевидным, что в Аккермане община (колония) в XVIII–XIX вв. не прекращала своего существования. В Измаиле наблюдается подобная ситуация лишь с той разницей, что местные армяне больше пострадали от «переселения» и военных действий и их количество значительно уменьшилось: в 1808 г. из 1652 человек в городе осталось лишь – 92, а в 1811 г. число реэмигрантов (репатриантов) достигло уже – 244.

В рассматриваемой статье мы обратились лишь к одному тезису, озвученному И. Гаюк: «Город Очаков никогда не фигурировал в перечне мест, где существовали армянские колонии. Тем не менее здесь была армянская колония, и не исключено, что не менее древняя, чем колония в Аккермане» [1, с. 117]. И хотя гипотетически армянская колония здесь могла существовать, пока не обнаружены источники, которые бы об этом сообщали.

Таким образом, из 5 указанных в статье городов, колония возникала в XVIII в. только в Балте, в XIX в. – лишь в Одессе, в Аккермане – не прекращала своего существования, в Николаеве – начала формироваться в конце XIX – начале XX в., а в Херсоне и Очакове – вовсе не существовало.

Резюмируя вышеизложенный материал, отметим, что обоснованная критика и дискуссия являются неотъемлемой составляющей развития науки, без которой прогресс невозможен. Однако возникает вопрос, каким образом редактируются материалы подобных сборников, редколлегии которых санкционируют публикации таких статей. Ответ очевидный: либо указанные в «почетном разделе» научного издания члены редколлегии не вычитывают материалы, либо они действительно солидарны с авторами.

Примечания

1. Гаюк И. Роль армянских колоний Юго-Западного региона Украины // Второй международный арменоведческий конгресс: Арменоведение и вызовы современности: сб. докл. Ереван, 2014. С. 114.

2. Паламарчук С. Походження та історія османського міста Ісмаїл (Ізмаїл) // Міждисциплінарні гуманітарні студії. 2017. Вип. 3. С. 134.

3. Челеби Э. Книга путешествия: Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М.: Институт народов Азии, 1961. С. 32.

4. Pawiński A., Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z kościołem rzymskim, w XVII w., Warszawa, 1876. 129 p.

5. Саргсян Т. Армянские эпитафии из Килии // Праці Центру пам'яткознавства. Вип. 20. Київ., 2011. С. 292.

6. Ананян Ж. Из истории переселения армян в Молдавию и Бессарабию (на арм. яз.) // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. Ереван, 1966. № 9. С. 92–93.

7. Осипян А.Л. Монгольские завоевания и формирование армянской торговой диаспоры на юге Восточной Европы во 2-й пол. XIII–XIV в. // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Вып. 4 / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань: Фолиант, 2011. С. 134.

8. *Ghillebert de Lannoy. Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy, chevalier de la Toison d'or, seigneur de Santes, Willerval, Tronchiennes, Beaumont et Wahégnies. 1399–1450. Mons, Тур. d'Е. Hoyois, 1840. P. 39.*

9. Григорян В.Р. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980. С. 182.

10. Давтян Д.А. История храма Св. Григория Просветителя Армянской Апостольской церкви в Одессе. Одесса: Негоциант, 2004. С. 23–27.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [в 89 т., 119 кн.]. Т. 47. СПб.: Херсонская губерния, 1904. С. 88.

12. Бачинська О.А. Формування та розвиток української громади в місті Акерман у XIX ст. // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Вип. 1. Одесса: Паллада, 2007. С. 140.

Т.Т. Давыдова

РОЛЬ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ГОРОДСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На Кавказе первая городская реформа, являющаяся частью административно-судебной реформы и коснувшаяся лишь Тифлиса, была проведена в 1840 г. [1, с. 191]. Национальное неравноправие узаконивало городское положение 1870 г. введенное в Тифлисе, Баку, Кутаиси и Эривани. Число гласных из нехристиан ограничивалось квотой: 1/3 от общего числа гласных. Ограничение избирательных прав касалось еврейского населения, но впоследствии оно было распространено на мусульман Закавказского края, которые почти во всех городах составляли большинство. Кавказской администрацией было заявлено о необходимости уравнивания прав мусульман и христиан по участию в городских думах и городском общественном управлении [1, с. 191].

В Положении 1892 года различалось три вида городского управления:

- 1) полный;
- 2) полный на основании статьи 93;
- 3) упрощенный [1, с. 191].

В городах Дагестанской области в 1896 г. был введен третий вид городского управления – упрощенный.

По организации городских упрощенных управлений Министерством внутренних дел 30 мая 1893 года была учреждена инструкция. Согласно ей, выборы уполномоченных производились через каждые четыре года на особом сходе лиц, внесенных в избирательный список. Этот список составляется за три месяца до выборов, и в него вносятся только местные домохозяева, т.е. лица мужского пола не моложе 25 лет, русские подданные, владеющие в течение более одного года имуществом стоимостью не менее 100 рублей. Состояли из 12–15 лиц (по усмотрению губернатора) и городского старосты, избираемых домохозяевами города, обладающих определенным имущественным цензом и цензом оседлости. Число уполномоченных из нехристиан не должно было превышать 1/5 части общего числа уполномоченных. Упразднено городское самоуправление было в 1917 г. [2, с. 481].

Круг деятельности органа городского самоуправления, ограничивался вопросами благоустройства городов, выполнением административно-полицейских и налоговых функций в пользу государственного аппарата.

Темир-Хан-Шура являлась административным центром Дагестанской области. Упрощенное городское общественное управление было введено в городе с 1896 г. [3, с. 12]. В состав городского общественного управления Темир-Хан-Шуры на первый срок с 1896 по 1900 г. входило 9 членов. Из архивных материалов известно, что в состав первого самоуправления вошли от армян А.К. Аракчеев и А.Е. Тамазов [4, л. 15], занимавшиеся в городе торговой деятельностью.

В составе членов самоуправления с 1900 по 1904 г. из 12 членов трое были армяне: купцы – А.П. Вартанов, А.Е. Тамазов и потомственный почетный гражданин Я.А. Авдеев [5, с. 219–221].

Если с начала образования упрощенного городского общественного управления в «Кавказских календарях» приводились лишь фамилии городского старосты и его помощника, то с 1903 г. – полные списки членов городского общественного управления всех трех городов. В 1905–1908 гг. в составе Темир-Хан-Шурина городского самоуправления из 16 членов было трое армян: городской староста И.Г. Какаев и уполномоченные Я.А. Авдеев и А.П. Вартанов [6, с. 237]. В четвертом составе уполномоченных с 1909 по 1913 г. на протяжении трех лет от армян входил староста И.Г. Какаев, который не вошел в состав в 1912 г. [7, с. 329]. Пятый состав членов самоуправления – с 1913 по 1917 г. В него входил от армян И.З. Кониев [8, с. 138], которого в 1917 г. заменил армянин А.Г. Петрякин [9, с. 202–204].

Таким образом, за всё время правления в городское управление были избраны от армян А.К. Аракчеев, А.Е. Тамазов, А.П. Вартанов, И.Г. Какаев, И.З. Кониев, А.Н. Петрякин. С 1909 г. и до самой ликвидации самоуправления, т.е. до 1917 г., в состав входило по одному представителю от армян.

В Петровске упрощенное городское общественное управление было тоже введено в 1896 г. [3, с. 12]. В его состав на первый срок с 1896 по 1900 г.

было избрано 11 членов. Из архивного материала следует, что интересы армян представлял И. Карагедов [10, л. 2–3].

В «Кавказских календарях» с 1902 г. приводятся списки составов городского общественного управления г. Петровска и г. Дербента, а с 1903 г. всех трех городов. Из 14 членов самоуправления Петровска с 1900 по 1904 г. трое от армян – это С.А. Аветов и купцы И.А. Карагедов и С.А. Мирзаханов [5, с. 219–221]. В состав 1905 г. из 16 человек входили двое – С.А. Аветов и И.В. Григорьев [6, с. 237], но в 1907 г. вместо К.Н. Мистрова и Л.Л. Быч был переизбран представитель от армян И.А. Карагедов [11, с. 120]. В 1908 г. в состав уполномоченных от армян входили И.А. Карагедов и И.Г. Григорьев [12, с. 123]. В 1910 г. в самоуправлении отмечен только И.А. Карагедов [13, с. 367], который через два года вышел из состава уполномоченных, и в 1912 г. из 13 членов городского самоуправления от армян не было ни одного представителя [14, с. 131]. С 1913 по 1917 г. в состав членов самоуправления от армян входили В.Г. Мустанов и А.П. Акимов [8, с. 136–137].

В Петровске на протяжении всего времени существования самоуправления из армян избирались И.А. Карагедов, И.Г. Григорьев, С.А. Мирзаханов, С.А. Аветов, Г.В. Мустанов, А.П. Акимов. С 1913 по 1917 г. в состав упрощенного городского управления входили двое представителей от армян.

В социально-экономическом плане Дербент был хорошо развит, в то же время политическая жизнь города была довольно сложной. Е.И. Козубский сообщает, что «вопрос о введении в г. Дербент городского общественного управления вставал не однократно, но был реализован лишь в 1896 году избирательным путем» [3, с. 11]. В составе первой организации самоуправления г. Дербента с 1896 по 1900 г. из 18 членов самоуправления были 7 армян. При этом необходимо отметить, что это были грамотные и обеспеченные люди.

В первый состав управления вошли М. Аваков, И.А. Буниятов, И.М. Иерусалимьянц, Н.Р. Папаев, М.С. Саруханов, К.И. Шахиджанов, М.Р. Папаев [15, с. 317–318]. Большинство членов городского самоуправления были из купеческого сословия.

На второй срок (с 1900 по 1903 г.) из 15 выборных членов в состав городского общественного управления вошли 4 армянина: А.И. Симеонянц, Р.Г. Маилов, С.Д. Газалов, К.А. Орбелов [15, 320]. Р.Г. Маилов и К.А. Орбелов проживали в Дербенте с 1864 г., т.е. почти 40 лет.

На третий срок (с 1904 по 1908 г.) были избраны 7 представителей от армян: С.А. Тер-Газарьянц, О.М. Мелик-Шахназаров, М.Г. Погосов, М.С. Саруханов, А.И. Симеонянц, К.И. Шахиджанов, М.И. Аствацатуров [16, с. 238]. В основном это были люди из купеческого сословия, а так же два врача, священник и садоводы.

В 1909 г. в самоуправление было избрано четверо армян: помощник старосты А.М. Газалов, врач А.И. Симеонянц, священник С.А. Тер-Газарьянц и купец Г.И. Шахиджанов [7, с. 329]. В 1912 г. вместо А.М. Газалова и С.А. Тер-

Газарьянца был избран О.К. Исагулянц [14, с. 131]. В пятый состав самоуправления с 1913 г. вошли Л.П. Огаджанов, И.А. Киракосов и А.И. Симеонянц [8, с. 112]. На следующий, в 1914 г., из состава уполномоченных вышел А.И. Симеонянц, и на его место были избраны Г.С. Мирзоев и сын М.С. Саруханова, Л.М. Саруханов [17, с. 143]. В 1917 г. вместо ушедших Г.С. Мирзоева и И.А. Киракосова избрали Г. Меликова [9, с. 202].

С 1896 по 1917 г. членами городского самоуправления от армян были И.А. Буниятов, М.И. Аваков, И.М. Иерусалимьянц, Н.Р. Папаев, М.Р. Папаев, М.С. Саруханов, Л.М. Саруханов, К.И. Шахиджанов, А.И. Симеонянц, С.Д. Газалов, К.А. Орбелов, Р.Г. Маилов, П.Д. Марданов, М.И. Аствацатуров, Г.Б. Мирзабеков, С.А. Тер-Газарьянц, М.Г. Погосов, И.М. Мелик-Шахназаров, О.К. Исагулянц, Л.П. Огаджанов, И.А. Киракосов, Г.С. Мирзоев, Г. Меликов. Они были крупными рыбопромышленниками, священниками, врачами, садоводами, купцами. Некоторые имели множество домов по городу, которые сдавались в аренду мелким торговцам.

Как видно из вышеприведенных данных, в изучаемый период представители армянской общественности принимали участие в управленческой деятельности в городах Дагестанской области. Больше всего их было в городском общественном управлении города Дербента. Видимо, это было связано с тем, что Темир-Хан-Шура и Петровск тогда были молодыми городами, получившими данный статус в 1950-е, 1960-е гг.

Дербент являлся древним городом, который армяне заселили раньше Петровска и Темир-Хан-Шуры. Там находилась одна из самых древних армянских общин на территории Дагестана. Вероятно, с этим связана их активная деятельность в городском самоуправлении Дербента.

Примечания

1. *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края в XIX – начале XX в. (историко-демографический анализ). М., 1991. С. 191.
2. Большая российская энциклопедия. Т. VII. М., 2007. С. 481.
3. Дагестанский сборник. Вып. I. Отдел II. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 12.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 3. Д. 198. Л. 15.
5. Кавказский календарь на 1902 год. Тифлис, 1901. С. 219–221.
6. Кавказский календарь на 1905 год. Тифлис, 1904. С. 237.
7. Кавказский календарь на 1909 год. Тифлис, 1908. С. 319.
8. Кавказский календарь на 1913 год. Тифлис, 1912. С. 138.
9. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916. С. 202–204.
10. ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.
11. Кавказский календарь на 1907 г. Тифлис, 1906. С. 120.
12. Кавказский календарь на 1908 г. Тифлис, 1907. С. 123.

13. Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 367.
14. Кавказский календарь на 1912 г. Тифлис, 1911. С. 131.
15. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 317–318.
16. Кавказский календарь на 1904 г. Тифлис, 1903. С. 238.
17. Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. С. 143.

Т.С. Далалян

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АРРАНОЯЗЫЧНЫХ АРМЯН

Одной из важных проблем современного арменоведения является исследование тех этнографических групп и племен, в том числе и их языков и диалектов, которые обитали и обитают на территории исторической Армении и сопредельных стран, находившихся в сфере влияния армянской цивилизации.

Известно, что начиная еще с раннего Средневековья, Армянская апостольская церковь (ААЦ) распространила свое учение в регионах, расположенных восточнее и северо-восточнее Великой Армении. Автохтонные народы и племена уже с того времени оказались в сфере армянской цивилизации. По этой причине существуют многочисленные религиозные, культурные и языковые взаимосвязи между армянами и этими народами. Среди них – так называемые «кавказские таты», которые, наряду с удианами, являются одним из уникальных народов, до последнего времени частично принадлежавших ААЦ по вероисповеданию.

«Татский» язык Кавказа или новоарранский считается одним из новых иранских языков. На нем говорят (и говорили) некоторые этнографические группы, проживающие в горных районах Юго-Восточного Кавказа, а также на сопредельных территориях, а именно, в прибрежных районах Каспийского моря. Основные поселения указанных групп распространяются от города Дербент до Баку, включая также Апшеронский полуостров, а на западе доходят до реки Гёгчай. Данный регион в прошлом входил в состав исторических областей Арран и Ширван. Арраноязычные этнографические группы не имели какого-либо самоназвания, и потому в современной науке, чисто условно, принято их определять термином «тат». Термин татский, соответственно, соединяет в себе комплекс различных диалектов данных этнографических групп.

«Кавказские таты», по своей религиозной принадлежности, делятся на три основные этнографические группы: «таты-мусульмане», «таты-иудеи» и «таты-армяне»¹. При этом среди татов-мусульман есть как сунниты, так и шииты, таты-иудеи проповедуют иудаизм, а таты-армяне являются последователями ААЦ. В научной литературе языковые варианты указанных этнографических групп соответственно называются мусульмано-татский, еврейско-татский и армяно-татский [1, р. 699]. Наряду с этими тремя языковыми вариантами, можно говорить об одном общем «кавказском татском» языке, который относится к западной ветви иранских языков и который, наряду с тюркским, в начале XX в. и в последующий период был одним из двух основных разговорных языков на территории современной Азербайджанской Республики (САР). Учитывая это обстоятельство, кроме условного термина «татский», можно использовать термин «арранский», который более четко отражает историко-географическое расселение «татов» Кавказа.

Термин арранский засвидетельствован в средневековой историографии. Так, например, арабский автор Ибн-Хаукаль (X в.) сообщает, что обитавший в свое время в провинции Гилян нынешнего Ирана народ гел говорил на языке, который, согласно описанию Ибн-Хаукаля, «отличался и от армянского, и от персидского, и от арранского» [ссылка]. По сути, арабским автором здесь упоминаются три основных языка, на которых говорили в регионах, соседствующих Гилян.

Название арранский, очевидно, восходит к географическому топониму Арран, который является иранской формой названия страны/области *Алуанк* (на арм. яз.) или *Албания* (Αλβανία – в античных источниках). Конечно же нам не известно – являлся арранский, упомянутый Ибн-Хаукалем, кавказским языком или иранским. Вообще повсеместное употребление какого-либо кавказского языка на территории Аррана в X в. маловероятно, так как уже в последние годы владычества Сасанидов этот край был массово иранизирован.

Необходимо отметить, что до распада Советского Союза среди «армянских татов» («армяно-татов», «татов-армян») уже была укоренена армянская идентичность и, независимо от того, были армяноязычными или нет, они считали себя армянами. Посему вполне логично, что после начала Арцахской (Карабахской) войны, наряду с другими армянами, из Азербайджана были изгнаны также «армяно-таты». Новоарранский является комплексом диалектов, на которых говорила значительная часть населения САР в период, непосредственно предшествующий проникновению в данный регион многочисленных потоков тюркского населения. По сути, арранский язык тогда был главным языком коммуникации (*lingua franca*) на Юго-Восточном Кавказе, несомненно наряду с персидским.

¹ Далее указанные три названия историко-этнографических групп Юго-Восточного Кавказа и их общее название будут в основном приводиться без кавычек, несмотря на то что они являются чисто научными условными терминами.

После завоевания Россией районов южного Кавказа, русские чиновники оставили некоторые описательные труды об этих территориях. Изначально, как правило, в них новоарранский язык называется не «татским», а «татарским». Так, описывая провинции Ширвана, каждый раз отмечается, что их население говорит на «тюркском, смешанном с татарским и персидским» [2, с. 85, 90, 92, 94, 98, 99]. То, что под «татарским» подразумевался не-тюркский и отличный от персидского иранский язык, очевидно по описаниям тех провинций, основная часть населения которых, как мы узнаем из последующих источников, являлась арраноязычной. О жителях этих провинций, например Мушкура, Низавата, Рустова и прочих, упоминается, что они говорили на «тюркском и татарском» [2, с. 87, 89, 91, 93, 96, 97, 98, 100].

В первом томе «Обозрений российских владений за Кавказом» просто отмечается, что районы Ширвана, Шаки и другие регионы в основном были заселены татарами, смешанными с армянами, причем «среди татар существуют конфессиональные и языковые различия. Есть мусульмане-сунниты и шииты, некоторые говорят на тюркском диалекте, а иные – на татском (искаженном фарси)» [3, с. 25–26].

Ареал распространения новоарранского языка фактически в основном соответствует области Ширван новых времен, в его широком охвате. Согласно новой историографии Азербайджана, в Ширван входят территории бывшего Аррана (Алуанка), на левом берегу реки Кура, а также районы между Каспийским морем и Кавказским хребтом до Дербента [4, с. 12].

В конце XVIII в., в 1797 г. во время похода военачальника Зубова, после отступления русских войск, тысячи арраноязычных и тюркоязычных армян мигрировали в Россию и поселились в следующих городах Северного Кавказа: Моздок, Кизляр, Петровск (Махачкала), Мачар (Святой Крест или Буденновск) [5, с. 260], Кура (Касаев Яма или Новая Эдессия) [6, с. 41–51], Астрахань, Туапсе, Анапа [7, с. 14] и т.д. Вследствие вероотступничества и миграций в конце XIX в. на территории САР остались всего лишь три поселения арраноязычных армян: Мадраса (в Шемахинском районе), Килвар (в Дивичинском районе) и Хачмас (в Кубинском районе).

В середине XIX в. С. Джалалянц, дойдя до Хачмаса из села Мола Халил через леса, писал, что «проживают там армяне, домов пятьдесят» [8, с. 419]. Несколько десятилетий спустя во время посещения М. Бархударянца всё население Хачмаса было тюркоязычным [9, с. 130, 133]. В 1928 г. Борису Миллеру не удалось выяснить, существует ли село арраноговорящих армян Хачмас в районе Кубы [7, с. 13].

Что касается Килвара, то, по свидетельству М. Бархударянца, в этой деревне в конце XIX в. «армянское» население составляло 420 человек (100 семей), которые говорили на «диалекте лпинов». Вообще, согласно Бархударянцу, от реки Куба до Апшеронского полуострова говорили на том же языке, однако все знали также тюркский [9, с. 139–140]. Среди армян Килвара Бар-

хударянец также был вынужден читать свою проповедь на «тюркском». Согласно данным М. Бархударянца, в районах от реки Сумгаит до реки Куба проживали 80 тыс. человек, чьи предки в не очень далеком прошлом имели армянское вероисповедание [9, с. 146]. В начале XX в. уже 95 % арраноязычного населения Кавказа составляли мусульмане [10, с. 109].

В середине XX в. осталось уже только два поселения, говорящих на армяно-арранском языке: село Мадраса в Шемахинском р-не и село Кивлар в Дивичинском р-не. В начале Арцахской войны, в 1988–1989 гг., во время переселения/выселения армянского населения САР, мигрировали также арраноязычные армяне сел Мадраса и Кивлар. Большинство уехали в Россию (в частности, на Северный Кавказ) и на Украину, а часть иммигрировала в Республику Армения и основала село Нор Мадраса или Дпреван в области Арагацотн.

Примечания

1. Minorsky V. Tāt // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam (1913–1936) / ed. by M.Th. Houtsman, A.J. Wensinck, H.A.R. Gibb, W. Heffening and E. Lévi-Provençal. 1987. Vol. 8. P. 697–700.

2. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана 18–19 вв. Архивные материалы / под ред. Косвена М.О. и Хашаева Х.М. М.: Восточная литература, 1958. 368 с.

3. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Вишеславцев П., Флоровский Н., Григорьев В., Гордеев Г., Яновский А., Зубарев Д., Легкобытов В. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. Департамента внешней торговли, 1836. 405 с.

4. Бакиханов А. Гюлистан-и ирам. Баку, 1991. 196 с.

5. Волкова Н. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX в. // Историко-филологический журнал. 1966. № 3 (34). С. 257–270.

6. Симонян Р.А. Едессия-Эдиссия (историко-этнографический очерк). Минводы, 1998. 200 с.

7. Миллер Б.В. Таты, их расселения и говоры. Баку. 43 с.

8. Джалалянц С. Путешествие в Великую Армению. Ч. 2. Тифлис, 1858. 517 с. (на арм. яз.)

9. Бархударянец М. Алуанская страна и соседи (средний Дагестан). Тифлис, 1893. 302 с. (на арм. яз.)

10. Матагов М. К вопросу о татском этносе // Советская этнография, 1981. № 5. С. 109–112.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ВЫСЫЛКА АРМЯН В ОРЕНБУРГСКУЮ ГУБЕРНИЮ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК РЕАКЦИЯ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИКЕ ИМПЕРСКОЙ АККУЛЬТУРАЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ¹

Вхождение в 1828 году Восточной Армении в состав Российской империи, а впоследствии и части западно-армянских областей, отбитых у Османской империи, освободило миллионы армян от национального и религиозного гнета, а, возможно, и от физического уничтожения. Армяне быстро и успешно адаптировались в российском социуме. Немало российских армян среди выдающихся государственных деятелей, военачальников, художников, писателей, предпринимателей-меценатов.

К началу XX в. выросло поколение, знавшее о национальном унижении лишь со слов дедов и беженцев из Турции, искавших убежища в России. Многие молодые армяне стали активно участвовать в либеральном и революционном движении, создавать армянские национальные партии и организации, ставившие задачи восстановления армянской государственности.

Вектор развития имперского государства был нацелен на унитаризацию административно-территориального устройства страны, превращение многонациональных периферий в безликие провинции. По мнению А. Каппелера, в отношении окраин имперские власти использовали несколько сменявших друг друга стратегий:

– со второй половины XVI до конца XVIII века Российское государство осуществляло «традиционную степную политику», основанную на религиозной толерантности и сотрудничестве с местными элитами;

– в XIX веке по отношению к новым территориям Российская империя начала практиковать политику, характерную для Европы нового времени. Эта политика основывалась на «европоцентристском» чувстве превосходства русских над местным населением;

– период, начавшийся с польского восстания 1863 г., исследователь определил как «Империя перед вызовом национальных движений». Приоритетной стратегией становится административная унификация и культурно-языковая русификация национальных окраин [1].

В поздний имперский период армяне оказались одними из самых «неудобных» подданных российского императора. Закавказские армяне враждовали с соседями-азербайджанцами, их общественные деятели выдвигали

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

The research is executed at the expense of a grant of the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01008) in the Orenburg State Pedagogical University.

сепаратистское требование автономизации края. Армянская апостольская церковь с центром в Эчмиадзине имела приходы не только в России, но и за границей, а потому не могла, да и не желала становиться частью государственного аппарата. Наконец, постоянные контакты российских армян со своими единокровцами из сопредельных стран, сопровождались нарушением государственной границы и притоком нежелательных мигрантов. Все эти явления рассматривались как угроза государственному строю и целостности Российской империи, а причастные к ним лица становились объектами полицейского преследования. Одной из таких отдаленных мест, куда высылались армяне в 1903–1910 гг., стала Оренбургская губерния.

Изданный 12 июня 1903 г. Высочайший указ о сосредоточении управления имуществом Армяно-григорианской церкви в ведении императорских властей послужил поводом к распространению оппозиционных настроений среди значительной части армянского духовенства. Подчиниться новому закону отказался даже католикос Мкртич I [2]. В 1903–1904 гг., на основании «Правил о применении карательных мер к армяно-григорианским священникам» от 16 марта 1891 г., в Оренбург были высланы семь армянских священников, трое из которых – викарий Эриванской епархии, архиепископ Сукиас Парзянц; елизаветопольский викарий, председатель Елизаветопольского духовного армянского правления, архимандрит Беник; александропольский викарий, председатель Александропольского духовного армянского правления, архимандрит Саак Багдасарян – являлись высокопоставленными сановниками Армянской апостольской церкви [3]. Армянские священники, в отличие от других поднадзорных, пользовались некоторыми материальными преимуществами: выделявшееся им из казны денежное довольствие составляло 15 руб. в месяц, в то время как другие ссыльные получали не более 2 руб. 70 коп. в месяц. Особым распоряжением министра внутренних дел оренбургским полицейским чиновникам предписывалось: «Не раздражать епископа (Парзянца) разными ограничениями и по возможности удовлетворять его желания» [4].

Однако сказанное выше вовсе не означает, что армянские священники не испытывали в Оренбургской ссылке трудностей и лишений. Напротив, как свидетельствуют направленные ими на имя оренбургского губернатора прошения, выплачиваемых из казны денег не хватало на покупку продовольствия, одежды, оплату жилья. Кроме того, армянские священники из-за отсутствия в Оренбурге армянской церкви не имели возможности исполнять культовые обряды, предписанные им церковными канонами.

Бурное проявление недовольства антиклерикальной политикой властей вылилось в массовые беспорядки по всему Закавказью. Под их давлением в 1905 г. царское правительство отказалось от притязаний на имущество Армянской церкви [5], а ее служители, высланные за пределы Кавказа, получили разрешение вернуться на родину.

Вторую, самую многочисленную, группу высланных в Оренбургскую губернию армян составили «лица, вредные для государственного порядка и общественного спокойствия» [ссылка], или, как их еще называли, «политически неблагонадежные». Наибольший приток этой категории поднадзорных наблюдался в период первой российской революции и в первые послереволюционные годы.

Сопроводительные документы содержат весьма скудную информацию о причинах высылки уличенных в политической неблагонадежности армян [ссылка]. В основном в них отмечалось «вредное для общественной безопасности поведение», выразившееся в хранении огнестрельного оружия, совершении грабежей, вымогательстве денег посредством угрожающих писем, в подстрекательстве к армяно-турецким (азербайджанским) столкновениям и т.п. В отдельных случаях, когда указывалась партийная принадлежность, встречаются пояснения: «изобличался в грабежах с целью увеличения средств революционной партии “Дашнакцутюн”» [6] или «как принадлежащие к партии террористов, грабителей и экспроприаторов» [7].

Срок высылки для большинства поднадзорных армян определялся временем действия в закавказских губерниях военного положения, полностью отмененного в 1911 г. Прибывавшие на Южный Урал ссыльные размещались в небольших населенных пунктах, как правило, в казачьих станицах. Строгие предписания, предусматривавшиеся для лиц, подлежащих гласному полицейскому надзору, содержали ряд запретов и ограничений на свободу передвижения, выбор места жительства и занятий, ввиду которых поднадзорные лишались возможности зарабатывать средства к существованию. Только каждый четвертый из проживавших в 1908–1909 гг. на Южном Урале поднадзорных армян сумел трудоустроиться, причем в пятидесяти процентах случаев – чернорабочими. Остальные могли рассчитывать на нищенское пособие из казны или, если имелись, собственные сбережения. Тяжелые условия бесправного существования становились причинами бегства армян из мест водворения.

В самом бедственном и бесправном положении находились поднадзорные армяне, имевшие турецкое подданство. Как правило, это были люди, перебравшиеся в Россию в поисках заработка, занимавшиеся бродяжничеством, контрабандной торговлей, задержанные по подозрению в принадлежности к армянским революционным террористическим организациям. Высылке во внутренние губернии Российской империи они подлежали «как порочные иностранцы, не принятые своим правительством» [8]. Высылка для этой категории поднадзорных была бессрочной. В Оренбургской губернии турецкие армяне оказались без средств к существованию. Право на денежное содержание со стороны государства на них не распространялось. 24 апреля 1904 г. оренбургский полицмейстер вынужден был обратиться

к губернатору со следующим рапортом: «Доставленные в г. Оренбург турецкие подданные армяне-беженцы в числе 15 человек лично мне заявили, что они не имеют никакой одежды, кроме той, которая на них, а также положительно не имеют никаких средств к существованию. Не будучи знакомы с русским языком, за исключением одного-двух лиц, они при всем желании [не могут] заработать на кусок хлеба и наем помещения, лишены возможности найти себе работу. Голодают в буквальном смысле этого слова, почему ходатайствуют войти в крайне бедственное их положение и предоставить им заработок или до приискания его – бесплатные квартиры и продовольствие. Донося об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не признаете ли возможным сделать какое-либо распоряжение к облегчению действительно безвыходного положения просителей» [9].

Таким образом, представленные выше сведения о правовых основаниях административной высылки неблагонадежных армян в Оренбургскую губернию и сам контингент высланных, свидетельствуют о глубоком кризисе проводившейся в Закавказье политики аккультурации, направленной на недопущение учета особых национальных и религиозных прав армянского населения.

Примечания

1. *Капеллер А.* Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с. С. 46, 121–122, 152–155, 203–207.
2. *Чолахян В.А.* Конфессиональная политика Российской империи в отношении Армянской апостольской церкви в XIX – начале XX вв. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2016. №8. С. 66–79. С. 75.
3. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 352, 361, 362.
4. Там же. Д. 352. Л. 6.
5. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 195.
6. ГАОО. Ф. 11. Оп. 11. Д. 119. Л. 4.
7. Там же. Д. 93. Л. 138.
8. Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 118. Л. 30–31.
9. Там же. Ф. 21. Оп. 3. Д. 354. Л. 152.

ГЕНЕРАЛ ВАСИЛИЙ (БАРСЕГ) БЕБУТОВ В КРЫМСКОЙ (ВОСТОЧНОЙ) ВОЙНЕ

Генерал Б. Бебутов занимает уникальное место в созвездии армянских генералов, служивших в Русской армии. Барсег Овсепович Бебутов родился в 1791 г. в Тифлисе. Учился в первом кадетском корпусе Санкт-Петербурга (1807–1809 гг.). Военная служба началась с 1809 г. В 1816 г. был назначен адъютантом губернатора Кавказа А.П. Ермолова. Мужественно сражаясь в 1828–1829 гг. в российско-турецкой войне, он проявил большие стратегические навыки в захвате и обороне Ахалциха, он был награжден золотым мечом, украшенным бриллиантами, и орденом 1-й степени Св. Анны. С 1830 по 1833 г. был губернатором Кавказа. В 1844 г. был назначен командиром войск Северного и Горного Дагестана, сражался с лидером горцев Шамилем. В этот период Бебутов получил уникальные для того времени знаки отличия – орден Святого Александра Невского (2 раза) и орден Святого Георгия 3-й степени.

В начале 1850-х гг. возникла дипломатическая конфронтация между могущественными европейскими державами. По подстрекательству Англии и Франции обострились отношения между Турцией и Россией. Турция отвергла ультимативные требования России относительно улучшения тяжелого состояния православных народов, проживающих на территории Османской империи. Эти события в конце концов привели к развязыванию Крымской (Восточной) войны.

На Кавказском фронте Турция сконцентрировала 100-тысячную армию под руководством Абди-паши, который организовав наступление по трем направлениям – Ахалцих, Александрополь и Ереван, планировал прорваться в Закавказье, захватить Тифлис, а затем весь Кавказ. На севере ему должны были помогать восставшие группы горцев под руководством Шамиля. Турецкой многочисленной армии должен был противостоять действующий на Кавказском фронте русский корпус. 19 сентября командиром последнего был назначен генерал-лейтенант Барсег Бебутов «кавказский старый ветеран, который славился как храбрый и энергичный генерал», – свидетельствует один из его сослуживцев в том бою – генерал П. Рудаков [1].

Бебутов оперативно расположил свои силы на турецкой границе от Ахалкалаки до Еревана, а сам лично приехал в Александрополь, где ожидалось решающие сражения. Османское войско сконцентрировалось в армянской крепости Карс [2]. Положение было слишком напряженным, особенно в пограничных районах Армении – в губерниях Ширак, Сурмалу и Эчмиадзин. Османские войска и курдские вооруженные отряды часто наносили удары по

мирному гражданскому населению указанных губерний. Бебутов организовал помощь армянскому населению пограничных районов. В 1853 г. в письме, отправленном из Александрополя в Эчмиадзин, Бебутов пишет: «Больно быть очевидцем горечи нашей нации. На горькое состояние нашей беспомощной нации особенно в провинциях Ширак и Сурмалу...» [3].

В октябре 1853 г. командир турецкого корпуса Абди-паша с 40 тысячами солдат взял правый берег Арпачая и расположился в 15 км от Александрополя, в селе Баш-Шорагял, с целью нападения на город Александрополь. Об этом известили руководству российской армии армянские разведчики, прибывшие из Баязета и Карса. Бебутов вывез небольшой отряд под руководством генерал-майора Орбелиани. 7-тысячный отряд Орбелиани, в состав которого входили 800 армян, передвигаясь из Александрополя, поставило перед собой задачу спуститься по Арпачаю, чтобы с одной стороны защитить армянские села, а с другой – подавить расположения сил противника.

Однако, еще не выполнив свою задачу, войско Орбелиани около села Баяндур попало под обстрел кавалерии соперника и понесло крупные потери. Солдаты Орбелиани героически, из последних сил сражались с врагом, и благодаря вовремя подоспевшему Бебутову, были спасены от уничтожения. Несмотря на то, что битву начали турки, отряд Орбелиани нанес такой удар, что 40-тысячная турецкая армия была вынуждена встать на путь отступления. «Оно [Баяндурское сражение], – писал военный историк Потто, – было вступлением в две известные битвы – Баш-Кадклара и Кюрук-Дара, и можно сказать, что эти чисто суворовские сражения были его последствиями и своего рода продолжением» [4].

После этой первой встречи Бебутов взял в свои руки инициативу нападения. 14 ноября его войска переходят через Арпачай, захватывают Баш-Шорагяль, а на рассвете 19 ноября у села Баш-Кадкляр нападают на главные силы врага. Ахмед-паша был уверен в количественном преимуществе своего войска (36 000 солдат, 46 пушек) и надеялся, что малочисленные силы Бебутова (10 000 солдат, 32 пушки) не смогут противостоять таким атакам. Но Ахмед-паша недооценивал силы противника: «Посмотрите, какую гордость, дерзость имеют, что направляются на нас. Мы не ударим этих неверующих, а окружим их, перевяжем руки и живыми увезем в Карс» [5].

Появление Бебутова, его задушевные слова и личный пример вдохновляют бойцов. В самый горячий момент боя Бебутов приказывает артиллерии продвигаться вперед. Храбрые всадники генерал-майора Чавчавадзе героически отталкивают назад соперника, превышающего их в 8–10 раз. Настойчивые и жестокие бои продолжаются около трех часов. Турки не в состоянии терпеть давление со стороны русских войск, начинают отступать, оставив на поле боя более чем 6 тысяч убитых и раненых, 24 пушки, большое количество оружия и боеприпасов. У Бебутова в том бою было 317 убитых и 926 раненых [6].

После победной битвы Баш-Кадклара многие ожидали, что Бебутов продолжит нападение и захватит Карс. Но несмотря на ожидания, он выводит свои войска в Александрополь для зимовки.

Некоторые из современных стратегов необоснованно обвиняют Бебутова в том, что он не преследовал отступающего врага после битвы Баш-Кадклара, считая, что преследование могло облегчить захват Карса. В письме, направленном своему брату из Александрополя в 1854 г., Бебутов писал: «Я должен был идти с шестью батальонами на раздавленного, но трижды сильного врага, чтобы уничтожить его, взять Карс и там же зимовать, в данном случае за такие тактики имели бы право назвать меня сумасшедшим. С шестью батальонами в 1846 году я пошел против Шамиля и раздавил его, сейчас это уже старо. В настоящей битве нельзя было поддаваться риску. Карс в хорошем защищенном положении, мнение фельдмаршала вполне обосновано, невозможно взять данный замок в течение трех дней и не было смысла осаждать крепость, когда не было ни оружия, ни боеприпасов» [7].

Тактика Бебутова в этом вопросе, считаем, была правильной, поскольку после Баш-Кадклара у него не было тех военных сил, с которыми он мог бы в зимних условиях захватить Карс, укрепленный современной техникой при содействии и руководстве европейцев.

Самым значимым из всех боев 1853 г. на Кавказском фронте был Баш-Кадклар, после которого все битвы весной 1854 г. имели только местное значение. «Битва Баш-Кадклара, – писал генерал Рудяков, – которая подробно описана в военном докладе, действительно может называться одним из самых бесстрашных подвигов российских войск».

Битва Баш-Кадклара была не последней победной битвой генерала Бебутова. Он дал еще одну битву, которая была самой тяжелой из всех, однако самой славной. Эта была битва 24 июля 1854 г. у села Кюрук-дара Карского района.

24 июля турецкий 60-тысячный корпус под командованием Зарифа Мустафа-паши напал на 18-тысячный отряд Бебутова. Битва Кюрук-дара заканчивается решительной победой Бебутова. Противник оставляет в поле боя 2232 убитых, 2018 пленных, 15 пушек, большое количество оружия, флаги, коней и бежит в сторону Карса. Бебутов дает 599 убитых, 483 раненых, 62 контуженых [8]. После битвы Бебутов поздравляет с победой свое войско артиллерийскими 101 ударами, поздравляет особенно отличившихся командиров и солдат и дает своему войску отдых.

Николай I, получив новость о блестящей победе Бебутова в битве Кюрук-дара, произнес: «Князь Бебутов хочет удивить меня своими победами, а я удивлю его своими наградами». За победу в Кюрук-дара Бебутов получает орден Святого Андрея Первозванного. По словам военных экспертов, победа в битве Кюрук-дара имела решительное значение для всей компании [9].

Блестящие победы Кавказского корпуса, действующего под командованием Бебутова, сорвали планы османской армии по вторжению в Закавказье и положили основу для снятия десанта и провала агрессивного плана союзников по отделению Кавказа от России. Победы Кавказского корпуса в значительной мере смягчили тяжелое впечатление от поражения России в Восточной войне.

6 января 1857 г. Бебутов получил степень генерала пехоты, а 8 февраля 1858 г. назначается членом Государственного совета Российской империи. 10 марта 1858 г. он ушел из жизни.

Бебутов является выражением отважного духа армянского народа, живым воплощением боевого братства армянского и русского народов.

Примечания

1. Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1995. С. 483.
2. *Погосян А.М.* Из истории российско-армянской дружбы. Ереван, 1974. С. 144.
3. Национальный архив Армении. Ф. 57. С. 157. С. 132.
4. Кавказ. 1897. № 55. С. 2.
5. См. *Погосян А.М.* Из истории российско-армянской дружбы, Ереван, 1974. С. 148.
6. *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1. СПб., 1877. С. 252.
7. *Парсамян В.* Генерал Бебетутов. Ереван, 1943. С. 33.
8. Национальный архив Армении. Ф. 57. С. 155. Стр. 170.
9. Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1995. С. 487.

А.М. Еприкян, В.Г. Вирабян

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В 1918–1920 гг.

Отношения между Республикой Армения (РА) и Россией в 1918–1920 гг. носили неопределенный характер. Ситуацию точно охарактеризовал Р. Тер-Минасян: «Эта политика на практике встретила бы большие трудности. Во-первых, с какой Россией разговаривать и чьей дружбой заручиться. В это время было три России: Деникина, Колчака, Ленина. Все три были равносильными, у всех трёх были шансы стать хозяевами всей России, однако все три были друг другу врагами. Тем не менее намечалось одно удачное обстоятельство – то, что эти три России хотя бы не были против независимости

Армении и пока были далеки от нас, выказывали дружеские настроения. Именно поэтому мы посчитали, что нужно вести переговоры и заручиться их дружбой не только на настоящее время, но и на будущее» [1].

Можно сказать, что очевидным фактом было стремление правительства РА и со стратегической точки зрения последовавшее с этого момента постоянное стремление наладить дружеские отношения и обеспечить необходимые точки соприкосновения в сфере военно-политических отношений со всеми российскими властями – будь это большевистская Россия или белогвардейская Россия. Но эти московские миссии делегаций РА, в том числе миссия А. Шанта, не достигли своей цели, на практике они оказались нерезультативными и возможные военно-политические отношения практически потерпели поражение.

Нужно отметить, что территориальные уступки большевистского правительства Германии и Турции в 1917–1918 гг. имели определённое значение и последствия. Удовлетворив стороны, В. Ленин и его соратники сыграли в них свою роль, однако ситуация изменилась на стыке 1919–1920 гг., и после этого, когда уже победил большевизм и на смену постепенно уходящего на второй план Ленина пришла личность И. Сталина, стало очевидно, что новая большевистская Россия выходит на арену с «имперскими» планами с дальним прицелом. А у России 1920 г. уже не было намерений смириться с допущенными в прошлом территориальными потерями, и своей первоочередной стратегической задачей она стала считать возрождение новой Российской империи с большевистским окрасом.

В этой России определённое место отводилось и Армении, будущему отношению к ней, несмотря на то, что военно-политические лидеры Первой Республики Армения, по всей вероятности, не почувствовали, не восприняли и не оценили этого. Они не оценили смысл этих глубинных процессов и в своих программах не придали большевистской Москве столь большого значения, так как на этом серьёзнейшем историко-политическом этапе ориентированность политических кругов РА на Севрские соглашения была абсолютно очевидна.

Однако было очевидным ещё одно важное военно-политическое обстоятельство. Ещё в 1918 г., когда турецкие войска разнуздали агрессию в Закавказье, Азербайджан безоговорочно повернулся в сторону турок, Грузия с определёнными оговорками примкнула к созданию единого фронта против большевистской России, и они стали стремиться к налаживанию взаимовыгодных отношений с Турцией.

Иная ситуация была в случае с Арменией, так как в военно-политических кругах не было влиятельных сил, которые стремились бы к практическому обострению и ухудшению всех типов отношений с Россией – будь то «красная» или «белая» Россия, так как Армения считала усиление турецких позиций в Закавказье не только опасным, но и просто смертельным для своего существования [2].

В 1918 г. в России шли кровопролитные гражданские войны и яростная борьба за власть между большевиками и белогвардейцами. В создавшейся сложной и запутанной ситуации политические лидеры Республики Армения были вынуждены считаться и с теми, и с другими, стараясь достигнуть политико-дипломатического признания с их стороны, а в некоторых случаях ожидая с их стороны и военно-политической поддержки, в частности, против белогвардейской России.

В сентябре 1918 г. генерала М. Алексева сменил генерал А. Деникин, принявший командование Добровольческой армией. Став командующим Добровольческой армией, А. Деникин не только сосредоточил в своих руках всю гражданскую и военно-политическую власть хлебных районов Дона и Кубани, но и осуществил кадровые перестановки в командном составе и изменения в стратегических планах, в командовании войсками. Сконцентрировав вооружённые силы юга России, Деникин приступил к решительным шагам, объединив все контрреволюционные силы. При руководстве белых был создан важный орган – «Особый совет», у которого были политико-разведывательные функции и который имел своего представителя и опору в Республике Армения в лице известного в военно-политических кругах Армении полковника М. Зинкевича и ряда других русских офицеров. Впоследствии, в середине 1920-х гг. он стал военно-политическим представителем Добровольческой армии – вооружённых сил Юга в РА и не раз поддерживал армянскую сторону в решении задач по добыванию оружия, боеприпасов и снабжению запасами продовольствия, а также в вопросе предоставления военной поддержки негативно настроенному Азербайджану.

Республика Армения воспринималась Добровольческой армией как дружественное образование, в то время как Грузия была в списке враждебных. Кроме этого, А. Деникин находился с Грузией в состоянии войны из-за территориально-пограничных споров, и этот конфликт наиболее явно проявился в период грузино-армянской войны. Как свидетельствует Н. Самхарадзе, не позднее как в 1918 г. Грузия начала переговоры с белым генералом Деникиным для определения границ между Грузией и образованной им Кубанской народной республикой. Кубанская республика требовала включить в свои границы район Сочи и Абхазию и даже приступила к военным действиям по захвату Гагр, но грузинские войска, которые установили контроль над районом Сочи и остановили Деникина, отбросили кубанскую армию назад. Однако ведущиеся переговоры провалились [3]. Так или иначе, Грузия находилась в состоянии враждебного противостояния с вооружёнными силами Юга под командованием Деникина.

Азербайджан, с точки зрения А. Деникина, считался религиозно-церковной единицей [4], в вопросе признания которого господствовала негативная позиция. В усилении Добровольческой армии А. Деникина и Грузии, и Азербайджан видели грозящую опасность для себя. Исходя из этого,

они предпринимали шаги по созданию военно-политического союза против Деникина, несмотря на то, что последние уверяли, что их главным врагом является большевистская Россия. Армения, в свою очередь, сохраняла с вооружёнными силами Юга России, возможно, дружеские военно-политические отношения. В отличие от Грузии и Азербайджана, которые постоянно находились в напряжённых отношениях с Республикой Армения по территориальным вопросам, А. Деникин оказывал Республике Армения поддержку военного и экономического характера. «Особый совет», созданный при возглавляемом А. Деникиным командовании, также выступал за союз с Арменией. Кроме того, при «Особом совете» действовал дипломатический представитель РА Ованнес Сагателян [5].

После поражения А. Деникина новые реалии стали господствующими и для Республики Армения. Независимо от своего желания и стратегии большевистская перспектива стала очевидной, особенно после советизации Азербайджана весной 1920 г. После того, как в конце августа 1920 г. последний британский солдат покинул Закавказье, стало ясно, что новые хозяева Закавказья – большевистская Россия.

В результате, в условиях продолжавшихся ещё прозападных стремлений политико-правящих кругов Республики Армения, после сокрушительного поражения в турко-армянской войне осенью 1920 г. и подписания 2 декабря очень нежелательного и имеющего тяжелейшие последствия для РА договора, большевистско-кемалистского сближения и практически провальных большевистско-армянских переговоров Республика Армения встала перед неизбежным фактом советизации, что и было осуществлено по Ереванскому соглашению.

Первоочередным как для бывшей царской, так и для большевистской России и созданных на территории России русских государственных образований, в том числе и для Добровольческой армии А. Деникина, был вопрос восстановления и сохранения единства и целостности страны.

Именно поэтому они были последовательны в вопросе проводимой в Закавказье политики, прилагая все усилия не только для вытеснения из региона Великобритании и других стран Антанты, но для утверждения своих позиций в этом регионе.

Примечания

1. Рубен. Воспоминания одного армянского революционера. Т. 7. Тегеран, 1982. 256 с. (на арм. яз.).
2. *Качазнун* О. Открытое письмо 3-у: Турция или Россия, Ереван, 1990. 15 с.
3. *Samkharadze N.* Georgian State Border – Past and Present, Foreign policy & security programme, August. 2012.
4. Национальный архив Армении. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

5. Петросян Г. Из истории дипломатических отношений Республики Армения и Украины, 1918–1920 гг. Ереван, 2002. 67 с. (на арм. яз.).

Р.Н. Зинуров

К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИИ

В России XVII – первой половины XVIII в. специальных научных учреждений не существовало, поэтому, в российском обществе интерес к загадочной Армении, к армянскому народу, зарождался из целей государственных задач той поры. Именно из различных разрозненных сведений и материалов зародились ростки названного выше «интереса». В XX в. этот «интерес» в науке был назван «предысторией арменоведения» [1, с. 3].

Будучи столь отдаленной от России и Европы, Армения, со своеобразным климатом, с христианским населением, имеющим особый менталитет и язык, в окружении мусульманского мира, привлекала внимание государственных чиновников России, чьими усилиями территория Российского государства неуклонно расширялась.

В исторической науке высказывалось мнение, что начало арменоведения в России следует датировать примерно с эпохи Петра I, по указу которого была переведена армянская надпись на развалинах средневекового города Булгар в начале XVIII в. [2, с. 15]. Однако, по нашему мнению, эти предпосылки появились уже за несколько веков до этого события. Так, летописец Нестор в «Повести временных лет...», оставил скудные, но бесценные для нас сведения об Армении: «...По потопе трое сыновей Ноя разделили землю... Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия...» [3]. Отметим, что, как служитель Бога, страну Армению он трактовал лишь на библейской основе.

Через 400 лет монахом Досифеем Волоколамским был составлен «Русский хронограф», в котором, описывая всё потомство Ноя, автор отмечал: «...Георгияне, иже, близи Арменъ живтъ» [4, с. 12–14]. Согласно сведениям из третьего тома библейской «Симфонии», библейские Мосхи, (Мушки), тракуются как протоармяне: «Предположительно Мушки, или протоармяне... обитали в верховьях Тигра и Евфрата, между Мидией и Скифией на Юге современного Кавказа» [5, с. 338].

В XVI–XVII вв. русским торговым людям был известен путь по Средиземному морю до Киликии, известной им под названием «морская Армения» (Армения Маритима). Кроме того, многие события, происходящие в далекой

Армении, становились известными на Руси и со слов очевидцев, участников так называемых «хождений» [6, с. 11–19].

Так, инок из Смоленска Игнатий, в 1389 г. вместе с Московским патриархом Пименом совершил путешествие в Константинополь. В своем «Хождении Игнатия Смольнянина в Царьград» он упоминает о посещении ими Апостольской церкви в Константинополе [7, с. 8].

Армян упоминал в своих путевых записях и дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосим, совершивший путешествие в Константинополь и Палестину в 1419–1422 гг.: «В церкви Воскресения семь служб... Первая – греческая, вторая служба иверская (грузинская), третья служба армянская, на высоте, где Христа распяли <...> ...По пути от Сионской горы пятая церковь Якова, брата Божьего. Эту церковь армяне взяли себе» [8, с. 12–14].

Купец из города Казани, Василий Гагара 1634–1637 гг. совершил паломническое путешествие в Палестину и Египет через Грузию и Армению. В Ереване он посетил местные святыни, в частности храм в Эчмиадзине, далее он через всю Западную Армению направился в Дамаск и Египет [9, с. 439]. Иеромонах Чудова монастыря Арсений Суханов проехал мимо монастыря Эчмиадзин, и написал следующее: «...А за тою горою место – дол, зовется Арарат, и за тем долом другая гора Араратская и та с снегом; на ней, сказывают тутошние жильцы, Ноев ковчег» [10, с. 9]. Московский купец Федот Афанасьевич Котов оставил примерно аналогичные записи о «садах армянских» в Исфахане, об успешных торговцах-армянах и т.д. [11, с. 6–7].

Все рассмотренные выше отрывочные сведения о далекой Армении, безусловно, свидетельствуют о ростках уже зарождавшейся в России тенденции, среди её отдельных представителей из самых разных слоев, интереса к Армении, ее населению. Так, Петр I и его окружение, проникались интересом к загадочной Армении, через которую лежал ближайший путь к Индии, Персии и другим южным странам. Государь и сам лично принимал непосредственное участие в судьбах армянских купцов [12, с. 5]. Согласно Указу Петра I от 22 марта 1711 года, царским чиновникам следовало: «Армян, как возможно, приласкать и облегчить им участь, в чем пристойно, дабы подать охоту для большого их приезда» [13, с. 1–18].

Для источников об Армении тех лет характерным было то, что сведения об армянах и Армении добывали люди весьма далекие от науки – военные, купцы и т.д. В частности, русский артиллерийский офицер Л.Г. Гербер [14, с. 18], врач русской армии И.Я. Лерхе [15, с. 8] и др. Следует отметить, что утверждения И.Я. Лерхе о природной жадности армян, конечно же, следует отнести лишь к извечному человеческому стремлению выжить в чужой среде. Из других сведений, оставленных об Армении и армянах XVIII в., надо отметить французского путешественника Беля [16, с. 8], служившего в русской армии Аббат де ла Порта [17, с. 14].

В середине XVIII в., с образованием Академии наук в России, стали снаряжаться экспедиции в разные области Российской империи. В 1768 г., С.Г. Гмелин об астраханских армянах писал, что сюда армяне переселились из Казани и Персии. Академик И.Г. Георги в труде «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» изложил историю расселения армян в России. Большой интерес представляют сведения и самих армян, оставивших свои биографические, путевые и другие записи об уже сложившейся к этому времени армянской диаспоре. В науке отмечалось, что «...наиболее прославленные торговые центры Южной России, каковыми являются Львов, Луцк, Каменец-Подольск, своим богатством, пышностью и значимостью в большей степени обязаны особенно армянам» [18, с. 219].

Первое упоминание об армянах Москвы относится к 1390 г., когда в Московской летописи было отмечено: «Загорелся посад за городом от Абрама некоего армянина» [19, с. 142]. На фрагменте плана Москвы 1661 г., на площади близ Ильинских ворот, там, где ныне расположен Политехнический музей, изображен Армянский двор, имевший форму вытянутого прямоугольника [20, с. 16]. Нельзя не упомянуть и про деятельность А. Шмавоняна, который в 1794 г., в далеком Мадрасе, начал издавать армянскую газету «Аздарар». В этом же ряду и книга Артемия Араратского, изданная в 1813 г. в Петербурге, которая явилась «книгой любопытной и достойной внимания по описываемым в ней предметам... зарисовки автора для своего времени были свежими и новыми» [21, с. 137], и «этнографическим источником» [22, с. 192].

Другим большим пластом материалов об армянском народе и Армении примерно с конца XVIII в. являются данные, содержащиеся в материалах русских историков: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева [23, с. 543–551], В.Н. Татищева [24, с. 166], Г.В. Вернадского [25, с. 178–180], В.О. Ключевского [26, с. 439].

Таким образом, интерес к Армении, армянскому народу в России средних веков, отнюдь не был вызван каким-то конкретным событием. Впоследствии, из-за геополитического положения Армении, с расширением и укреплением границ Российской империи на юго-восток и юг, где пролегли границы с извечными соперниками – Турцией и Персией, все эти сведения для военного и торгового сословия, правящих кругов российской монархии закономерно превратились в политическую заинтересованность. Сведения об Армении и армянском народе становились все более конкретными и объемными.

В XIX в. эти данные послужили основой для зарождения и последующего развития науки арменоведения.

Примечания

1. *Арешиян С.* Из предыстории арменоведения в России // Известия АН Армянской ССР. № 1. 1955. С. 3.
2. *Смирнов А.П.* Волжские болгары. М., 1951. С. 15

3. Повесть временных лет. Откуда пошла есть Русская земля, и кто первым стал княжить, и как возникла Русская земля. Ч. 1. В переводе Д.С. Лихачева.
4. Протоирей Александр Иванников. Об Иафетовых родословиях в Повести временных лет и Русском хронографе. М., 2007. С. 12–14
5. Симфония или словарь указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета / под ред. Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Т. 3. М., 2000. 338 с.
6. *Акопян Э.А.* Арменоведение в России // Вопросы филологии. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1988. С. 11–19.
7. Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XIV вв. М, Советская Россия, 1984. С. 8.
8. *Прокофьев Н.И.* Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ им. В.И.Ленина. Т. 435. М., 1971. С. 12–14.
9. *Ключевский В.О.* Русская история // Полный курс лекций в трех книгах. Кн. III. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 439.
10. Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XIV вв. С. 8.
11. Хожение купца Федота Котова в Персию. М.: Восточная литература, 1958. С. 6–7.
12. *Карлен М.* Заметки армянина, связавшего свою судьбу с Россией. Рязань: Узорочье, 2003. С. 5.
13. *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и Курой народах и землях и о их состоянии к 1728 году. Кн. 3. 1760. С. 1–18.
14. *Григорьян К.Н.* Их истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X–XX вв.) // Жизнь Артемия Араратского. Ленинград: Наука, 1980. С. 137.
15. *Акопян Э.А.* Указ. соч. С. 11–19.
16. Там же.
17. Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов. Части 1 и 2. СПб., 1776. С. 14.
18. Линиченко И.А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв. М., 1894. С. 219.
19. *Тихомиров М.* Древняя Москва. М., 1997. С. 142.
20. *Асрибекова Т.В.* Армянская диаспора в Москве. История формирования и этнокультурное развитие в конце XX – начале XXI века: дис. канд. ист. наук. 2012. С. 16.
21. Симфония или словарь указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета.
22. *Орбели Р.Р.* Мемуары А. Араратского // Жизнь Артемия Араратского. Ленинград: Наука, 1980. С. 192.

23. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. XII. М.: Мысль, 1991. С. 543–551.
24. Татищев В.Н. История Российская. Город: Ладомир, 1994. Т. 1. С. 166.
25. Вернадский Г.В. История России. Московское царство 1547–1682. Ч. 2. М.: ЛЕАН АГРАФ, 1997. С. 178–180.
26. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 439.

Б.С. Зулумян

РЕАЛИИ НОВОГО НАХИЧЕВАНА И РОСТОВА В ПОВЕСТИ «ПЕРЕМЕНА» МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

Повесть «Перемена» [1] Мариэтта Шагинян писала три года – с 1920 по 1923 г. По мере написания части повести публиковались в журнале «Красная новь» (1922, №6; 1923, № 2, 4, 6).

Произведение писалось по свежим следам событий, на основе лично пережитого, увиденного, осмысленного. В те годы сестры Шагинян жили в Нахичеване, знали быт, нравы города изнутри, находясь в эпицентре событий, потрясающих родной город. Место действия – Новый Нахичеван и Ростов-на-Дону, время действия – с февраля 1917 по 1919 г. В этом произведении отразились драматичные события тех лет, коснувшиеся всех, кто жил в те годы на юге России. Сама Шагинян пишет в начале своей повести: «Я провела в Донской области около трех с половиною лет революции, с поездками в Петербург и Закавказье. За это время мне пришлось пережить несколько переворотов, немецкую оккупацию, приезд “союзников” в гости (англичане и французы в Новороссийске и на Кубани), полосы междувластия, когда единственной защитницей обывателя была домовая охрана, атаманщину, деникинщину, врангелевщину». «В этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной непережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и сдвинула пространство». «Период между Февральской и Октябрьской революциями на Дону, деникинщина и налет Врангеля описаны мною почти дословно по дневникам, в “Перемене»» [2]. Охарактеризовав повесть как *быль*, тем не менее Шагинян применила здесь, по мнению Е. Куранды, приемы модернистской поэтики, совмещающей разные стилистические приемы. «Перемена» М. Шагинян – пример, по мнению исследователя, и орнаментальной прозы, и ритмической, с применением звукописи, и метафорического отражения действительности, восходящего к «урокам» прозы А. Белого [3].

В основном фактурное красочное описание жизни и быта нахичеванцев – в этих отрывках особенно выпукло передан армянский колорит – перемежается сотрясающими основы мироздания событиями. Этот рваный ритм по-

вести вместе с вторгающимися сказовыми и с тональностью плача мотивами создает то симфоническое звучание, которое позволило сказать писательнице: «“Перемена” – самая музыкальная из моих вещей» [4].

Итак, мирная картина городской жизни, где описания еды, застолий, быта занимают центральное место. Чем живут нахичеванцы (армянский колорит особенно выпукло проявляется в описаниях застолий), ростовчане?

Это хождение в гости, карты, ужин. Чем и как накрывается стол, писательница описывает с особенным вкусом и знанием: «По вечерам, за ночь, в домах сидели гости и играли в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила тот же неизменный ужин: летом резались на закуску помидоры и огурцы, делалась “икра” из вареных баклажан, вынимался из банок плачущий белый, пахнувший остро сыр брынза, вспарывалось текущее жиром бронзовое брюхо шамайки, травки всех наименований и запахов, от укропа до белого испанского лука, ложились отдельно, опрыснутые водой, на тарелку; и на печи, посыпанной крупным углем, подогревался бараний соус с бобами...»

В это медленное, в общем-то благополучное существование мало-мальски обеспеченной части общества вторгается новость: царь отрекся от престола, власть перешла в руки Временного правительства. С этого момента начинается временное и событийное движение повести.

В ангажированности советской идеологией, которое имело место позже, обвинить Шагинян невозможно. Тогда ее большевизм был еще не совсем осознанным, шел из глубин ее личного опыта и восприятия той реальности, которая во всех неприкрытых противоречиях так или иначе настигала еще молодую женщину. Поэтому Шагинян в число действующих лиц своей повести вводит и казачество, и крестьянство, избалованное излишком; и спекулянтов, неврастеническую интеллигенцию и крепко сидячее мещанство, и муравейник рабочих, пропитанных зловонью Темерника, муравейник шахтеров, изглоданных угольной пылью.

Хронотоп повести разворачивается последовательно в соответствии с историческими событиями: перед читателями проходят картины смены власти на Дону. Сначала – Временное правительство: эйфория свободы, много-речие, сумятица.

Затем пришли большевики: «Зимний дворец разграбили дочиста, сняли гобелены и нашили себе портянок. А у нас в Совете большевики радуются: “поддержим питерских товарищей”...»

Революция, «катящаяся» весело, вскоре обернулась гримасой смерти: беженцами, разрухой, братоубийственной войной. Казаки устроили казнь, бойню большевиков в Балабановской роще. Снова события повести в бешеном ритме находят друг на друга, смерти чередуют друг друга, порой доводя рассказ до накала трагедии. Только бабка Лукерья-молочница невозможно констатирует: «Большаков-то выкурили. Чисто. Казаков-то выкурили. Чисто».

Большевики нарушают весь привычный уклад жизни. Магазины пустые (крестьяне со страху всё попрятали), перепись, «упразднена уже собственность, право иметь больше столько-то денег наличными, сословный суд, прокуроры, сословье присяжных поверенных».

Затем – немцы: «За пушками, в кучке солдат, удивляя невиданным блеском, алюминиевыми кастрюлями, кружками, чайниками и прочей посудой, проехала ровным аллюром походная кухня. Офицеры и унтеры в темно-зеленых перчатках, в мундирах защитного цвета и в гетрах, – “баварской и вюртембергской ландверских дивизий”, шли сбоку, по тротуарам, сверяя ряды проходящих. Были они белокуры, с красноватыми лицами, с алыми ртами из-под светлых усов, а за ушами на розовой шее, где вены, – с зачатком склероза». И снова жизнь закипела.

В нескольких коротких фразах писательнице удастся показать весь разброс мнений, идей, газетных уток и реальной неразберихи. Здесь описания вновь выходят на первый план. Они не длинные и обстоятельные, в классическом варианте, а картина создается посредством динамики перечислений, назывных предложений, метонимий: «Особняки запылали свечами и лампочками. Бело-снежные скатерти вынуты из сундуков и расстелены. Электрический чайник кипит и кипит самовар, а в буфетной из банок, повязанных собственноручно, с хитрыми узелками, чтоб девки не крали, достается варенье. В граненые вазочки накладываются абрикосы, кизил и айва, и клубника Виктория, пахнущая ванилью». Застолья и еда свидетельствуют о некоей нормальной, сытой, упорядоченной жизни. То, что упраздняли большевики, «как журавли по весне, возвращалось». Жизнь, казалось, вошла в колею. В напряженном ритме потока информации, за которой встает панорама политической жизни, полной потрясений, – реальность безвластия, разбой, продажа своей земли интервентам. Бесконечный калейдоскоп событий вдруг прерывается возвышенной ритмизованной прозой – рассуждениями о евклидовом пространстве, искривленном пространстве, о вечном, о Переменах, которые сотрясают и переустраивают мир – о новой реальности. Здесь вступает любимая тема Шагинян, так выпукло выраженная в поэзии, – Время. И вновь после паузы, по законам контрапункта и следуя историческим событиям, повествование мчится в ритме времени, пулеметных очередей, смены властей – Деникина, Врангеля, зверствующих казаков. К лучшим страницам повести относится описание смерти большевички Ревекки. Образ матери, любовно собирающей приданое для дочери, выполнен в традициях русской классической литературы, как и сама смерть Ревекки – кульминация повести – доведена до крайней степени реалистической обнаженности описания – от сцены насилия до запарывания ее нагайкой дикими черкесами: «И с языка у Ревекки слетают пронзительные слова: “Убийцы, погибнете, сгинете, как собаки, сотрется с лица земли след ваш, а имена, как песок, засыплет проклятьем!” По очереди наслаждаются, свистя нагайкой, черкесы. Но жутко им от проклятий и суеверно косится каждый на тень свою...»

И, наконец, последняя смена власти в евклидовой кривой сюжета повести: «Белых-то выкурили. Чисто». Пришли большевики. Советы заработали. Звучит песнь новой жизни. В основе этой жизни – смерть Ревекки и Куси. Но ожидание светлого будущего покрывает эти жертвы: «Скоро, скоро все страны станут свободными! Заторопятся люди завести у себя революцию! И музыка, музыка, музыка пройдет по всем улицам мира, с барабанщиками, отбивающими Перемену».

Сегодня, по прошествии без малого ста лет со дня написания этой повести, отображающей ту драматичную эпоху, когда мы пережили не одно переустройство и переосмысление этих событий, можно сказать одно: история – суровый судья – еще не вынесла своего окончательного вердикта. Но то, что Мариэтта Шагинян была искренним приверженцем социалистических идей, пострадавших и пропущенных через высокий интеллект, и правдивым художником, не вызывает сомнения.

Повесть «Перемена» не только документ времени, но и замечательное художественное произведение, которое должно занять свое место в литературе 20-х гг. XX в.

Примечания

1. *Шагинян М.* Собр. соч. в 9 т. Т. 1. М., 1971. С. 7–139.
2. Там же. С. 31.
3. *Куранда Е.* Мариэтта Шагинян // Русские прозаики 1920–1930-х гг. М., 2017. С. 223.
4. *Шагинян М.* Собр. соч. в 9 т. Т. 1. М., 1971. С. 36.

И.Г. Иванцов

АРМЯНСКИЙ РАЙОН МАЙКОПСКОГО ОКРУГА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Проводимая правящей в Советской России коммунистической партией ВКП(б) в начале 1920-х гг. ленинская национальная политика в огромной мере способствовала возникновению целого ряда автономных административно-территориальных образований, национальных по своему характеру и имевших различный статус. От автономной республики, области до автономного района и даже национального сельского совета.

В 1920-х гг. на Кубани было организовано четыре национальных района. Одним из первых в 1925 г. был организован Армянский район. Он был территориально выделен из Горячеключевского и Хадыженского районов, вклю-

чив в себя некоторые населенные пункты Кубанского и Майкопского округов. Административным центром вновь организованного района стала станица Елизаветпольская. Организация района была завершена в ноябре 1925 г., когда там были избраны органы власти. Организационно район находился в подчинении Майкопского округа. На момент организации района в нем числилось 54 населенных пункта, в которых проживало немногим более шести тысяч человек.

1 ноября 1925 г. в станице Елизаветпольской состоялся организационный съезд Армянского района Майкопского округа. В президиум съезда были избраны 7 чел.

Повестка съезда: 1) Советское строительство и хозяйственные перспективы округа; 2) Землеустройство и лесоустройство района; 3) Народное образование; 4) Кооперация; 5) Дорожное строительство; 6) Выборы райисполкома; 7) Текущие дела [1].

Съезд избрал «фракцию», т.е. состав членов съезда Армянского района Майкопского округа – в количестве 7 чел. (Съезд должен был представлять район в округе и временно исполнять функции районного исполнительного совета народных депутатов до выборов состава собственно райисполкома.) Членов фракции – коммунистов было предложено считать членами партийной фракции района, которые представляли бы район на окружных партийных мероприятиях, собраниях, съездах и т.д. Секретарем фракции была избрана т. Дмитриева [2].

2 ноября 1925 г. собрание фракции съезда Армянского района Майкопского округа приступило к формированию органов власти района. На собрании присутствовало 11 членов ВКП(б), секретарь т. Дмитриева: Ищенко, Дмитриева, Гортиевский, Резников, Фадеев, Айрапетян, Манук Аракелов, Хачатурьян (Горяче-Ключевской район), Макаренко, Черниченко, Манукьян (кандидат в члены партии) [3].

Собранием принято решение «сконструировать районный исполнительный комитет советов из 15 членов и 5 кандидатов ВКП(б)». Члены ВКП(б) Айрапетян, Манукьян, Корсунов, Резников, Макаренко, Аракелов, Воски-Татнутьян, Аракелян Захар, Аракелов Захар, Народьян, Матульян, Матук-Меесханов, Назарьян, Кушенникова, Хачатурьян. Кандидаты ВКП(б): Черниченко, Хизик-Солодьян, Зайтульян Авшес, Чикириди Илья, Апиньян [4].

В президиум райисполкома были избраны 5 членов и два кандидата ВКП(б). Члены: Айрапетян, Манукьян, Корсунов, Резников, Макаренко. Кандидаты: Аракелов, Воски-Татнутьян. В ревизионную комиссию были избраны: члены ВКП(б) – Манукьян, Добочьян, Кузменко и кандидаты партии – Терзиева и Савенко [5].

Организационное собрание, посвященное организации партийной ячейки ВКП(б) вновь созданного Армянского района Майкопского округа

Северо-Кавказского края состоялось 3 ноября 1925 г. На нем присутствовали 9 членов и 5 кандидатов ВКП(б), проживавших в станице Елизаветпольской и в соседних населенных пунктах. Секретарем вновь созданной ячейки был избран М. Черниченко, член партии с 1921 г. Собрания районной ячейки было решено созывать не чаще одного раза в месяц ввиду дальнего расположения населенных пунктов района [6]. Таким образом, национальный район был создан. На состоявшейся несколько позднее Майкопской окружной партконференции (17–22 ноября 1925 г.) один из докладчиков указывал следующее: «Национальных меньшинств в округе более 10 000 человек. Армяне уже выделены в Армянский район» [7].

В своей докладной записке от 25.12.1926 проверяющий Майкопского окружкома ВКП(б) Г.И. Жадьков докладывал следующее: «В Армянском районе парторганизация чрезвычайно слаба, не имеет почти никакого влияния на РИК, а секретарь райкома тов. Юрьев не может с этим делом справиться». Проверяющий предлагал послать в район представителя округа на продолжительный срок для работы с председателями партийных организаций, колхозов и т.д., а также для проведения широкой инструктивной работы в районе [8].

Партийная организация Армянского района в Майкопском округе довольно длительное время считалась очень слабой. На районной партийной конференции, которая проводилась 10 октября 1927 г., был заслушан отчетный доклад Майкопского окружкома ВКП(б), где прямо говорилось о том, что в районе слабо партийное руководство социально-политическими процессами, различными собраниями (выборными и перевыборными), не уделялось внимания работе с женщинами. Очень слабо было руководство работой по землеустройству, лесоустройству, дорожному строительству. В Армянском районе не присутствовали и уполномоченные представители районной КК-РКИ, для них не было достаточного для постоянного присутствия объема работы [9].

24 декабря 1927 г. окружной комитет ВКП(б) Майкопского района в связи со вторыми выборами Советов Армянского района направил туда инструкции по их проведению. В инструкции говорилось, что армянское население района – бедно. Повышение его культурного уровня, развитие сельского хозяйства, промышленности зависит от того, как хорошо работают местные Советы и какую активность проявляет само население в их работе. В первую выборную кампанию борьба за качественный состав Советов принимала жесткие формы. В задачу предстоящей кампании включалась полная ликвидация в районе влияния эксплуататорских элементов на работу Советов и выдвижение в Советы лучших представителей беднейших слоев населения. Инструкцией отвергалась торопливость в проведении кампании. Учитывались бытовые особенности населения при проведении работы по вовлечению в кампанию женщин-нацменок [10].

На заседании Бюро Елизаветпольской ячейки ВКП(б) Армянского района 23 февраля 1927 г. был рассмотрен вопрос о «конструировании райисполкома и ревизионной комиссии Армянского района». В ее новый состав выдвигались 15 членов ВКП(б) и 5 кандидатов. Члены: Юрьев, Адамьян, Аванесов, Агамалов, Михайловичев, Бендухидзе, Багдасарьян, Чикирьян Аршак, Зенкин, Вербицкая, Папандопуло, Андреасян, Аракелян, Мелконьян и присланный товарищ из окружкома ВКП(б). Кандидаты: Князев, Буюклян, Макаренко, Кошевой, Араkelов, Давагян Сусанна. В ревизионную комиссию были выдвинуты члены: Давагян Л., Федорова, Закарьян. Кандидаты: Бабичев, Зеленская [11].

В архивных материалах сохранились некоторые документы из ранней истории района. Интересна доходная и расходная часть бюджета района 1927–1928 гг. Расходная часть бюджета составляла 106 455 руб. Район просил добавить к ней сумму, необходимую для повышения заработной платы низкооплачиваемых категорий служащих. Под ними подразумевались лесники, сторожа, конюхи, санитары. Предлагалось повысить их оплату с 20 до 35 руб. Лесным объездчикам просили повысить оплату с 30 до 45 руб. Техническим работникам, получавшим менее 50 руб., предлагали увеличить зарплату на 10–15 руб. [12]. Исходя из этих фактов можно заключить, что заработная плата была весьма низкой.

Еще один интересный факт: бюро ячейки ВКП(б) Армянского района на своем заседании от 25 августа 1927 г. просило Майкопский окружком ВКП(б) увеличить личный состав Административного отдела района (РАО), т.е. милиции, до 9–10 единиц [13]. К сожалению, нет архивных сведений, каков был численный состав РАО до этого обращения.

Организация национальных районов, сельсоветов, национальных поселений, землеустройство желающих трудиться на земле национальных меньшинств – всем этим правящая в СССР Коммунистическая партия решала ряд задач. И одной из них являлась демонстрация усилий и способности советской власти к решению трудных и застарелых социальных и национальных противоречий, а также приобретение в лице коренизируемых национальных меньшинств социально-классовой опоры большевистской власти.

Примечания

1. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 1. Л. 1.
2. Там же. Д. 2. Л. 2.
3. Там же. Л. 4.
4. Там же. Л. 3.
5. Там же. Л. Зоб.
6. Там же. Л. 1.

7. ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 52. Л. 60–61.
8. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 4. Л. 1об.
9. Там же. Оп. 1 доп. Д. 9. Л. 1–2.
10. Там же. Оп. 1 доп. Д. 14. Л. 1–2.
11. Там же. Оп. 1 доп. Д. 11. Л. 23.
12. Там же. Д. 11. Л. 74.
13. Там же. Л. 74об.

С.С. Казаров

ПОПЫТКА ЗАХВАТА ГОРОДСКИХ ЗЕМЕЛЬ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ В 1913 г.¹

Весной 1913 г. накануне выборов в городскую думу Нахичевани-на-Дону внутри города развернулась острая политическая борьба, которая приняла не только национальную окраску, но и своеобразные формы. В основе этой борьбы лежало стремление части русского населения захватить власть в городской думе. С этой целью была развернута широкая кампания по переоценке домовладений в сторону повышения их стоимости, что дало бы многим русским домовладельцам добиться избирательных прав. Борьба за избирательные права подкреплялась ходатайствами «правых» в Петербурге к властям о присоединении Нахичевани-на-Дону к Ростову [1].

Как известно, город Нахичевань-на-Дону обладал значительным земельным фондом. Они охватывали территории по Темернику, Безымянной балке, в районе т.н. Каменоломен – всего около 20 тыс. десятин. В то же самое время соседний Ростов, практически исчерпав собственные возможности, вплотную приблизился к границам своего соседа и начал зариться на его земли. И с точки зрения некоторых донских публицистов, вполне обоснованно [2].

Член городской управы А.Ф. Хадамов, в обязанности которого входило наблюдение за городскими землями, в своем докладе с тревогой указывал, что с начала апреля 1913 г. захваты городских земель по Темернику, Безымянной балке и при Каменоломнях приобрели эпидемический характер. Борьба с захватчиками становилась практически невозможной. Городская земля, очевидно, захватывается по подстрекательству некоторых лиц, пользующихся влиянием среди темной массы населения. Во избежание дальнейших захватов, по его словам, необходимо просить администрацию принять меры к охране городской собственности [3].

Начавшееся расследование обнаружило причины этих самовольных и незаконных захватов. Оказалось, что массовый захват земель около т.н. дачи

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-59-05004.

Пустовалова является следствием нелепых слухов, циркулирующих среди проживающих на окраине города захватчиков. Говорили, во-первых, о том, что Нахичеванская городская дума нынешнего созыва, доживая свои последние дни и намереваясь сделать что-нибудь доброе населению, будет смотреть сквозь пальцы на захват земли, если он будет произведен «скопом», а потом представит возможность захватчикам или арендовать эту землю у города за очень низкую оплату, или купить в собственность за баснословно дешевую цену; во-вторых, о том, что Нахичевань и Ростов в скором времени сольются в один город. Распространители слухов указывали в качестве примера на образование Затемерницкого и Нового поселений и Богатого источника, которые заселили при помощи массового самовольного захвата земель. Удаление захватчиков, снос сооруженных ими построек и привлечение к суду подтвердили всю нелепость означенных слухов. Руководство города твердо заявило, что до утверждения плана правительством ни о какой продаже городской земли не могло быть и речи. После его утверждения будут продаваться только те участки, которые занесены в селитебную территорию города [4].

Разумную и выдержанную позицию в этом вопросе заняли официальные власти. Ввиду участвовавших в последнее время случаев самовольного захвата городской земли, градоначальник предложил нахичеванскому городскому голове немедленно внести на рассмотрение думы вопрос, не признает ли она возможным во имя человеколюбия пойти навстречу действительно огромной нужде жителей, разбив известную часть сводной земли, принадлежащей городу, не менее 300 десятин, на соответствующие участки для продажи их по сходной цене нуждающимся обывателям или же для отдачи им в долгосрочную аренду. Вместе с тем градоначальник обратил внимание нахичеванского городского управления на индифферентное отношение как к проблемам жителей об отводе земли, так и его, градоначальника, предложений в этом направлении, доказывая, что бедный люд всегда нуждается в участках земли для постройки себе жилищ.

Кроме того, из-за участвовавших случаев самовольного захвата обывателями принадлежащей Нахичевани земли, принявших чрезвычайно острый характер, как, например, случай 29 апреля, когда градоначальнику пришлось дважды выезжать на место с нарядом полиции и пожарных служителей, вследствие чего он предложил городскому голове внести на рассмотрение думы вопрос о реорганизации 7-го полицейского участка, добавив 1 помощника пристава, трех околоточных надзирателей и 20 конных городских специально для обслуживания пригородной нахичеванской городской земли, или же образовании отдельного полицейского участка. Проведение этого вопроса в жизнь в скорейшем времени, по мнению градоначальника, явилось бы необходимым в интересах самого города, поскольку при существующем малочисленном составе городской полиции нет возможности предотвратить подобные случаи и охранять земли Нахичевани площадью 20 тыс. десятин.

Городская управа, рассмотрев означенные предложения, подготовила доклад на рассмотрение городской думы. Расход по содержанию добавочного штата полиции или по организации отдельного полицейского участка, по предложению градоначальника, выразился бы в сумме не менее 10 тыс. руб. Управа нашла такой расход непосильным для бюджета города. Что касается отвода земель, то члены управы нашли целесообразным решить этот вопрос только после утверждения нового плана города [5].

Необходимые указания градоначальником были отданы и полиции. Ввиду захватов частными лицами нахичеванской городской земли под постройку усадеб и равно незаконного выгона скота жителями окружающих селений на нахичеванские городские сенокосные земли, градоначальник предложил чинам городской полиции оповестить арендаторов городских земель, что они должны обращаться в подлежащие участки с просьбой о составлении протоколов на нарушителей их прав, кроме того, усилить надзор за городскими землями, оказывать потерпевшим законное содействие, по их заявлениям составлять протоколы и направлять по подсудности [6].

Донская пресса также резко отрицательно отреагировала на незаконные захваты земли. Так, в фельетоне Л. Пасынкова «Сухопутные корсары» говорилось о том, что итогом этой акции было то, что «...триста человек захватчиков, окруженные полицией, были разбиты на группы и разведены по полицейским участкам... Любопытно, что среди задержанных оказалось немало и сравнительно небогатых лиц...» [7]. Столкнувшись с твердой позицией официальных властей, захватчики городских земель, постройки которых были снесены полицией, обратились с просьбой о возврате конфискованного у них леса. Просьба эта была рассмотрена в юридической комиссии, а затем поступила в городскую думу [8].

Со своей стороны полицмейстер уведомил городскую управу, что для охраны городских земель от захватов необходимо реорганизовать 7-й полицейский участок, усилив состав старших служащих и нижних чинов полиции. Ежегодный расход на содержание добавочного штата полиции должен был составить 11 300 руб. Кроме того, на вооружение городских потребовалось бы 600 руб., также необходимо было дополнительное помещение для нижних чинов полиции [9].

На заседание Нахичеванской городской думы 15 мая городской голова М.И. Балабанов заявил, что управа ввиду массового захвата городских земель вынуждена была при поддержке администрации принять экстраординарные меры к обеспечению интересов города. Конфискованный лес сложен в санитарном дворе. Захватчики ходатайствовали о его возврате, ссылаясь на крупные затраты при его покупке. Некоторые гласные рекомендовали поступить по закону: конфискованный лес продать и возместить таким образом потери города. Первоначально это мнение возобладало. Тем более что гласный Л. Аладжалов указал на то, что, если виновные не будут при-

влечены к ответственности за самоуправство, захваты возобновятся. Однако против подобного мнения выступил гласный Г.Х. Чалхушьян, который посчитал привлечение такой массы людей (150 чел.) к ответственности мерой нежелательной и бесполезной. Дума согласилась с мнением Г.Х. Чалхушьяна и решила виновных к ответственности не привлекать [10]. Осознав бесперспективность своих действий и почувствовав решительность как городских властей Нахичевани-на-Дону, так и как самого градоначальника, захватчики прекратили подобные попытки и более их никогда не возобновляли. Таким образом, благодаря твердой позиции, занятой как градоначальством, так и городской думой Нахичевани-на-Дону, удалось предотвратить незаконный захват городских земель, тем самым укрепив позиции города.

Примечания

1. Приазовский край. 1913. 1 мая, № 112.
2. Греков А.М. Приазовье и Дон. Санкт-Петербург, 1912. С. 119.
3. Приазовский край, 1913. 26 апреля, № 107.
4. Там же. 1913. 1 мая, № 113.
5. Там же. 1913. 2 мая, № 113.
6. Там же. 1913. 3 мая, № 114.
7. Пасынков Л. Сухопутные корсары // Приазовский край. 1913. 3 мая, № 114.
8. Приазовский край. 1913. 5 мая, № 116.
9. Там же. 1913. 3 мая, № 114; 8 мая, № 119.
10. Там же. 1913. 1 мая, № 128.

Л.А. Карапетян

К ВОПРОСУ О ВОЗЗРЕНИЯХ С.Г. ШАУМЯНА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В 1902–1914 ГГ.

Национальный вопрос был и остается одним из актуальных вопросов как в теоретическом, так и в политическом отношениях. Давая определение нации, С.Г. Шаумян исходит из того, что в ней есть две стороны – естественная и общественная. Нация как естественное явление со своим естественным – материальным или психологическим – содержанием объединяет людей на одной территории, связанных более или менее одним происхождением, говорящих на одном языке, имеющих более или менее общую религию, нравы и традиции. Под второй стороной имеет в виду нацию как общественное или государственное явление. Объединяя обе эти стороны, для обозначения нового

понятия он использует термины нация-общество или нация-государство и замечает, что большинство современных наций представляют собой государства, или недавно перестали быть государствами, или стремятся стать ими.

Тезисно прослеживая общественное развитие от группы охотников через родовую общину и союз племен к современным нациям и национальным государствам в условиях капиталистического производства, Шаумян задается вопросом, достигло ли последнее своей завершающей формы или будет развиваться в сторону создания новых государственных форм? Отвечая на вопрос, С.Г. Шаумян, ссылаясь на современную ему практику, говорит о существовании наряду с национальными и многонациональных государств. Современные крупные многонациональные государства – это итог развития капиталистических производственных отношений. Именно для них национальный вопрос является одной из интереснейших, но одновременно и сложнейших проблем государственного права, поскольку он в качестве общественного вопроса касается интересов различных социальных классов, которые его понимают по-разному, определяя и решая его в своих интересах [1]. Прежде всего, буржуазия господствующей нации насильственным путем стремиться навязать свой язык, свою религию, традиции, нравы, обычаи и т.д. другим нациям и тем самым нивелировать все эти элементы, уничтожить все различия, которые мешают сближению и сплочению всех частей государства. Это создает среди различных наций, живущих в одном государстве, трения и вражду на национальной почве. Еще более обостряют национальный вопрос политические притеснения и ограничения. Таким образом, развитие капитализма, с одной стороны, приводит к образованию многонациональных государств, а с другой – к неизбежному национальному недовольству, насилию и угнетению. Национальное противоречие, по его мнению, является лишь частью основного противоречия капиталистической экономики – между капиталом и трудом [2].

Разрешение национальных противоречий С.Г. Шаумян считает главным вопросом государственного права. Он анализирует некоторые буржуазно-националистические школы государственного права, базирующиеся на метафизической методологии и понимающие нацию как «извечную» категорию. Рассматривая теорию, основой которой является принцип – каждое государство должно быть нацией, – он приходит к выводу о том, что эта концепция позволяет господствующим классам всеми средствами добиваться превращения в одну нацию многоязычных и многоплеменных народов, проживающих в пределах одного государства, и называет это наступательным национализмом. В ответ на эту теорию буржуазия малых и угнетенных наций провозглашает принцип – каждая нация должна быть государством. Поэтому очевидно стремление расчленить крупные многонациональные государства. Здесь он выделяет сторонников полного отделения (сепаратизм) и федералистов, которых большинство [3].

По-иному смотрит на этот вопрос социал-демократия. Нация как общественная категория есть историческое явление, а не «природное» и «вечное». Разделение крупных многонациональных государств на мелкие национальные реакционно по своей сути в условиях крупного капиталистического хозяйства, определяющего современную историческую тенденцию общественного развития. По мнению Шаумяна, решение национального вопроса при капитализме невозможно. «Всякая попытка “коренным” образом решить национальный вопрос при современном строе, решить так, чтобы стали невозможными любое национальное угнетение и вражда, привела бы нас к ничему не решающему реакционному национализму», – писал он [4]. С. Шаумян увязывает его решение с социализмом.

В чем же суть отношения социал-демократов к национальному вопросу в буржуазном обществе, и что они могут сделать, чтобы противостоять вредным тенденциям развития капитализма, которые делают неизбежной национальную вражду? Он согласен с главным принципом и общими требованиями международной социал-демократии, которые сводятся к следующему: 1) полное гражданское равенство для всех подданных государства, независимо от национальности и расы; 2) полная свобода развития национальной культуры (свобода языка, совести, литературы и т.п.); 3) право на политическое самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства. С.Г. Шаумян дает им собственный комментарий. Гражданское равенство должно сделать невозможным любые законодательные ограничения в отношении других наций. Свобода языка, совести и вообще национальной культуры – это фактор сближения между нациями, живущими в одном государстве. Сближение желательно, необходимо и неизбежно, но оно должно происходить путем мирного развития и ассимиляции, а не искусственно, путем насилия и преследований. «Мы не имеем ничего даже против ассимиляции, если это суждено той или иной малой национальности и если это происходит, конечно, не насильственно, путем свободного, естественного развития», – писал он [5]. Говоря о своем понимании права наций на политическое самоопределение, Шаумян отмечает, что социал-демократы, как сторонники не метафизического, а диалектического подхода, будут исходить из конкретной реальной ситуации. Возможны случаи, когда в отношении отдельных наций будут более желательны федерация или даже полное отделение. Оно может применяться редко, но это должно быть программным требованием и конституционной нормой, что будет гарантией отказа от применения силы к народам, борющимся за свою независимость [6].

Анализируя конкретно проблему применительно к России, С.Г. Шаумян отмечает, что РСДРП является сторонницей тесного сближения наций, живущих в России, сторонницей политической централизации. Ни для одной из наций она не требует отделения или федерации, поскольку этого не требуют

интересы пролетариата этих наций и интересы международного пролетариата. Однако и в России вопрос о каждой нации следует рассматривать отдельно и независимо, в его специфических условиях. И с учетом обстоятельств, возможно, будет более целесообразным требование отделения, или федерации, или автономии. Основанием для отделения как вида самоопределения он называет отсутствие интегрированности в общественно-экономическую жизнь государства или создаваемые психологические условия, которые не позволяют находиться в одном государстве. «Право наций на самоопределение должно быть обеспечено конституцией. И прежде всего это означало, что если какая-нибудь нация по объективно-экономическим или субъективно-психологическим причинам не может или не хочет составлять с русской и другими нациями один народ – конституция должна дать ему право отделения и образования самостоятельного государства. Мы не проповедуем о таком отделении и не предлагаем его в настоящее время ни одной нации в России, но признаем право на самоопределение – так же, как, например, признаем право свободы слова или свободы совести. Может случиться, что какая-нибудь область или нация не удовлетворится областным самоуправлением и потребует автономии. Это право должно обеспечить конституционное требование самоопределения», – писал С. Шаумян. Применительно к федерации С. Шаумян в 1914 г. отмечал, что в современных ему условиях он против «разделения объединенной России на несколько федеративных органов и в этом случае мы решительно против федерации» [7]. Большевики до 1917 г. отрицательно относились к федеративному устройству государства. Хотя сам С.Г. Шаумян в 1902 г. писал: «...мы считаем необходимым в будущей свободной России учреждение федеративной республики» [8]. По его мнению, вопрос о форме государственно-территориального устройства есть вопрос политической целесообразности, а не принципиальный. Основным принцип и критерий, которого придерживается социал-демократия, – это экономическое и культурное процветание страны, благосостояние людей. А культурно-экономическое развитие страны тесным образом связано с интересами пролетариата.

Значительное место в воззрениях С.Г. Шаумяна занимала проблема национально-культурной автономии. В 1914 г. по данной проблеме им была написана отдельная работа. Полемизируя со сторонниками национальной культурной автономии, он изложил собственную аргументацию, направленную против этой формы самоопределения. В итоге он приходит к выводу, что национально-культурная автономия может быть вредной и излишней, поскольку в свободной России конституцией будут гарантированы равноправие всех граждан перед законом независимо от национальности, религии и пола, а также свобода языков в литературе, публичных собраниях, школах, судах и других государственных учреждениях.

Примечания

1. *Шаумян С.Г.* Национальный вопрос и социал-демократия // С.Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 1. 1902–1914 гг. М.: Изд-во политической литературы, 1978. С. 138, 141–143.
2. Там же. С. 147, 151.
3. Там же. С. 148–149.
4. Там же. С. 150–151.
5. *Шаумян С.Г.* О национально-культурной автономии // С.Г. Шаумян. Указ. соч. С. 425.
6. Там же. С. 153.
7. Там же. С. 424–425, 450.
8. *Шаумян С.Г.* Манифест «Союза армянских социал-демократов» // С.Г. Шаумян. Указ. соч. С. 32.

Р. Карапетян

РОЛЬ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ РОССИИ В РАЗВИТИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И РОССИЕЙ

Одной из основных особенностей армянского народа является распространенность ее большей части по всему миру. С одной стороны, консолидированное выживание может стать основанием для ослабления армянской государственности, но, с другой стороны, разбросанные по всему миру армяне дают шанс Республике. Использование ресурсов диаспоры в современных международных отношениях может быть только полезным для внешнеполитических интересов государства.

Вступление армян на территорию России датируется X–XI вв. Пётр Великий вел политику переселения армян из Персии и Турции в Россию, что доказывает, что армяне были полезны в государственном строительстве. В указе Петра Великого от 2 марта 1711 г. говорится: «Армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» [1]. В результате систематической политики русских царей в Россию переселилось свыше полумиллиона армян.

Мы видим, что отношение к армянам в царские времена было в значительной степени уникальным, поскольку признавалось, что армяне способствовали экономическому развитию России. Но со времен СССР многое изменилось. Национальная политика СССР заключалась в том, чтобы

приравнять все народы Южного Кавказа, чтобы между ними не возникало конфликтов в поисках исторического прошлого. Фактически была сделана попытка приравнять тысячелетнюю историю армянского народа к короткой истории кавказских татар. Влияние пропаганды, которая длилась около 70 лет, армянская община России чувствует до сих пор. Во многих случаях армяне рассматриваются в одном и том же плане со всеми кавказскими народами, а ассоциации вокруг них в основном отрицательны в российских общественных кругах.

По данным советской переписи 1989 г., в России проживало 532,4 тыс. армян, которые в основном проживали в Краснодарском и Ставропольском краях, в Ростовской и Самарской областях, в Москве и в Ленинграде [2]. Самый большой этап в формировании армянской общины в России обусловлен периодом после распада СССР. Из-за сложных социально-экономических условий в Армении, нехватки рабочих мест сотни тысяч армян нашли свое место проживания в Российской Федерации. Согласно официальным данным 2002 г., в России проживало 1,2 млн армян [3]. Согласно последней переписи населения (2010 г.), численность армян в РФ составляет 1,182 млн чел., они являются седьмым по численности народом в России (0,86 % населения). Однако представители армянских организаций РФ уверены, что перепись не полностью отражает подлинное число армян в России. Так, глава Союза армян России Ара Абрамян считает, что с учетом трудовых мигрантов в России живет около 2,5 млн армян [4].

Для поддержки развития армянской общины в России и решения социально-экономических проблем создано большое количество армянских организаций, из которых особенно активно действуют следующие: Союз армян России, «Русско-армянское сотрудничество», Российское общество дружбы и сотрудничества с Арменией, армянский культурно-просветительский центр «Арагат» и др. [5]. В 2002 г. был создан Всемирный армянский конгресс, основными задачами которого являются поддержка экономического возрождения Армении и диаспоры, содействие развитию Арцаха и армянской диаспоры, содействие международному признанию геноцида армян и мирному урегулированию карабахского конфликта [6]. В Москве функционируют четыре школы с изучением армянского языка и четыре воскресные школы. В Москве издается информационно-аналитическая газета «Ноев Ковчег» и русско-армянская общественно-политическая независимая газета «Арменпресс». Сегодня ряд армянских организаций и частных лиц в России пытаются объединить армян и помочь им решить свои проблемы. В этой связи мы придаем большое значение роли известных людей в России, которые не только оказывают финансовую помощь Армении и Арцаху, но и вносят значительный вклад в развитие и укрепление армяно-российских отношений.

Министерство диаспоры Армении, которое сформировалось в 2008 г., играет важную роль в развитии связей с армянской диаспорой, в том чис-

ле с армянской общиной Российской Федерации. В настоящее время министерство пытается сконцентрироваться на проблемах армян, проживающих в разных частях мира, и поддерживать их. Официальный Ереван стремится развивать связи с регионами России, где есть большая армянская община. В настоящее время у нескольких марзов (областей) Республики Армения налажены дружеские отношения с регионами России. Предпринимается попытка активировать существующие торговые отношения между регионами двух стран. У Армении самые активные экономические отношения с Краснодарским краем. Конечно, здесь важен географический фактор, так как этот регион близок к Армении, но более важным является фактор присутствия армянской общины в нем [7].

Одним из самых сложных вопросов в России, вероятно, является проблема рабочих мигрантов. В 1994 г. между правительствами РА и РФ было подписано Соглашение о трудовой деятельности и социальной защите граждан Республики Армения, работающих в Российской Федерации, и граждан Российской Федерации, работающих на территории Республики Армения [8]. Рабочие мигранты зачастую не могут полностью интегрироваться в общественную жизнь России и принять российские традиции. Это явление вызывает неудовлетворенность и неоднозначную реакцию коренного населения. В этой связи интересно ознакомиться с письмом Президента Международной академии наук Российской Федерации по проблемам национальной безопасности В. Спектора от 30 ноября 2005 г. в адрес Правительства Республики Армения: «Дружеская и смежная атмосфера в отношениях между Российской Федерацией и Республикой Армения иногда нарушается из-за межэтнических столкновений, которые возникают из-за граждан РА или армян, уезжающих на временную работу в Россию. Они часто не находят подходящую работу или не удовлетворяют требованиям и занимаются незаконной деятельностью. Они часто не учитывают российские традиции, что вызывает неудовлетворенность россиян» [9]. Несомненно, межэтнические столкновения с участием армян возможны в отдельных случаях, но такие случаи единичны. Армяне и сами порой становятся жертвами действий националистических экстремистских групп, проживающих в России.

В настоящее время официальный Ереван уделяет больше внимания армянской общине России и пытается максимально использовать ее потенциал. В рамках рабочего визита в Москву в Посольстве Армении в России от имени Председателя Национального Собрания РА Ара Баблояна состоялся прием, на котором присутствовали послы 12 стран, депутаты СФ ФС и Госдумы РФ, представители армянской общины и другие должностные лица. Обращаясь к собравшимся, армянский спикер в частности подчеркнул: «Хотел бы отметить роль армянской общины России, которая в значительной степени содействует развитию межгосударственных отношений наших стран. С каждым годом растет степень вовлеченности армянской

общины в политическую, экономическую и культурную жизнь российского общества. Мы уверены, что армяне в России, равно как и россияне в Армении, – это прочный мост, который связывает наши страны. После обретения независимости, на протяжении четверти века Республика Армения и Российская Федерация неуклонно наращивали союзническое взаимодействие. Наши страны являются активными участниками евразийского интеграционного процесса, из года в год набирает обороты децентрализованное сотрудничество, последовательно развивается взаимодействие в гуманитарной сфере, в области культуры и образования, здравоохранении и туризма. Армянский и российский народы вместе прошли сквозь многие испытания и лишения, что только укрепило наше братство. Мы вместе и будем вместе на века» [10].

Таким образом, можно констатировать, что армянская община России активно развивается в последние 10–15 лет. Увеличивается также связующая роль последней в отношениях РА – РФ. В то же время следует отметить, что ее потенциал используется недостаточно. Мы считаем, что Республика Армения должна тесно сотрудничать как со структурами армянской общины России, так и с отдельными лицами. Необходимо правильно использовать научный и человеческий потенциал армянской общины, что может способствовать укреплению отношений между двумя странами.

Примечания

1. *Соболева И.А.* Невский проспект: дорога, которая ведет к Храму. СПб.: Питер, 2014. 304 с.

2. Архив Министерства иностранных дел Республики Армения (далее – АМИДРА). С. 13. Д. 101. Л. 4.

3. Посол Армении рассказал, сколько армян проживает в России. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/armenia/20170602/7517117/posol-armenii-rasskazal-skolko-armyan-prozhivaet-v-rossii.html> (дата обращения: 19.03.2018).

4. *Халатян А.* Почему неэффективны армянские диаспоры? URL: <http://newsarmenia.am/news/analytics/pochemu-neeffectivny-armyanskie-diaspory/> (дата обращения: 21.03.2018).

5. АМИДРА. С. 14. Д. 116. С. 72.

6. Там же. С. 16. Д. 101. С. 15.

7. Там же. С. 17. Д. 87. С. 76–79.

8. Там же. С. 1. Д. 121. С. 101.

9. Там же. С. 11. Д. 149. С. 201–202.

10. *Шагуян Т.* Ара Баблоян: С каждым годом растет степень вовлеченности армянской общины в политическую, экономическую и культурную жизнь российского общества. URL: http://arminfo.info/full_news.php?id=29501&lang=2 (дата обращения: 22.03.2018).

КОМПЛЕКС ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТОВ ПО КУЛЬТОВЫМ МЕСТАМ ДОНСКИХ АРМЯН

Заселение армянами донских земель произошло в конце XVIII в., когда по указу Екатерины II тысячи армян были переселены из Крыма в Приазовье. В 1779 г. здесь ими были основаны город Нахичевань, объединенный позднее с Ростовом-на-Дону, и пять сел, находящихся сейчас на территории Мясниковского района [1]. Это является поводом для немалого интереса туристов к истории Мясниковского района и его центра – села Чалтырь. В современном Чалтыре тесно переплетаются элементы армянской, русской и казачьей культуры. Широкие перспективы развития открываются перед районом в качестве крупного туристского центра.

Для того чтобы туризм начал развиваться в каком-либо регионе, необходимо наличие в этом регионе туристских ресурсов, в первую очередь историко-культурных. Мясниковский район обладает высоким историко-культурным потенциалом для развития регионального турбизнеса и является одним из центров туристских маршрутов низовьев Дона. Природно-климатические условия Мясниковского района благоприятны для развития здесь отдыха местного и областного значения и познавательного туризма федерального значения. Но в то же время, по данным музеев, значительная часть посетителей – это учащиеся образовательных учреждений: школьники, студенты.

Территория Мясниковского района, исторически заселенная армянами, сохранила большое количество памятников истории, культуры и архитектуры, в числе которых армянские и русские церкви, расположенные в крупных населенных пунктах района и представляющие собой неповторимые шедевры зодчества. К числу достопримечательностей относится действующая в селе Чалтырь церковь Святого Амбарцума, построенная в середине XIX в. Во дворе церкви находится другой памятник истории и архитектуры – так называемый Хачкар (крест-камень), перевезенный на Дон с прежних мест жительства армянских переселенцев. Еще одним почитаемым местом в центре района является Мец-Чорвах (Большой родник) – место основания Чалтыря. Интерес для туристов представляет также примыкающее к Чалтырю село Крым, в центре которого располагается храм Аменапркич XIX в. В поселке Чкалова расположен мемориальный музей выдающегося армянского художника – Народного художника СССР, Героя социалистического труда М.С. Сарьяна. Здесь живописец провел свои детские годы [2]. На территории района есть еще ряд интересных памятников истории, культуры и архитектуры. Это *армянские храмы*: храм Аменапркич, с. Крым; храм Сурб Амбарцум (Вознесения), с. Чалтырь; храм Сурб Геворк (Святого Георгия), с. Султан-

Салы; храм Сурб Карапет (Иоанна Предтечи), с. Несветай; храм Аствацацин (Успения Богородицы), с. Большие Салы.

Русские храмы: храм Успения Пресвятой Богородицы, х. Недвиговка; церковь Божьей Матери «Живоносный источник», с. Петровка.

Памятники: мемориальный комплекс «Артиллерийский курган», воздвигнутый на месте боя артиллерийской батареи Героя Советского Союза С.А. Оганяна, с. Большие Салы; памятник героям-артиллеристам, с. Большие Салы; пантеон Славы погибшим в Великой Отечественной войне, с. Крым; памятник жителям с. Чалтырь, расстрелянным фашистами в период оккупации 1942–1943 гг., с. Чалтырь; мемориал Славы, с. Чалтырь.

Родники: Мец Чорвах, с. Чалтырь; Мец Чорвах, с. Крым; Салых-Су, с. Чалтырь; живоносный источник, с. Петровка [3].

Жители Мясниковского района свято чтят народные традиции, сохраняют старинные промыслы, обряды, фольклор. Всё это могут увидеть туристы в историко-этнографическом музее в селе Чалтырь, который одновременно мог бы стать основой для создания на территории района туристско-рекреационного центра. В настоящее время назрела необходимость строительства отдельного здания музея, которое в перспективе позволило бы в полной мере развернуть богатую коллекцию, а также создать в комплексе армянское крестьянское подворье. За основу можно взять воспоминания М. Сарьяна «Из моей жизни» или чеховский рассказ «Красавицы», где писатель вспоминает, как гимназистом остановился «у знакомого дедушки армянина». Обстановка подворья, описанная в рассказе, настолько образна и документальна, что можно воссоздать её до мелочей. Реконструкция обстановки сделает понятным назначения предметов, орудий и сам процесс труда, к тому же интересна будет реконструкция не просто обстановки, но и сценического действия, где туристы будут не просто зрителями, а непосредственно активными участниками. В этом же музее можно возродить народные промыслы, создать мастерские с традиционными для донских армян старинными занятиями и ремеслами, такими как ткацкое, кожевенное, гончарное, лозоплетение, резьба по дереву, лоскутное шитьё, изготовление и выпечка в национальной печи мучных изделий и др. Здесь туристы смогут с помощью мастеров приобщиться к этим ремеслам, собственными руками изготовить, а также приобрести изделия народно-прикладного искусства. Для туристов и экскурсантов представит большой интерес увидеть на российской земле, рядом с Ростовом, место с таким ярким национальным колоритом, познакомиться с фольклором донских армян, ремеслами, национальной кухней.

Центральным звеном этого туристического проекта должен быть игровой комплекс, представляющий тему исторического пространства этих мест – начиная от одежды, кухни, сувенирной продукции до региональных и обрядовых праздников.

Предлагаемые туристские маршруты: «Путешествие по армянским селам», «Армянские храмы Дона», «Родники жизни», «Места, овеванные сла-

вой» – являются наиболее перспективными для экскурсионных предложений. Именно здесь наблюдается редкостное сочетание самых разных видов ландшафтов, диапазон памятников истории; и многие события, связанные с ними, вписаны в страницы европейской и отечественной истории. Важным преимуществом района является развитая транспортная инфраструктура: административный центр, село Чалтырь, расположен вблизи федеральной автомагистрали и железнодорожной линии. В районе существует также развитая сеть коммуникаций, сферы обслуживания, а все поселения связаны между собой благоустроенными дорогами [4].

Территория Мясниковского района становится одним из интереснейших и привлекательных туристских центров Ростовской области, открывающих для туристов интересные страницы истории и этнографии, подчеркивающих ту неповторимую, уникальную атмосферу многонационального единства, которым традиционно славится Донской край. На основе изученного материала был разработан авторский тур по Мясниковскому району. В рамках тура туристы посещают родник «Мец Чорвах», «Мемориал Славы», а также выезжают в села Большие Салы, Крым, где осматривают церкви «Сурб Аствацацин» и «Аменапркич», посещают музей краеведения села Чалтырь и знакомятся с бытом местных жителей.

Примечания

1. Айрумян А.А. Донские страницы. Ростов н/Д, 1992.
2. Агентство инвестиционного развития – Мясниковский район. URL: <http://www.ipadon.ru/municipalities/1037/>. <http://www.zapoved.net/indexphp/> (дата обращения: 05.03.2018).
3. Администрация муниципального образования «Мясниковский район» // Официальный портал Мясниковского района. URL: <http://www.amrro.ru/> (дата обращения: 20.03.2018).
4. Программа развития Мясниковского района. URL: <http://www.opora-credit.ru/> (дата обращения: 19.03.2018).

В.И. Колесов

ГОРСКИЕ АРМЯНЕ, ЧЕРКЕСОГАИ, ЭРМЕЛЫ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И НАИМЕНОВАНИЕ ГРУППЫ АДЫГОЯЗЫЧНЫХ АРМЯН

Исследование истории и культуры общности людей (социальной, этнической, религиозной, лингвистической и т.д.) невозможно без выделения ее

характерных параметров, определения ее границ, выработки понятийного аппарата, в том числе в области этнонимии (самоназвание, экзоэтноним). Имя группы обусловлено как самосознанием, так и другими идентичностями, навязанными извне гетерогенными дискурсами и закрепившимися в источниках, затем в академической и иной литературе. В фокусе нашего исследовательского внимания понятия и термины, обозначающие в различного вида источниках и историографии уникальную группу Северо-Западного Кавказа – адыгоязычных армян. Самоназвание этой группы – «ермелы», или «эрмелы» – крымскотатарский термин, обозначающий «армянин» [1]. Русские делопроизводственные документы первой половины XIX в. демонстрируют нам две тенденции употребления терминов «закубанские армяне» [2] и «горские армяне» [3] – для обозначения как отдельных персонажей, так и в целом данной группы в Гривенской черкесской станице, Армавире, иных населенных пунктах Черноморья, Правого фланга Кавказской линии и Закубанья. Причем первое понятие – «закубанские армяне» – ранее фиксируется в документах и сменяется вторым – «горские армяне» – окончательно в 1860-е гг. Еще в 1857 г. главнокомандующий на Кавказе князь Барятинский продолжает называть их «закубанскими армянами» в таком важном деле, как вопрос о предоставлении дворянства [4], а в 1853 г. под этим наименованием они попали в Полное собрание законов Российской империи [5].

Обозначение их в российских документах через прилагательное «закубанские», сменяющееся потом на «горские», не случайно. Первое определение, территориального свойства, было призвано отделить их от армянского населения Крыма и Османской империи, хотя в качестве синонима мы встречаем употребление по отношению к ним понятия «турецкоподданные греки». Среди турецкоподданных термин «закубанские» позволяет отделить их от жителей Трапезунда, Самсуна, Амасии и других турецких городов северо-восточных провинций, частенько приезжавших на Северо-Западный Кавказ по торговым и иным делам. Термин «закубанский армянин» демонстрирует российскую «воображаемую» географию, своеобразную ментальную карту, где в центре мира находится Россия/Санкт-Петербург. Граница с Османской империей пролегла по реке Кубани, поэтому, все «закубанское», обозначало чужеродное, неподчиненное России.

Второе определение («горские»), появляющееся примерно в 1840-е гг., функционирующее параллельно вплоть до начала 1860-х гг., характеризует изменение дискурса. Из чужих территориально – «За Кубанских» – эти армяне превращаются в чужих культурно. Понятие «горские» относило их к туземному (местному) населению, хотя и обладавшему массой достоинств, но в то же время характеризовавшемуся в российских документах того времени чаще негативно посредством нелестных и уничижительных эпитетов («хищники», «дикари» и т.д.) и таким образом опускал (из просвещенных христианских народов) на более низкую эволюционную ступень. В истори-

ографии первоначально употребляли понятие «горские армяне»: И.О. Иванов – «кавказо-горские» [6], П.П. Короленко – «горские поселенцы» [7], Ф.А. Щербина – «черкесские, или горские армяне» [8].

Именно классик кубанской исторической науки Щербина впервые в научной литературе употребил понятие «черкесогаи», вынеся его даже в заглавие свое монографии. Впоследствии данный термин становится каноническим для исследователей армавирских армян [9]. В то же время необходимо отметить, что термин «черкесогаи» совершенно из другой дискурсивной практики, и в тот период (вторая половина XIX – начало XX в.) в русскоязычных документах не употреблялся. Впервые он встречается в метрических книгах Успенской церкви г. Екатеринодара Астраханского епископата Армянской апостольской церкви начиная с 1838 г. [10] и является церковным территориальным термином, указывающим на проживание (в некоторых случаях, возможно, на происхождение) индивидуума. «Черкесогай» маркировал нахождение адепта армянской церкви в Черкесии, поэтому буквально на русский язык этот термин в то время мог быть переведен как «черкесский армянин», «армянин, живущий в Черкесии». Если армянин проживал на территории, подвластной России, то дополнительно к «черкесогаю» добавляли конкретизирующее определение, связанное с населенным пунктом: «гривенский черкесогай» (живущий в Гривенской черкесской станице) [11], «Пашковского ауле черкесогай» (в Армянском поселке вблизи Пашковской станицы) [12], «Берясливки ауле» (в поселке около Переясловской станицы) [13]. Если же армянин проживал в Закубанье, то к термину «черкесогай» добавлялась характеристика принадлежности к той или иной адыгской группе: «Шапсуга черкесогай место Абин», «Черкесогай абазехи место Шохапс» [14], «бжедухаци керкенеици черкесогай» (то есть живущий среди бжедухов-черченеевцев) [15] – или опять-таки маркировалось нахождение в конкретном ауле или географическом локусе: «Бибердици ауэле черкесогай» [16], «Черкесогай псогубци» (живущий в ауле Псегуабе) [17]. Термин «черкесогай» встречается только в первой метрической книге, заканчивающейся 1851 годом. Во второй книге за 1875 г. номинации армян, помимо привычных «нахичеванский», «екатеринодарский», пополнились «тифлисцами», «анадолцами», «эрзерумцами», «армавирцами». Черкесогаев практически нет: Черкесия завоевана, и местных армян обозначают по месту приписки к тому или иному мещанскому или купеческому сообществу. Лишь единственный раз понятие «черкесогай» встретилось в 1875 г., когда была зафиксирована смерть Мкртича, сына «Бжедуг аула черкесогаия Карапета Минасяна Айвазяна» (то есть жившего в ауле Бжедугхабль) [18]. Пользовавшийся при написании своей истории Армавира и черкесогаев документами волостного правления и биографиями армавирцев, Ф.А. Щербина воспринял этот церковный термин и привнес его в научную литературу.

Примечания

1. *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 286.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 597. Л. 60; Ф. 261. Оп. 1. Д. 597. Л. 2–2об, 20; Ф. 263. Оп. 1. Д. 159.
3. См., например: ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
4. ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 54–55.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVIII. Отделение первое. 1853. № 26968. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1854. С. 33.
6. *Иванов И.* О кавказо-горских армянах // Ставропольские губернские ведомости. 1855. № 5–12.
7. *Короленко П.П.* Горские поселенцы в Черномории // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. III. Екатеринодар, 1902. С. 96–98.
8. *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкесогаев. Екатеринодар, 1916. С. 1.
9. *Поркшиеян Х.А.* Происхождение черкесогаев и основание г. Армавира // Вестник общественник наук. Ереван, 1971. № 5. С. 66–75; *Харатьян Г.С.* Этническая история черкесогаев: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
10. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.
11. Там же. Л. 3об. – 4.
12. Там же. Л. 4об. – 5; 8об. – 9; 15об. – 17; 19об. – 20; 21об. – 22.
13. Там же. Л. 29об. – 30; 34об. – 35; 36об. – 37; 69.
14. Там же. Л. 3об. – 4.
15. Там же. Л. 5об. – 6.
16. Там же. Л. 11об. – 12.
17. Там же. Л. 13об. – 14.
18. Там же. Д. 3. Л. 23.

Р. Комсалова

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ АРМЯН В БОЛГАРИИ

Данная проблема включает в себя три основных вопроса.

Во-первых, надо выяснить современную этнорелигиозную ситуацию в Болгарии. Формирование болгарской нации осуществлялось в эпоху Возрождения (XVIII–XIX вв.) в отсутствие собственного государства. В ее основе – православная болгарская народность, которая формировалась еще

в Средневековье и интегрирует остальные этнические группы на территории, в том числе и армян. С восстановлением болгарской государственности в 1878 г. начался новый этап в развитии болгарской нации – на основании Тырновской конституции 1879 г. всем гражданам Болгарии гарантированы равные права перед законом. После Второй мировой войны и установления социалистической системы управления основным направлением считалось формирование социалистической нации на основе атеизма. Одновременно с этим проводилась политика приобщения этнорелигиозных обществ – как путем социально-экономических и культурно-образовательных изменений, так и посредством административно-командных механизмов [1].

До конца 80-х гг. XX в. болгарская нация развивалась в основном как нация восточного типа, т.е. она объединялась родственными связями и общим историческим прошлым. После демократических перемен на основе политического плюрализма начинается трансформация нации в гражданскую (западного типа), представляющую единство многообразных этнокультурных обществ, некоторые из которых связаны традиционным для них вероисповеданием [2].

Основные документы, регламентирующие этнорелигиозную ситуацию в современной Болгарии, – принятая в 1991 г. Конституция и Закон о вероисповеданиях 2002 г. Несмотря на то, что в конституции нация рассматривается как единонациональная и гражданская, с самобытной этнокультурной структурой и не признается наличие национальных меньшинств, Болгария присоединилась к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой Советом Европы в 1995 г. В случае с Болгарией конвенция рассматривается через призму межгосударственных отношений со странами, где признано болгарское меньшинство и своевременно заглажены все попытки признания национальных меньшинств в стране [3].

Второй основной вопрос связан с армянским обществом в Болгарии. Как известно из исторических источников, первые армянские расселения по болгарским землям датируют с V в., а с конца XIV в. увеличивается приток армян в болгарские территории. Основные причины этого процесса связаны с тем, что у них общая религия – христианство, а еще они подданные Османской империи, что создает возможность для внутреннего переселения. После 1878 г. и создания Третьего Болгарского государства число переселившихся армян сильно нарастает. Особенно интенсивен переселенческий поток в период между 1896 и 1922 г., связанный с жестокими погромами и политической геноцида. Расселение армян большими компактными массами являлось основным фактором формирования армянского общества в Болгарии [4].

В наше время общества, которые живут вне своих этнических границ, чаще всего называются термином «диаспора». Переселения армян в различные периоды были в основном вынужденными, они охватывали огромные группы из разных областей. В этом случае переселение было необходимо

прежде всего для спасения уцелевших. Несмотря на свое разнородное место-происхождение, социальное положение, родо-семейные связи и пр., в Болгарии они создают устойчивое этническое общество на основе общего языка, религии и культурных традиций. Согласно современной терминологии, армяне в Болгарии являются диаспорой по отношению к государству Армении.

В новейших исследованиях делается упор на тезис о том, что формирование диаспоры – это процесс, проходящий через разные фазы: от «еще не диаспора» через «именно диаспора» до «уже не диаспора». Этот подход можно применить и к армянскому обществу в современной Болгарии, что позволяет анализировать его не как константу, а как процесс перемен. В связи с этим проистекают и проблемы ассимиляции и интеграции. Интеграция – процесс «вписывания» в макрообщество, т.е. в современную болгарскую гражданскую нацию. Процесс этот скорее индивидуальный, поскольку армяне в своем обществе самостоятельны, обособлены и имеют личный статут и право распоряжаться своей жизнью. В то же время индивид не обязан принимать религию, быт и традиции основного этноса (т.е. болгарского) и, таким образом, способен сохранить специфику своего менталитета [5].

Важную роль в армянском обществе выполняют механизмы управления. Армяне сосредоточены в основном в больших болгарских городах, у них имеется свой район, храм, школа, культурные организации, печать и др. Несмотря на то, что они обособлены в общество, они лишены собственного административного и политического управления, которое осуществляется болгарским государством. Их партийная деятельность направлена за пределы государства, в котором они проживают сплоченным обществом, так как ориентирована на историческую родину – Армению.

В то же время внутреннее (не административное) управление осуществляется армянскими настоятельствами – церковным (епархийским, общим для Болгарии) и школьным, как и клубным руководством городского армянского дома. Все три руководства выбираются на определенный срок. Кроме того, у каждого из них есть координационный совет, что предполагает лидерские качества.

Третий вопрос связан с Армянской апостольской церковью в Болгарии. Она является основным этнообъединяющим центром и институцией армянского общества в Болгарии. Церковные вопросы армян сначала решаются под руководством Константинопольского армянского патриархата, созданного еще в 1461 г. султаном Мехмедом II и ставшего частью милетской системы религиозных обществ в рамках Османской империи. Поскольку большинство наших убежище в Болгарии пришли с территории османской Турции, а позже и из кемалистской республики, они часть Константинопольской патриархии. В 1912 г. с согласия болгарского правительства в Софии создается Армянская епархия и архиерейство, подчиненные Константинопольской патриархии. Из-за реорганизации епархий в 1927 г. Болгарская армянская

епархия оказывается в прямом подчинении Армянской апостольской церкви с центром в Эчмиадзине (Армения), следовательно, под контролем католикоса. В 1960 г. он назначает архиепископа Болгарской и Румынской армянской епархии с центром управления в Бухаресте. Сегодня есть самостоятельная болгарская епархия с центром в Софии [6].

Церковь автокефальная, и ее верховным органом является церковный собор, на котором присутствуют священники и делегаты из городов с армянскими обществами. На нем выбирают епархиальный совет и председателя на три года, а в соответствующих городах люди из епархии выбирают церковные настоятельства с двухлетним мандатом. Церковные настоятельства заботятся о церковной жизни, имуществе, распределении средств, полученных от дарителей, занимаются и другими видами деятельности, в том числе благотворительностью.

Деятельность церкви приурочена к соответствующей политической ситуации в Болгарии. В результате политических перемен после 1989 г. Армянская апостольская церковь вернула свою роль оживленного и желанного места для армян в стране. Новая ситуация в Болгарии позволила провести Церковный собор в 1991 г., который выбрал новый епархиальный совет, председателей настоятельств и архиереев. После реституции имущества в 1993–1994 гг. армянские храмы снова становятся владельцами прежней недвижимости, и этот финансовый ресурс позволяет им активизировать свою деятельность. Поддержка армянской церкви и армянского самосознания в Болгарии – основная забота армянской духовной школы в Эчмиадзине, где существует семинария и проводится дополнительное обучение высшего духовенства.

С 90-х гг. XX в. активно развиваются связи между Армянской и Болгарской православной церковью и наблюдается своеобразный религиозный синкретизм. Это особенно ощутимо в семейной обряде крещения и венчания. До 1989 г. как для болгар, так и для армян эти ритуалы были редким явлением, тем более что после 1944 г. наблюдалось искусственное отчуждение от церкви из-за политической ситуации. Несмотря на это, привязанность армян к апостольской церкви не терялось, и они оставались верными мирянами. Важный фактор – большая роль церкви в культурно-историческом развитии армян с начала IV в. и в сохранении их этнического самосознания, несмотря на все трудности, через которые им пришлось пройти.

Примечания

1. Филипов Д. Българската нация. Възходи и драми. София, 2000.
2. Тодоров В. Етнос, нация, национализъм. София, 2000.
3. Комсалова Р. Етнорелигиозни общности на българската народност и нация. Пловдив, 2014.

4. Българи и арменци заедно през вековете. София, 2001.
5. Мицева Е. Арменците в България. София, 2001.
6. Арменският духовен и образователен живот в България. София, 2015.

С.Н. Ктиторov

СУДЬБА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН АРМАВИРА: ГИБЕЛЬ ОСОБНЯКА КУПЦА П.Г. КАСПАРОВА

Армавир, являвшийся с момента основания в 1839 г. главным центром сосредоточения и важнейшим культурным очагом своеобразной субэтнической группы черкесогаев (черкесских армян), несмотря на колоссальный масштаб разрушений в годы Великой Отечественной войны, сохранил обширные фрагменты старинной застройки и несколько сотен памятников истории и архитектуры. Большинство из них так или иначе связано с прошлым местной армянской общины, игравшей заметную роль в экономическом и социокультурном развитии всего Северного Кавказа.

Несмотря на еще весьма значительное число объектов культурного наследия черкесогаев в Армавире, их дальнейшая судьба вызывает немалые опасения. Капитальные кирпичные особняки, возведенные преимущественно в конце XIX – начале XX в., постепенно ветшают и разрушаются. Многие памятники архитектуры оказались перестроены до неузнаваемости. Периодически происходят сносы старинных зданий. К сожалению, официальный охраняемый статус фактически не спасает памятники истории и архитектуры от искажений изначального облика и иногда полного уничтожения. В числе наиболее тяжелых утрат последних лет следует назвать гибель дома купца Петра Каспарова, располагавшегося по адресу ул. Ленина, 107 (лит. «А»).

Ниже представлены сведения об этом здании, в основном подготовленные в 2009 г. для включения его в реестр объектов культурного наследия в качестве памятника архитектуры. К сожалению, старинный дом погиб, так и не дождавшись защиты со стороны государства.

В дореволюционный период особняк имел адрес ул. Почтовая, 111; с 1926 г. стал числиться по ул. Ленина, 119. В начале XX в. площадь усадьбы, на которой находился рассматриваемый объект, была значительно больше. Владение в форме буквы Г одной стороной выходило на ул. Почтовую (ныне Ленина, 107), а другой – на Николаевский проспект (ныне ул. Кирова, 496) [1]. В настоящий момент земельный участок выходит только на ул. Ленина; его протяженность в глубину квартала составляет 77,4 м.

По данным подворной инвентаризационной ведомости 1928 г., двухэтажное, с подвальным этажом здание (лит. «А») было возведено в 1910 г. и имело следующие строительно-технические характеристики: фундамент и стены – кирпичные, оштукатуренные с фасада; перекрытия подвала и 1-го этажа – железобетонные; полы подвала – цементные, 1-го и 2-го этажей – деревянные; потолки подвала и 1-го этажей – железобетонные, 2-го – деревянные; крыша – железная; общая полезная площадь – 973,5 кв. м; высота – 12,1 м; объем по наружным очертаниям – 5,147 куб. м. Была устроена система центрального отопления (кроме этого имелись 2 голландские печи); в помещения проведены водопровод, канализация, электричество и телефон. По боковым сторонам здания находились брандмауэры. На улицу и во двор выходили два балкона с металлическими ограждениями. Подвальный и первый этажи предназначались для складов и магазинов, а второй этаж являлся жилым [2].

Фасад постройки отличала богатая пластика стиля модерн, что проявлялось в криволинейном силуэте карниза и форме аттиков, обрамлений окон, декоративных деталях штукатурного покрытия, рисунке решеток, ограждающих оконные витрины от тротуара. Главный (южный) фасад был раскрепован тремя ризалитами, завершавшимися аттиками криволинейных очертаний. В правом (под вторым этажом) был устроен сквозной проезд во двор; в левом – вход в здание с лестничным маршем на второй этаж; в центральном – главный вход, акцентированный балконом над ним. Размер прямоугольных оконных проемов первого этажа обусловлен расположением в нем торговых помещений. Остальные окна, значительно меньшие по размеру, с лучковыми перемычками и сандриками над ними (по главному фасаду). На главном и дворовом фасадах имелись балконы с кованым ограждением. На тротуаре между ризалитами были установлены ограждающие оконные витрины металлические декоративные решетки.

Вместе с двумя двухэтажными смежными зданиями по ул. Ленина дом образовывал яркий ансамбль застройки начала XX в. в стиле модерн.

В дореволюционный период домовладение принадлежало одному из крупнейших местных купцов, представителю коренных жителей черкесогоаев Петру Григорьевичу Каспарову [3]. Хотя первые сведения об этом относятся только к 1915 г., вероятно, именно он являлся первоначальным хозяином указанного дома. В дореволюционный период фамилия Каспаровых являлась одной из самых многочисленных и влиятельных в Армавире. Раньше предки Каспаровых жили среди адыгских племен шапсугов, натухайцев и хатукаевцев. В Армавире они поселяются с момента самого основания аула. Род Каспаровых делился на три колена: Аджамэ, Шъыкъ, Пальюу.

В начале XX в. П.Г. Каспаров вел обширную бакалейно-гастрономическую торговлю. По данным за 1909 г., денежные обороты его магазина достигали 1 млн руб. В источниках за 1913 г. состояние Петра Каспарова оценивалось от 500 тысяч до 1 миллиона рублей [4].

В 1913 г. в той части усадьбы, которая выходила на Николаевский проспект (ныне ул. Кирова, 496), купец построил обширный трехэтажный дом, предназначенный для торговых целей. Его фасад в стиле модерн был почти аналогичен внешнему облику известного дома братьев Аведовых на ул. Гимназической в г. Екатеринодаре. К 1914 г. денежные обороты торгового дома «П.Г. Каспаров и Ко» составляли уже 2,5 млн руб. [5] По масштабам торговли бакалейно-гастрономическими товарами эта фирма не имела равных на всем Северном Кавказе. Предпринимателю принадлежал целый ряд домов в Армавире, в том числе самый роскошный местный кинематограф «Марс».

Вся усадьба П.Г. Каспарова была застроена капитальными складскими корпусами. На первом этаже рассматриваемого здания по ул. Почтовой (ныне ул. Ленина) в 1910-х гг. действовал крупный магазин железно-скобяных товаров И.С. Егорова с сыном. Весной 1914 г. здесь же расположилось представительство известной германской автомобильной компании «Опель» [6]. Возглавлявший филиал Теодор Готлибович Фейль в рекламном объявлении сообщал, что по адресу ул. Почтовая, 111 действует гараж, автомастерская, склад шин, запчастей и необходимых принадлежностей.

25 марта 1922 г. домовладение П.Г. Каспарова было муниципализировано. Судя по списку абонентов городского телефона за 1925 г., здесь располагался промышленный подотдел Армавирского местхоза. По данным за 1927 г., в здании по ул. Ленина находился Комвнупоторг, а в инвентаризационной ведомости 1928 г. сообщалось, что дом находится в аренде у Отдела народного образования [7]. В телефонном справочнике 1939 г. по рассматриваемому адресу ул. Ленина, 119 был указан родильный дом.

О судьбе объекта в период Великой Отечественной войны в доступных документальных источниках сведений не выявлено. Вероятно, серьезных повреждений дом не получил. По решению Армавирского горисполкома от 12 октября 1946 г. здание было предоставлено в распоряжение родильного дома, который действовал здесь примерно до 1977 г. [8] Впоследствии тут размещалось гинекологическое отделение. После перевода родильного дома и всех его отделений в 2008 г. в новый корпус по ул. Энгельса, здание по ул. Ленина, 107 опустело.

В 2009 г. ООО «Южный реставрационный центр» была составлена первичная учетная документация для включения бывшего дома купца П.Г. Каспарова в реестр объектов культурного наследия и постановки его под государственную охрану. В это же время здание из муниципальной собственности было продано в частные руки.

В конце 2011 г. новый хозяин самовольно разрушил особняк до основания и на его месте приступил к возведению торгового помещения. Едва начавшись, эта стройка вскоре была заброшена и остается в таком виде вплоть до наших дней. Любопытно, что на стенах этого недостроя некоторое время висел яркий баннер с лозунгом «Наш город – наша гордость!». Представляется, что при таком восторженном отношении к варварскому уничтожению

памятников старины в Армавире история черкесогаев, как и других групп местного полиэтничного населения, будет предана забвению.

Примечания

1. Архив армавирского филиала Государственного унитарного предприятия Краснодарского края «Крайтехинвентаризация – краевое БТИ» (далее – Архив армавирского филиала БТИ). Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 75. Подворная ведомость домовладения по ул. Ленина № 119/111; угол ул. Первомайской № 55/53.

2. Там же.

3. Список жителей гор. Армавира, промышленных предприятий и обществ, имеющих право участвовать в первоначальном избирательном собрании для выбора гласных Армавирской городской думы и кандидатов к ним. Армавир, 1915. С. 61.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 318. Оп. 6. Д. 599. Л. 22, 37; Ф. 449. Оп. 2. Д. 1826. Л. 73об. – 74.

5. Кубанский календарь на 1914 год. Екатеринодар, 1914. С. 399.

6. Отклики Кавказа. Армавир, 1914. № 119.

7. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 16. Л. 446; Архив армавирского филиала БТИ. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 75. Подворная ведомость домовладения по ул. Ленина № 119/111; угол ул. Первомайской № 55/53; Кавказ / под ред. Э.С. Батенина. М., 1927. С. 137.

8. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Квартал № 75. Д. 1719. Ул. Ленина, № 107.

С.С. Лазарян

АРМЯНЕ В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

Армяне в политике Николая I играли достаточно заметную роль, поскольку были вписаны в структуру восточного вопроса, имевшего важное значение не только для утверждения Российской империи на её южных рубежах, но во многом определявшим её геостратегические и политические возможности в мире.

Восточный вопрос имел свои отделения (составные части): балканское, бессарабское, новороссийское, кавказское, турецкое и персидское. Во всех отделениях так или иначе интересы России соприкасались с интересами армян, приобретая вид особой сущности, вырвавшейся в особый армянский вопрос по нескольким причинам.

Во-первых, Россия имела возможность реализовывать свою историческую миссию и священный долг – защитить единоверцев-христиан от обид и уничтожения; во-вторых, во всех отделениях восточного вопроса были задействованы армяне. Они там были надежной и дружественной опорой российским интересам. Они давали Российской империи солдат и офицеров, администраторов, ополченцев, разведчиков, наконец, обывательскую массу, пребывание которой в той или иной местности обеспечивало закрепление там позиций России; в-третьих, армянские предприимчивые люди способствовали экономическому развитию вновь приобретаемых русскими территорий, связывали их с центром России, были ретрансляторами российского имперского влияния.

Армяне в политике Николая I не прихоть Всероссийского императора, а та данность, которую не могли игнорировать и все его венценосные предшественники, как только Россия обратилась лицом к Востоку. Как только Россия приступила к освоению Новороссии и Бессарабии, как только она устремилась на Кавказ, как только у России возникали напряженные отношения с Османской империей или Персидской державой, она неизменно сталкивалась с армянами, также неизменно выступавшими её благодарными союзниками на всех перечисленных территориях.

Активное проникновение Российской империи на Кавказ после 1801 г. привело к активизации переселенческой кампании армян-христиан, поскольку армяне лучше других этносов региона подходили для реализации имперских целей России. Армяне в большинстве своем проживали в сопредельных с Кавказом государствах – Персии и Турции, выступавших соперниками России в борьбе за данный регион. Армяне хорошо знали внутреннее устройство Персии и Османской Турции, все их позитивные и негативные аспекты и были ценными помощниками России в противостоянии этим державам. Борясь за выживание и сохранение своей этнокультурной идентичности, армяне во всем помогали Русской армии.

В войнах 1804–1813 гг. и 1826–1828 гг. русских против персов армяне повсеместно оказывали всю возможную помощь российской стороне, отмечались своим бесстрашием и своей верностью России. Отличились армяне в 1826 г. в Карабахе во время вторжения войск Аббас-мирзы, когда во время восстания мусульман против России у российского правительства оставалась только надежда на армян. Старшины армянского народа со своими людьми защищали крепость Шушу до подхода русских войск. Армянское население провинций снабжало русских военных продовольствием и фуражом, служило проводниками, лазутчиками, участвовало в военных предприятиях вместе с русскими. Армян не останавливала даже высокая цена, которую они часто платили: персы из мести увечили, истязали и нещадно истребляли тех, кто выступал на стороне русских.

Поощряя переселение армян в новые южные пределы Российской империи, российские власти создавали тем самым себе надежную этноконфес-

сиональную опору на новых территориях, поскольку превосходящие по численности местные народы, исповедовавшие ислам, оставались открыто или потенциально враждебными России. Доверять им было опасно, поскольку, по мнению А.С. Грибоедова: «Мы их устрашили, но не перевоспитали. И задача эта наскоро решиться не может» [1].

При Александре I после окончания Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и Русско-персидской войны 1804–1813 гг. часть исторических армянских земель была присоединена к России. Часть армянских территорий – Эчмиадзин, Эриванское и Нахичеванское ханства, перешли к России при Николае I после Русско-персидской войны 1826–1828 гг. Как указывал В. Брюсов, в пределы России переселились из территорий, оставшихся за Персией, до 40 000 человек армян. После Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в Россию хлынула волна армянских переселенцев из турецких областей, всего до 90 тыс. человек [2].

Русское население соглашалось переселяться за Кавказ крайне неохотно, главным образом это были раскольники, которые не очень ладили с официальными имперскими светскими и религиозными властями. Кроме того, выселенцы из России плохо переносили особенности местной климатогеографической и ландшафтной среды, а также не имели опыта проживания во враждебном социокультурном окружении, т.е. им не доставало того, что имелось в избытке у армян.

Наконец, переселение армян в пределы Российской империи укрепляли её экономически: Россия приобретала не только лояльных ей новых подданных на своих пограничных перифериях, но экономически мотивированных и умелых работников и предпринимателей, которых в свою очередь лишались персы и турки.

Негативная сторона процесса армянского переселенчества в Закавказье по условиям, оговоренным в мирных соглашениях, также скоро дала о себе знать. В крае стало не хватать наделных земель, а кроме того, своей активностью и полученными привилегиями армяне стали стеснять старожилов. От плохой постановки дела переселения страдала общая ситуация, например, в Нахичеванской области, где на каждых двух старожилов приходился один переселенец. По этой причине область не могла выдержать такого одновременного наплыва людей, «которым требовались жилье, питание и которые, к негодованию местных, по трактату освобождались от налогов на шесть лет» [3].

Неожиданно проявились противоречия между национальными армянскими элитами и российскими имперскими властями. Нисколько не подвергая ревизии преданность армян России, которую те доказали не раз, все же интересы сторон не могли быть идентичными.

Некоторая часть армянской элиты (И. Ори, М. Сарафян, И. Аргутинский, Ш. Шаамирян и др.) мечтала восстановить политическую целостность ар-

мянской нации через возрождение национального армянского государства на отвоеванных у персов и турок исторических армянских землях [4]. Однако эта идея не нашла понимания в Петербурге. Такое Армянское государство, если бы возникло по воле России, не могло бы выполнить предназначавшуюся ему роль как из-за своей военно-политической, социально-экономической слабости, недостаточности территории, неразвитости инфраструктуры и управления, так и всеобщей озлобленности мусульман края, которые покорялись силе России, но возроптали бы такому возвышению армян. Россия была бы вынуждена взять на себя множество обязательств по сохранению и поддержанию данной политической структуры, которые бы превратились в непосильное бремя без надежных перспектив.

Постепенно стали накаляться отношения между Армянской апостольской церковью (ААЦ) и кавказскими имперскими властями. Освободившийся от деспотии мусульман, Эчмиадзинский монастырь и Католикос всех армян стали претендовать не только на власть духовную над своей паствой, но в силу установившейся традиции после утраты политического единства желали представлять и светские интересы армянского народа [5].

Наиболее яркой фигурой среди армянских архиереев был архиепископ Нерсес Аштаракети, который, опираясь на авторитет и поддержку действующего Католикоса всех армян Ефрема, энергично отстаивал традиционные права Эчмиадзина, в том числе перед российскими властями. Это вызывало недоумение, в частности, у кавказского российского начальства, сначала у генерала А.П. Ермолова, а затем у генерала И.Ф. Паскевича, поскольку «...поведение сего архиепископа и все поступки... нисколько не обнаруживали ни вредных против правительства нашего замыслов, ни же скрытых каких-либо намерений. Напротив, при начале Персидской войны и потом в продолжение оной, Нерсес заявлял всегда готовность в пользу нашу и показывал приверженность России» [6].

Если в религиозном вопросе российские власти соглашались сохранять определенную долю автономии для ААЦ, поскольку рассчитывали через Эчмиадзин оказывать влияние и получать поддержку армян всего Ближнего и Среднего Востока, то допустить политическую самостоятельность и прав эчмиадзинских католикосов никто не мог даже помыслить. Все попытки движения в этом направлении немедленно пресекались. Российские власти считали беспрекословным то положение, что армяне, находившиеся на территориях Российской империи или переселявшиеся туда, естественным и безоговорочным способом становились подданными российского императора.

Именно это фундаментальное основание было основной причиной всех многолетних противоречий между российскими кавказскими властями и ААЦ и её ярким представителем архиепископом Нерсесом Аштаракети на протяжении нескольких десятилетий первой половины XIX в.

Примечания

1. Цимбаева Е.Н. Грибоедов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 476–477.
2. Брюсов В.Я. Летопись исторических судеб армянского народа. Ереван, 1989. С. 153.
3. Цимбаева Е.Н. Указ. соч. С. 492.
4. Мелконян А.А. Историко-политическое значение присоединения Восточной Армении к России (1801–1828 гг.) // Вестник Российско-Армянского университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2004. № 2. С. 2.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее АКАК) / Под ред. А. с. с. Ад.П. Берже. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 251–311.
6. АКАК. Т. VII. С. 254.

С.В. Любичанковский

«ОН В КРАЙ СТЕПНОЙ ПРИШЕЛ ИЗДАЛЕКА»: ВААН ТЕРЬЯН НА ОРЕНБУРГСКОЙ ЗЕМЛЕ

На одном из домов по улице Чичерина в г. Оренбурге можно увидеть мемориальную доску с текстом на двух языках: «В этом доме истекли последние дни жизни армянского поэта Ваана Терьяна, члена ВКП(б) и ВЦИК. 1885–1920». И хотя доску укрепили еще в 1940 г., ничего более об этом человеке не было известно не только оренбуржцам – еще в 60-е гг. XX в. сведения о его судьбе ограничивались информацией о том, что в октябре 1919 г. «член ВЦИК Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и солдатских депутатов Ваан Терьян» командирован в Ташкент и должен следовать к месту назначения через Самару и Оренбург. Правда, был еще один документ, выданный «жене члена Всероссийского центрального исполнительного комитета тов. Териану, умершему 7 января 1920 года в Оренбурге», в котором предписывалось «всем военным, железнодорожным и гражданским властям оказывать содействие тов. Шахиджанян». Документ был датирован январем 1920 г.

Период между датами на удостоверениях равен двум с половиной месяцам, если точнее, – 74 дням, которые реконструировал оренбургский писатель и ученый Л.Н. Большаков [1].

Исследователь буквально по крупицам восстановил историю последних дней жизни армянского поэта и государственного деятеля, отыскал людей, помнивших его и его юную жену, фотографа, делавшего последние скорбные

снимки... Найденное оказалось очень важным, так как на родине поэта ничего не было известно о его последних днях, месте захоронения и т.д., в 1976 г. в благодарность за эти находки правительство Армении подарило Оренбургу памятник Терьяна, установленный недалеко от того дома, в котором прошли последние дни поэта.

По сценарию Л.Н. Большакова на оренбургской студии телевидения был снят фильм о В. Терьяне «Он в край степной пришел издалека...». Судьбе армянского поэта, событиям его последней командировки, трагическим дням в Оренбурге, были посвящены публикации в областной газете [2] и журнале «Урал» [3]. Позже большой очерк «Встреча через годы» вошел в книгу «Главы из жизни» [4].

В 1964 г. состоялась церемония торжественной передачи нескольких горстей земли, взятой с места старого оренбургского кладбища, для захоронения в ереванском Пантеоне, где находится символическая могила В. Терьяна. На этой церемонии присутствовала и дочь поэта – Нвард Ваановна [5, 6].

Ученый-литературовед Л.Н. Большаков умел не только разыскать, установить, открыть новый факт, но и сделать его интересным для всех. Вот и армянский поэт Ваан Терьян стал для оренбуржцев своим.

В 1982 г. в оренбургской школе № 24 было создано Общество друзей Ваана Терьяна. Ребята изучали жизнь и творчество поэта, познакомились и подружались с его дочерью, переписывались с другими родственниками поэта, с писателями Армении, готовили и проводили литературные вечера, конкурсы чтецов. Материалов набралось много, и в 1984 г. в школе был создан музей В. Терьяна, в работе которого до последних лет жизни Леонид Наумович Большаков принимал самое активное участие.

В поиск «по Терьяну» включились не только школьники. В одной из публикаций Л.Н. Большаков рассказал о том, как оренбуржцы помогали ему установить имя героини стихотворения В. Терьяна «Принцесса На», в котором поэт упоминал город Бузулук в Оренбургской области [7].

Благодаря изысканиям Л.Н. Большакова, Оренбург давно стал одним из центров терьяноведения. Масштабные торжества проходили в Оренбурге в 1965 г., тогда же одной из старых улиц было присвоено имя Ваана Терьяна. Представительные писательские делегации из Армении и Грузии прибыли в Оренбург в 1985 г., когда широко отмечалось 100-летие армянского поэта. Впечатления об этих торжествах Леонид Наумович записал в своем дневнике 7 января 1985 г.: «Этот день посвящен Ваану Терьяну и – не менее – его землякам. ...Два с половиной часа с ребятами из Клуба юных друзей В. Терьяна были удивительно теплыми и сердечными. В комнате-музее я представил гостей из Богдановки ... говорили учителя, «терьяновцы» показали неплохую композицию со стихами и музыкой, вместе пошли по ул. Чичерина, остановились у дома, где Терьян умер, и, наконец, подошли к памятнику, у подножия которого возложили гирлянду, перевитую красной лентой; заключительный

аккорд – приятное чаепитие в той же музейной комнате. Повторю еще раз: все прошло на удивление сердечно – достойно чистого и искреннего Поэта».

Добавим, что юбилеи армянского поэта отмечали в Оренбурге и после ухода из жизни Л.Н. Большакова. Были и вечера, и выставки в библиотеках, и концерты. Так, широко праздновали 120-летие поэта в 2005 г.: возложили цветы к памятнику, в музее В. Терьяна вспоминали многочисленных гостей, приехавших сюда в предыдущие годы, рассматривали фотографии, читали стихи; появилась статья в областной газете [8].

Спустя два десятилетия после первой публикации о Терьяне Л.Н. Большаков начал работать над новой книгой об армянском поэте – «74 дня перед бессмертием», которую посвятил «Памяти Анаит и Нвард – самоотверженных женщин» [9].

В дневнике Л.Н. Большакова 1984 г. находим несколько записей, рассказывающих о работе над этим произведением:

«Пишу “Недели перед бессмертием” [10]. Пишу увлеченно, пытаюсь восстановить всё существенное в этих неделях и всё достоверное в этих днях. Пока, думается, получается. “Доехал” до Самары. “Обживать” этот город решил уже завтра. Кое-что надо посмотреть в библиотеке... Нет и грама объективности в отношении Анаит Шахиджаниян. Ее как жену не признают вовсе, так что моя цель и восстановление чести семьи, которую создал Терьян в последний год своей жизни. Не было бы Анаит, не осталось бы у Терьяна никаких наследников, никакого продолжения. Попробую выразить это возможно тоньше и убедительнее» (28 мая).

«Я все еще в “Самаре”. Писал чуть не весь день, сделал несколько страниц, но даже не добрался до встречи с Фрунзе... Пока всё идет нормально, повесть, полагаю, будет читаться... Мне очень нужны материалы об Анаит Шахиджаниян... Готовлюсь к завтрашней работе над повестью – накачиваю себя материалами, вживаюсь в них. ...Вот незадача – не записал вовремя рассказы Нвард о матери. Но мог ли подумать тогда, что мне захочется писать о ней?» (29 мая).

Разыскания «по Терьяну» познакомили Леонида Наумовича со многими армянскими писателями и общественными деятелями. В его личном архивном фонде [11] письма от писателей В. Петросяна и З. Балаяна, академика-историка Г. Гарибджанияна, учительницы из Еревана Н. Арутюнян, более шестидесяти писем от Н.В. Терьян, письма от его внуков – Вагана и Григория Эминых. О многих из них рассказано в нашей книге «Леонид Большаков: на связи с миром и людьми» [12]. Сохранились и фотографии разных лет, на которых у памятника В. Терьяну запечатлены его дочь и внук. Друзьями Л.Н. Большакова и гостями терьяновских торжеств стали и герои его книги «Первые» [13] – земляки В. Терьяна, живущие в Богдановском районе, на границе Грузии и Армении, где находится родное село поэта. Добавим, что 5 декабря 1983 г. решением горисполкома Богдановского района Грузинской ССР Лео-

ниду Наумовичу было присвоено звание «Почетный гражданин города Богдановки».

Распад единой страны не заставил Л.Н. Большакова отказаться от работы по укреплению русско-армянских связей; в 1992 г. он стал инициатором создания Центра армянской культуры «Наири», выпустившего несколько информационных бюллетеней. К слову, автором одного из них стал известный писатель Армении Вардгес Петросян [14], в других выпусках рассказывалось о родном селе поэта [15], была представлена хроника его последней командировки [16]. Последняя статья Л.Н. Большакова об армянском поэте «Оренбургский след Ваана Терьяна» была опубликована в 2001 г. [17]

Последний в жизни Поэта город помнит его и чтит.

Примечания

1. Леонид Наумович Большаков (01.01.1924–09.08.2004) – писатель и литературовед, академик Международной академии гуманизации образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный деятель культуры Украины, лауреат государственной премии Украины и премии Совета министров УССР им. Павло Тычины «Чувство семьи единой», автор более 60 книг о Л.Н. Толстом, Т.Г. Шевченко, Г.С. Винском, региональных литературных энциклопедий, почетный гражданин Оренбурга.

2. *Большаков Л.Н.* По следам Ваана // Южный Урал. 1965, 10–12 февраля.

3. *Большаков Л.* Дом на старой улице // Урал. 1965, № 7. С. 144–154.

4. *Большаков Л.Н.* Встреча через годы // Главы из жизни. Челябинск, 1974. С. 189–210.

5. Терьян Нвард Ваановна (1920–1978) – хранительница и пропагандист литературного наследия отца.

6. *Большаков Л.* Память сердца // Блокнот агитатора. 1965. № 3. С. 46–47.

7. *Большаков Л.* Загадка «Принцессы На» // Южный Урал. 1965. 20 янв.

8. *Лукьянова Р.* «Имя благородное твое» // Южный Урал. 2005. 8 февр.

9. *Большаков Л.Н.* 74 дня перед бессмертием, или Последняя командировка Ваана Терьяна. Ереван, 1990. 127 с.

10. Такое название планировалось первоначально.

11. ГАОО. Ф. 2919. Оп. 1.

12. *Большаков Л.Н.* Первые: страницы из жизни одного р-на. М.: Политиздат, 1985. 158 с.

13. *Большакова Т.А., Любичанковский С.В.* Леонид Большаков: на связи с миром и людьми: моногр. [Электронный ресурс]. М.: ФЛИНТА, 2016. 493 с. Режим доступа: <http://e.lanbook.com/book/89871>.

14. *Петросян В.* Слово о Терьяне. Оренбург: «Наири», 1992. 31 с.

15. *Большаков Л.* Гандза – это сокровище. Оренбург: «Наири», 1992. 22 с.

16. Ваан Терьян в Оренбурге. Оренбург: Центр «Наири», 1992. 13 с.

17. *Большаков Л.Н.* Оренбургский след Ваана Терьяна // Армяне в Оренбуржье: история и современность. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2001. С. 14–16.

А.М. Малоян

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)

Золотой путь армянской государственности ввиду определенных исторических обстоятельств часто ослабевал, но никогда не прерывался. Со дня формирования армянского народа идея государственности – намерение и стремление создания и развития суверенного, независимого государства – неизменно сопровождала армянский народ. История нашей государственности проходила сквозь борьбу и, хотя часто у нас были периоды восхождения, однако мы не смогли избежать падений и ошибок. Да, иногда мы теряли нашу независимость, суверенитет, мужество и единство, но никогда не теряли государственности, которая по-разному проявляясь (нахарарская система, княжество, меликство и т.д.), выжила в тяжелых условиях отсутствия единого общеармянского государства. Иными словами, государственность – это осознание необходимости идеи самоорганизации и политической независимости каждой нации, народа, этнической общности, а государство – это реализация этой идеи.

После падения Анийского царства Багратидов в 1045 г. в разных регионах Армении свое существование продолжал поддерживать ряд государственных образований. После долгих и кровавых турецко-персидских войн, согласно подписанному в 1639 г. договору в Касри-Ширине (*Касри-Ширинский договор*), большая часть Армении, получившая впоследствии название Западная Армения, была включена в административные границы Османской империи. Во второй половине XVIII в. Османская империя, достигшая своего расцвета в XVII в., фактически существовала только формально. В конце XVIII и начале XIX в. в государстве наблюдались сепаратистские тенденции областных пашей, их произвол и разбой достигли беспрецедентных размеров. Некоторые крупные феодалы сконцентрировали в своих руках власть данного региона. Некоторые создали собственную армию [1, с. 241; 2, с. 59]. В Египте фактическая власть принадлежала мамелюкским беям. В Сирии Ахмед Джебзар, которого султан назначил пашой Акры, также сосредоточил в своих руках большое богатство и военную мощь. В Багдаде правил Сулейман-паша – гру-

зин по происхождению. Из-за военной мощи, богатства, роскоши двора его величали Сулейманом Великим [3, с. 384–385, 387–388; 4, с. 315–318; 2, с. 60]. Аналогичная ситуация сложилась и на Балканах [5, с. 167–169; 6, с. 238–240; 7, с. 39]. Сепаратистские устремления имели также феодалы Румелии [1, с. 241; 8, с. 36–37]. Даже в Малой Азии, где феодалы еще открыто не выступали против Порты, были созданы фактически независимые феодальные образования. Полунезависимые армянские государственные образования и автономные общины сохранились в основном в труднодоступных горных районах, где турецкое правительство и курдские вожди племен не могли установить свое господство [9, с. 85].

Во второй половине XVIII в. проявления армянской государственности (государственные образования и автономные общины) свое полунезависимое существование сохранили в Сасуне, Савуре, Исьяне, Моксе, Шатахе, Чапахджуре, Хнусе, Балу, Дерсимае и других местах [10, с. 133, 161, 163, 200, 222–223, 230, 243, 245, 375; 11, с. 137–153]. Они имели небольшую территорию и продолжали существовать благодаря свободолюбию, ослаблению Османского государства и восстанию курдских беков. Не исключено, что курдские беки пытались использовать военную силу армянских государственных образований и автономных общин против Османского правительства [12, с. 189].

В руках армянских князей, меликов и глав автономных общин были сосредоточены военная и административная власть, суд. Армяне полунезависимых и автономных районов были свободны от репрессий, и влияние султанских указов не распространялось на них. В курдоподданных, полунезависимых и автономных провинциях армяне и ассирийцы носили оружие, периодически участвовали в набегах. Здесь сила заключалась в уважении, что и обеспечивало право [13, с. 136].

Итак, полунезависимые армянские княжества и автономные общины в основном сохранились в труднодоступных горных районах, где турецкое правительство и курдские вожди не смогли утвердить свое господство. Основной предпосылкой возникновения и существования таких государственных образований была внутренняя нестабильность и состояние Османской империи. Несостоятельность правительства, столкновения с центральной властью привели к большим потерям в империи, отрицательно сказались на боеспособности армии, благоприятствовали дезертирству, уронили и без того невысокий авторитет центральной власти, способствовали углублению междоусобных войн, распалили напряженную внутривосточную обстановку. Во второй половине XVIII в. Османская империя находилась на низком уровне развития: это была средневековая отсталая империя, переживающая агонию из-за внутривосточных противоречий. Сложной ситуацией в Османской империи, находящейся в состоянии разложения военно-ленной системы, воспользовались центробежные элементы, которые, не принимая гегемонию представителя центральной власти в разных частях империи, соз-

давали новые автономные государственные образования или продолжали управлять в прежнем, полунезависимом статусе. Условиями, способствующими выживанию армянских полунезависимых княжеств и автономных общин, были однородный состав населения, прочный уклад натурального хозяйства, наличие или близость крупного духовного центра, наличие союзнических соседских курдских княжеств и аширетов. В армянских полунезависимых княжествах и автономных общинах действовали традиционные права и патриархальные законы.

Впоследствии Османская империя проводила политику укрепления центральной власти, стремилась распространить свое влияние на всю империю. Наконец, в результате укрепления центральной власти Османской империи и установления полного господства, а также наличия ряда неблагоприятных факторов для полунезависимых княжеств и автономных общин (оторванность и самоизоляция, ограниченные человеческие и материальные ресурсы, изменение отношений соседних курдских племен, враждебное окружение и т.д.) армянская государственность – полунезависимые княжества и автономные общины – постепенно ослабевали и прекратили свое существование.

Примечания

1. Новичев А.Д. История Турции. Том I. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1963. 314 с.
2. Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.; Ленинград: Издательство Академии наук СССР 1947. 507 с.
3. Адамов А. Ирак Арабский: Бассорский вилайет в прошлом и настоящем. СПб.: Тип. гл. упр. Уделов, 1912. 616 с.
4. Mantran R. Bagdad à l'époque Ottoman. "Arabica", Leiden, IX/3, 1962. P. 311–324.
5. Погодинъ А.А. История Болгаріи. СПб.: Брокгаузъ-Ефронъ, 1910. 225 с.
6. История Болгарии. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1954. 576 с.
7. Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. 303 с.
8. Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутр. положение, предпосылки нац.-освобод. движений) / отв. ред. Н.И. Хитрова. АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1990. 198 с.
9. Алпоячян А. Границы исторической Армении. Каир: Издательство Нор астх, 1950. 479 с. (на арм. яз.).
10. Инчичян Г. География. Ч. 1. Т. 1. Венеция: Издательство Конгрегации Мхитаристов, 1806. 426 с. (на арм. яз.).
11. Бадалян Г.М. Армянские полунезависимые княжества и меликства в Западной Армении и Горной Киликии (XVII век – вторая половина XIX века) // Вэм (общееармянский журнал). 3 (9) год, № 3 (35), июль – сентябрь, 2011. С. 137–153. (на арм. яз.).

12. Зулалян М.К. Западная Армения в XVI–XVIII вв. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980. 425 с. (на арм. яз.).

13. Казарян Г.М. Социально-экономическое и политическое положение западных армян в 1800–1870 гг. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1967. 669 с. (на арм. яз.).

А.Н. Масловский

АРМЯНЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ АЗАКЕ

Бурный рост городов на юге Восточной Европы в золотоордынский период был связан с политикой властей Золотой Орды, благоприятной экономической конъюнктурой и отсутствием на протяжении жизни нескольких поколений продолжительных усобиц. На пустом месте расцвели города с многотысячным населением, сопоставимые по размерам с наиболее крупными городами Западной Европы и Ближнего Востока. Такое развитие было невозможно без массовых миграций, в которых принимали участие представители различных этносов. В их числе были и армяне. Уже в 1253 г. они были встречены В. Рубруком в летней ставке Сартака [1, с. 113].

Армянские общины возникли во всех крупных городах европейской части Золотой Орды. Об этом сохранилось значительное количество письменных и археологических свидетельств [2, с. 12]. Данная работа вносит небольшой объем новой информации и в значительной части является обобщением уже опубликованных данных.

Наиболее многочисленным было армянское население в городах Крыма (Каффе, Солхате, Судак). О его численности можно судить по количеству церквей. В Каффе существовало 28 армянских церквей и 4 монастыря [4, с. 16]. Здесь же находилась резиденция армянского епископа.

В Болгаре была исследована армянская церковь и кладбище с каменными надгробиями рядом с ней [11]. Это самая северная армянская колония на территории Золотой Орды. Отдельные армянские надгробия найдены и за пределами Болгара [11, с. 331].

О существовании армянского населения в городах Нижнего Поволжья известно из сообщения письменного источника [10, с. 13] и благодаря находкам хумов с клеймом «Ананд сын Саркиса» [9, с. 103–104].

Фрагмент мраморного хачкара с надписью, происходящего из церкви, найден в Маджаре [7]. Еще один хачкар хранится в темрюкском музее [5].

В сравнении с Крымом численность армян в Азаке (совр. г. Азов) была невелика. Однако здесь существовал отдельный армянский квартал. Найдено три надписи армянскими буквами, процарапанными по обожженной

глине. Картографирование этих находок и указания письменных источников на соседство армянского квартала с венецианским позволяет локализовать его в районе от перекрестка ул. Энгельса и сп. Александра Невского до перекрестка ул. Московской и Чехова. Это не значит, что армяне не могли проживать в других районах города. Например, гончары, производившие поливную керамику, с большой долей вероятности являлись армянами и проживали на нескольких удаленных друг от друга участках. Вместе с тем в границах армянского квартала фиксируется проживание и древнерусского населения. Учитывая, что эта территория входит в самую старую часть золотоордынского города, и датировку комплекса, откуда происходят две надписи, квартал мог возникнуть уже в последней четверти XIII в. Ещё одна группа переселенцев, по данным письменного источника, прибывает в Азак в 1299 г. Судя по времени появления отдельных гончарных мастерских и особенностям технологических приемов в каждой из них, отдельные группы армян прибывали в Азак и позже, вплоть до середины XIV в.

По всей видимости, в Азаке существовала только одна армянская церковь Григория Просветителя [12]. Можно высказать предположение о её местоположении. Два поддона поливных чаш, найденных в комплексе конца XIII в., имеют одинаковую надпись. По предположению И.В. Волкова, это тюркское слово «бай» – господин [9, с. 286]. Не будет невероятным предположение, что это обращение к богу. Это подтверждается достаточно частыми находками поддонов чаш с процарапанным знаком креста. В таком случае, перед нами посуда, которая использовалась в богослужении из-за нехватки специальной церковной утвари. Если это так, то церковь Григория Просветителя находилась в районе участка № 17 по сп. Александра Невского, где, по словам местных жителей, на небольшой глубине находятся кирпичные фундаменты. При церкви, вероятно, работал скрипторий.

Известны имена нескольких обитателей армянского квартала Азака – священники Тер Мануэл и Тер Саргис, писец Тертер Ереванцы, Насхатун – дочь Эффекти и её сын Сирпек.

Среди ремесел, на которых специализировались армяне, археологически прослеживаются гончарство и камнерезное ремесло. Больше следов оставило первое. Только в золотоордынское время на юге Восточной Европы появляется производство поливной керамики. Оно не может быть генетически связано с гончарными традициями Византии, Средней Азии или Азербайджана. Наибольшее сходство эта керамика имеет с закавказскими образцами и поэтому развитие производства поливной керамики в Азаке можно связывать с переселением сюда армян [6, с. 25–26; 13, с. 6]. В Крыму, где проживало наибольшее их количество, эти черты сходства проявляются наиболее отчетливо. Здесь, в единственном районе Золотой Орды, получило развитие производство красноглиняной керамики с орнаментом в технике сграффито

с полихромной расцветкой, которая находит выразительные аналогии в керамике домонгольской Армении.

Армянская архитектурная школа оказала воздействие на зодчество Болгара [11, с. 331] и Золотой Орды в целом [2, с. 391]. Но наибольшее число памятников архитектуры и камнетесного искусства сохранилось в Крыму [14, с. 62–134]. В Азаке с работой армянских камнерезов могут быть связаны отдельные надгробия.

Проживание среди иноязычного населения не могло не приводить к этническому смешению. Яркими свидетельствами этого являются тюркские имена на хачкарах из Каффы [14, с. 65–71] и тюркское слово, написанное армянскими буквами из Азака. Арабскими буквами начертано имя Ананда сына Саркиса на клейме [9, с. 103]. На армянском кладбище в Болгаре была захоронена китаянка [11, с. 343–344]. Вероятно, некоторые из тюрок становились членами григорианской церкви. Шел и обратный процесс, о чем говорит мусульманское имя с указанием армянского имени отца [6, с. 26] и распространение среди армян Восточной Европы поволжского тюрки [2, с. 93]. Связь с другими христианскими общинами Азака была достаточно тесной для того, чтобы церковь Григория Просветителя использовалась для совершения православных обрядов [12, с. 14]. Вероятно, синкретичной была и материальная культура армянских общин [11, с. 354].

Имущественное положение армян, естественно, было очень различным. Большинство армян Каффы являлось квартироръемщиками [15, с. 122]. Небогатыми были гончары. Судя по дорогим тканям и золотым вещам, зажиточным было население армянской колонии Болгара [11, с. 343, 350–351]. Есть упоминание о покупке книги для вклада в церковь за два сома (около 400 грамм серебра) жительницей Азака [12, с. 13]. Сумма достаточно значительная, сопоставимая со стоимостью рабыни на рынках Азака. Среди этих самых рабов, проданных в Тана, также отмечены армяне [16, с. 21].

Судьба армянских общин в городах Золотой Орды была трагична. Они бесследно исчезли к концу XIV в. В 1-й четверти XV в. на месте армянского квартала Азака, судя по венецианским документам, существуют районы, заселенные черкесами и татарами. Исключением стали города Крыма. Вероятно, там нашли своё прибежище уцелевшие армяне Азака.

Примечания

1. *Джиованни дель Плано Карпини*. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. 270 с.
2. *Волков И.В.* Армяне // История татар с древнейших времен. Т. III. Казань, 2009. С. 390–393.
3. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Новые материалы по истории армянской колонии Каффы // Византийский временник. 1997. Т. 57. С. 211–234.

4. *Бочаров С.Г.* Историческая топография Каффы (конец XIII – 1774 гг.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 16–17.
5. *Волков И.В.* Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа (*Studia Pontocausasica*: II). Краснодар, 1995. С. 72–97.
6. *Волков И.В.* Армяне в Золотой Орде (археологические свидетельства) // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтничном регионе»). Часть 2. Астрахань, 1995. С. 24–27.
7. *Волков И.В.* Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир, 1996. С. 213–214.
8. *Волков И.В.* Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 4. С. 15–25.
9. *Крамаровский М.Г.* Гончар-армянин из Сарая ал-Джедид // Тр. ГЭ. Т. XIX. Л., 1978. С. 102–105.
10. *Микаэлян В.А.* На крымской земле. Ереван, 1974. 208 с.
11. *Смирнов А.П.* Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. (МИА № 61). М., 1958. С. 330–359.
12. *Фомичев Н.М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака – Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории. Вып. 2. С. 5–15.
13. *Волков И.В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 6.
14. *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001. 280 с.
15. *Барабанов О.Н.* Новые материалы о статусе *burgenses* генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века Вып. 3. М., СПб., 1998. С. 117–125.
16. *Карпов С.П.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–1360 гг.) // Причерноморье в Средние века. Вып. 5. СПб., 2001. С. 9–28.

А. Месропян

РОЛЬ НОВОГО НАХИЧЕВАНА В РАЗВИТИИ АРМЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В XVIII в. крымские армяне основали город Нор-Нахичеван. В XIX в. в колонии создавались учебные заведения и научно-культурные центры [1].

Ново-Нахичеванская лингвистическая школа сыграла значительную роль в развитии армянской диалектологии.

Как известно, основоположником армянской научной диалектологии является Р. Ачарян, который с 1907 г. преподавал в Ново-Нахичеванской духовной семинарии, где и впервые была основана российская школа арменистики. В эти годы Р. Ачарян со своими местными учениками много времени и внимания уделил изучению армянских диалектов, их сбору, научной классификации, обстоятельному описанию и публикации. Р. Ачарян изучал крымско-анийский (нор-нахичеванский) диалект западноармянского языка, исследовал местный говор, собрал соответствующие материалы и написал монографию [2]. Эта работа рукописная, удалось фотокопировать всего 50 экземпляров, и она до сих пор не напечатана. В предисловии своего фундаментального труда Р. Ачарян подробно говорит о большой помощи Г. Джалашьян. Материалами Г.С. Джалашьяна пользовались также чалтырские исследователи Х. Поркешян, Ш. Шагинян, М. Люледжиян.

В 1911 г. в Новом Нахичеване на страницах «Эминского этнографического сборника» было опубликовано исследование Р. Ачаряна «Армянская диалектология: очерк и классификация армянских наречий» [3], где были записаны наречия разных ареалов Восточной и Западной Армении. Впервые вышли в свет армянские диалектологические карты, была разработана армянская и европейская транскрипция диалектных текстов. Студенты из Агулиса и Лазаревской гимназии Нового Нахичевана сыграли немалую роль в подготовку этих изданий: они сделали большое количество диалектологических и фольклористических записей, составили диалектные словари.

В развитии армянской диалектологии до Р. Ачаряна было сделано немало значительных исследований незаурядным лингвистом-востоковедом, специалистом по армянским историческим источникам К. Патканяном, который был родом из Нового Нахичевана. К. Патканян, утверждая значение диалектов для филологических исследований, пишет: «Для изучения армянского языка сделано довольно, но далеко еще не всё. Главное, что до сих пор еще не обращало на себя внимание ученых, – это диалекты армянского языка» [4]. Знаменитый лингвист утверждает, что много в языке объясняется только при условии тщательного изучения диалектов, истоки которых восходят к V в., к толкованиям текста «Грамматического искусства» Дионисия Фракинского.

К. Патканян впервые ввел курс диалектологии в университетское образование. Он же составил программу для собирания сведений по агулийскому, ново-нахичеванскому, мушскому, урмийскому говорам и поставил диалектологию на научную почву, поднял уровень исследований. С половины XIX в. Новый Нахичеван стал научно-культурным центром изучения армянских диалектов.

К. Патканян издал ряд трудов по истории, филологии, научной диалектологии: «Исследование о составе армянского языка» [5], «Исследование

о диалектах армянского языка» [4], «Материалы для армянского словаря» [6], «Материалы для изучения армянских наречий: Мушский диалект» [7], «Материалы для изучения армянских наречий: говор нахичеванский» [8] и т.д. В этих трудах представлены главные языковые особенности армянских диалектов и говоров, их общее описание и классификация, занимаемые границы и другие научные вопросы. Р. Маркосян в своей книге о восточноармянском араратском диалекте, оценивая плодотворную работу диалектологов юга России, пишет: «Развитые и передовые семинаристы Лазаревской гимназии Г. Ахвердян, Керовбе и Рафаел Патканяны, Воскан и другие непрерывно продолжали свою патриотическую деятельность». Он же особо подчеркивает роль К. Патканяна, отмечая, что «К. Патканян создает лингвистические, в том числе диалектологические ценные произведения» [9].

Известно, что в VIII в. историк и грамматист Степанос Сюнеци на основе административно-географического (территориального) принципа деления диалектов перечисляет семь маргинальных диалектных зон (Корчайк, Таук, Хут, IV Айк, Спер, Сюник и Арцах), к которым К. Патканян прибавляет свою версию, выделяя 13 групп (Араратскую, или кавказскую, Тифлисскую, Западную (Крым, Нахичеван-на-Дону, Бессарабия), Ванскую, Мокскую, Сасунскую, Бейланскую, Зейтунскую, Зокскую, Гохтнийскую, Джульфинскую, или Индийскую) [4]. Знаменитый лингвист был уверен, что много в языке объясняется только при условии тщательного изучения диалектов.

Л. Мсерянц в своей книге «Ученые записи» подтверждает, что до него исследованием мушского диалекта занимался К. Патканов, который напечатал некоторые тексты на мушском диалекте и дал краткие сведения о фонетических и морфологических особенностях этого диалекта. Высоко оценивая К. Патканяна, Л. Мсерянц уверенно говорит: «Профессор Патканов может поистине считаться основателем научного изучения армянских диалектов» [10].

К. Патканян описал языковые особенности территориальных диалектов, установил характер тех фонетических, грамматических, лексических черт, которые отличают данные диалекты и имеют определённое распространение. Знаменитый диалектолог О. Мурадян пишет: «В армянской диалектологии принцип территориально-географической классификации продолжает свое существование до конца XIX в. Этот период завершается трудами А. Айтыняна и К. Патканяна» [11]. Оценивая огромную роль К. Патканяна, Г. Джукьян пишет, что он отличает восточную и западную группу диалектов, имея в виду существование местного падежа и форму глагола настоящего времени, то есть делает шаг вперед к морфологическим качествам [12].

В изучение и сохранение языка донских армян вносит существенный вклад также толковый словарь новонахичеванского диалекта, который составил Г.С. Джалашьян [13]. Бывший ученик Р. Ачаряна, он всю свою сознательную жизнь занимался сбором материалов для изучения и исследования ново-

нахичеванского (донского) диалекта, по крупицам собрал слова, устойчивые обороты и фразеологизмы, уточнял этимологию слов, изучал грамматическую структуру и фонетические особенности диалекта, занимался исследованием и систематизацией фольклора донских армян. Но автору, человеку высокой духовности, не удалось увидеть свою работу опубликованной: он даже не успел завершить свой многолетний труд. Словарь вышел в свет посмертно, благодаря родственникам Г. Джалашьяна, в частности Айкануш Ачарян, сохранившей рукописи, а также директору историко-этнографического музея Мясниковского района Анаит Дагддян. Работу по распознаванию сложного рукописного текста проделал литератор Сурен Атаманян.

Исследование показывает, что знаменитые диалектологи К. Патканян, Р. Ачарян, Х. Поркшеян, Г. Джалашян и другие внесли огромный вклад в армянскую научную диалектологию и началом основания этой дисциплины можно считать не XX, а XIX век.

Примечания

1. *Шахазиз Е.О.* Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Тифлис, 1903. 194 с. (на арм. яз.).
2. *Ачарян Р.А.* Исследование Новонахичеванского (Крымского) диалекта. Ереван, 1925. 464 с. (на арм. яз.).
3. *Ачарян Р.А.* Армянская диалектология: очерк и классификация армянских наречий // Эминский этнографический сборник. Москва; Новый Нахичеван, 1911. № 8. 306 с. (на арм. яз.).
4. *Патканов К.Г.* Исследование о диалектах армянского языка. СПб., 1869. 109 с.
5. *Патканов К.Г.* Исследование о составе армянского языка. СПб., 1864. 110 с.
6. *Патканов К.Г.* Материалы для армянского словаря. СПб., 1884. 64 с.
7. *Патканов К.Г.* Материалы для изучения армянских наречий: Мушский диалект. СПб., 1875. 71 с.
8. *Патканов К.Г.* Материалы для изучения армянских наречий: говор нахичеванский. СПб., 1875. 140 с.
9. *Маркосян Р.А.* Араратский диалект. Ереван: Луйс, 1989. 390 с. (на арм. яз.).
10. *Мсерянуц Л.* Армянская диалектология. Этюды по Армянской диалектологии. Москва, 1898. 15 с.
11. *Мурадян О.Д.* Проблема классификации диалектов в истории армянской диалектологии // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976. С. 30.
12. *Джаукян Г.Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ереван, 1972. 347 с. (на арм. яз.).
13. *Джалашьян Г.С.* Толковый словарь ново-нахичеванского диалекта. Ростов н/Д: Старые русские, 2012.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА АРМЯНИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ МИССИОНЕРОВ XIX В.

В процессе перевода и анализа англоязычных публикаций по данной тематике автору довелось работать с достаточно объемным и серьезным исследованием («Миссионерские исследования в Армении: включая путешествие по Малой Азии, в Грузию и Персию, с визитом к несторианским и халдейским христианам Урмии и Сельмаса», изданном в 1834 г. в Лондоне), проведенным американскими протестантскими миссионерами Эли Смитом и Харрисоном Грей Отис Дуайтом в 1830 году.

Исключительная ценность этого источника заключается в том, что заметки и определенные выводы о нравах, обычаях, интеллектуальном состоянии и отличительных чертах национального менталитета армянской нации мы получаем от первого лица, он основан на результатах личных наблюдений двух американских миссионеров. В данной статье приведем несколько интересных заметок, затрагивающих различные аспекты жизни армян в этот период.

В предисловии к книге указывается, что цель исследования заключалась в выяснении того, что церкви Армении могли бы сделать для возрождения и реформирования восточных церквей в самой Армении, Грузии и Персии. Исследования были проведены под руководством и на средства Американского совета миссий [1].

Во «Вводных мемуарах» данного издания достаточно подробно представлена информация по географии и истории Древней Армении. Также отмечается, что до этого путешествия никаких прямых контактов протестантских миссионеров с армянской церковью не было [2].

Эли Смит и Харрисон Грей Отис Дуайт проделали колоссальную работу по сбору материалов из разных источников, анализу и обработке материала, касающегося различных сторон жизнедеятельности армянской нации в самой Армении. Примечательно, что для исследования культурно-бытовых предпочтений армян и их менталитета они использовали также опыт путешествия в Тифлис, аргументируя это тем, что Тифлис – это практически армянский город: «В Тифлисе в 1825 году коренное население насчитывало 2500 армянских, 1500 грузинских и 500 мусульманских семей. Большая доля армян в общей численности населения позволяла нам чувствовать себя практически как в Армении. Тем самым это обстоятельство уполномочивает меня рассматривать наши наблюдения за армянами как неотъемлемую часть общего взгляда, который я пытаюсь дать их нации в их собственной стране» [3].

Здесь же они обращают внимание на некоторые особенности экономической жизни города: «За исключением одного грузина, двух или трех греков и швейцарской фирмы, которая начала свою деятельность в то время, когда мы были там, каждый торговец в Тифлисе является армянином, и почти то же самое относится к промышленности. В этом факте проявляется естественное мироощущение нации» [4].

Основываясь на подобных наблюдениях, но с некоторым возмущением исследователи констатируют факт бытующего мнения о схожести армян с евреями. И сразу же отмечают, что в некоторых отношениях оно справедливое: «Ибо если есть одна черта, более заметная, чем любая другая, и общая для всего народа от Константинополя до Тебриза, то это любовь к деньгам» [5].

По нашему мнению, Смит и Дуайт обладали очень важным и ценным качеством для любого исследователя: они пытались рассмотреть проблему с разных ракурсов. И в этом вопросе они искали причину возникновения у армян страсти к наживе и «дали им слово» в свою защиту: «Они (армяне) приводят правдоподобное оправдание этому, если так много можно выразиться об оправдании “корня всего зла”, что любовь к деньгам это защита от людей и правительств, тех территорий, где они проживают. Один из них настолько невежествен и беден, что ничто, кроме денег, не обеспечит ему уважения, а другой настолько коррумпирован, что только те же самые средства способны обеспечить для него справедливость или защиту» [6].

Смит и Дуайт приходят к выводу, что такой взгляд на их положение, несомненно, справедлив. Ведь в таком обществе, как Турция и Персия, богатство и грубая сила являются едва ли не единственным средством приобретения влияния [7].

Они отмечают бескомпромиссность армянского купца и его стремление к монополизации: «Богатый купец, если возможно, сокрушит каждого, чья торговля мешает ему. Действительно, могу ответственно заявить, что это в характере нации – быть особенно нетерпимым к конкуренции и быть властным по отношению к сокрушённому сопернику» [8].

Во время пребывания в Карабахе, в городе Шуши, исследователи делились своими наблюдениями, касающимися воспитания и образования детей. По данным миссионеров, в 1830 г. в Шуше насчитывалось около 2000 домов, 700 из них – армянские семьи, остальные мусульмане. В городе было две большие и две маленькие церкви и 15 священнослужителей [9].

Много любопытной информации представлено о роли родителей в воспитании подрастающего поколения: «Дома, маленькие дети, как и во всех частях мира, почти полностью оставлены на попечении своих матерей. Но, к сожалению, армянская мать слишком малообразованна и занимает слишком низкий статус в семье, чтобы вразумлять их либо направить их увлечения в правильное русло» [10].

По их мнению, главенствующая роль отца в армянской семье не подлежит сомнению. Но неограниченная авторитарность является помехой для нормальных отношений в семье и в воспитании детей: «Отец, действительно, достаточно абсолютен во власти. Но вместо применения данной власти неуклонно и твердо путем разумно направленного стремления к благу своего ребенка, наоборот, неконтролируемая родительская привязанность заставляет его забыть об этом во вредном потворстве, до тех пор, пока это состояние не прерывается совершенно непропорциональной суровостью, вызванной каким-то внезапным приступом гнева» [11].

Авторы с сожалением резюмируют: «Тот бесценный инстинкт, которым природа щедро поделилась с армянским родителем, к большому сожалению, непосредственно способствует быстрому росту злых страстей у ребенка, заставляет его становиться непослушным и порочным и, наконец, искореняет из его сердца естественную сыновнюю привязанность» [12].

Что касается обучения в школах, то Смит и Дуайт делятся наблюдением об отсутствии у простых людей большого желания давать образование своих отпрыскам, тем более если оно не бесплатное. Обучение девочек крайне нежелательно, и в некоторых местах предрассудки по этому вопросу очень сильны. Это новшество вызывает у местных тревогу. Способность читать считается умением, не нужным никому, кроме монахинь.

Но вместе с тем они признают, что в результате простой просветительской работы со стороны российского правительства возник небольшой, но всё же положительный эффект: «...Который наиболее наглядно иллюстрирует и доказывает, что армяне нуждаются в чем-то большем, чем быть беспроблемно оставленными на произвол судьбы. Некоторые позитивные стимулы должны пробуждать их от летаргии невежества» [13].

По нашему мнению, ознакомление с неопубликованными на русском языке трудами зарубежных исследователей (путешественники, географы, историки) даёт нам возможность более объективно и детально изучать особенности национального менталитета армянской нации в определенный период.

Примечания

1. *Smith E., Dwight H.G.O., Conder J.* Missionary Researches in Armenia: Including a Journey Through Asia Minor, and Into Georgia and Persia, with a Visit to the Nestorian and Chaldean Christians of Oormiah and Salmas. London: G. Wightmann, 1834. P. 9.
2. Ibid. P. 10.
3. Ibid. P. 128.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Ibid.

7. Ibid.
8. Ibid. P. 130.
9. Ibid. P. 180.
10. Ibid. P. 190.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid. P. 191.

К.А. Мирзоян

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ, КУЛЬТУРНО-НРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ АРМЯН И СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мы живем в эпоху, когда в мире происходят перемены, имеющие цивилизационное значение, носящие глобальный характер. Глобализация процесса демократизации и гуманизация социальной жизни определяют характер современной эпохи. Внимание к взаимоотношениям различных этносов способствует гармонизации отношений между отдельными народами. Культура наделена способностью говорить на разных языках. Глобализация вызвала «обратный» эффект – эффект «этнического возрождения», увеличение значимости этнокультурных ценностей. Обесценивание всего национального опасно. В ответ на стирание культурных границ 60–70-х годов XX века наметились процессы, характеризующиеся стремлением народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность своей культуры и психологического склада, всплеском у многих людей осознания своей принадлежности к определенному этносу – национального самосознания, этнической идентичности. Это так называемое «этническое возрождение» наряду с глобализацией считается одной из основных черт развития человечества конца XX – начала XXI в. Почти повсеместно возник интерес к своим корням – как у отдельных людей, так и у целых народов, и он проявляется в разных формах: от попыток реанимации старинных обычаев и обрядов, возрастания интереса к фольклору, от поисков своей самобытности, народной души до стремления создать или восстановить свою национальную государственность. Эти вопросы необычайно актуальны для современного общественного сознания. Сегодня как никогда очевиден кризис духовно-нравственной жизни, корни своими уходящий в прошлые столетия. На современном этапе увеличивается потребность в изучении важных переломных периодов отечественной культуры в ее генезисе.

На протяжении многих веков Россия была многоконфессиональным государством, накопившим опыт взаимодействия людей с различными религиозными мировоззрениями. Проблемы духовно-нравственного образования, социальное положение народа, взаимодействие власти и церкви, разных народов, конфессий остаются актуальными для нашего времени, являясь необходимыми внешними социально-культурными факторами формирования личности и общества, определяющими лик современной культуры. Проблемы сохранения духовных ценностей национальной культурой приобретают особое значение при обращении к христианским культурообразующим конфессиям. Учитывая давние культурные и экономические связи, которые существовали между Армянской апостольской (ААЦ) и Русской православной церквями (РПЦ), необходимость сохранения и развития плодотворного диалога двух культур, воспитание патриотизма, толерантности и духовно-нравственных начал молодежи как преемницы и продолжательницы богатейших национально-культурных традиций двух народов, необходимо изучать проблемы сохранения и развития духовных ценностей в современных условиях. Пространство и время – это те важные координаты, которые дают возможность проследить эволюцию становления и развития взаимоотношений Армянской апостольской и Русской православной церквей как носительниц и гарантов духовной культуры двух народов.

Глобализация в современных условиях имеет второй своей стороной национальную самоидентификацию, стремление сохранить этнические константы, поскольку с этим связан духовно-нравственный опыт многих поколений. В современных условиях возросло стремление опираться на те нравственные устои, которые всегда бережно сохраняла религия. Христианские культурообразующие конфессии – ААЦ и РПЦ – являют пример многовекового плодотворного диалога. Рассмотрение его с точки зрения межкультурных коммуникаций предполагает, прежде всего, аксиологический и духовно-нравственный аспект. При этом мы имеем в виду и ретроспективный взгляд на общественные культурные события и явления, которые основаны на православном мировоззрении, на понимании роли церкви и государственной власти как важных социальных институтов, обеспечивающих стабильность в развитии общества и страны. Это позволяет, говоря о взаимоотношениях ААЦ и РПЦ, концентрировать внимание на них как христианских культурообразующих конфессиях.

Любое историческое и даже частное событие может иметь аналогию в прошлом. Христианское богослужение всегда включает в себя воспоминание о событиях Священной истории. В XIX в. на территории России уже насчитывалось 36 кафедральных, приходских и кладбищенских армянских церквей. Одна только Астраханская епархия имела 23 храма. Москва, несмотря на статус второй столицы Российского государства, значительно уступала Астрахани по духовному влиянию на армянскую диаспору. В 1815 г. в Москве

для прихожан открылся третий по счету армянский храм – церковь «Сурб Арутюн». Большинство армянских церквей к середине XIX века было сосредоточено на Юге России, где была наибольшей концентрация армянского населения. Например, армяне, будучи преобладающим населением Кизляра, имели в городе три армянских церкви. Первая из них (церковь Пресвятой Богородицы) открылась для прихожан во второй половине XVIII в., вторая (церковь Григора Просветителя) – в начале XIX в., третья (Святого Саркиса) – в середине XIX в. Также действовали армянские церкви в Моздоке (с 1778 г.), Екатеринодаре (с 1802 г.), Едессии (с 1830 г.), Ставрополе (точный год неизвестен, около 1810 г.), Владикавказе (в 1820-х гг.), Пятигорске (во второй половине XIX в.). Армянская каменная церковь в крепости Грозной появилась в 1860-х гг. В Дербенте поначалу имелся лишь один армянский храм (церковь Аменапркич). Вторая армянская церковь была построена в 1870 г. В XIX в. армянские церкви были построены и во многих городах Крыма, где имелись армянские общины (например, в Керчи, Ялте, Симферополе, Евпатории).

Одним из быстро развивавшихся после реформы 1861 г. городов Поволжья был Царицын. Его росту способствовало и выгодное географическое положение. В середине XIX в. из Ростовской губернии (Нахичевань-на-Дону), переселилось несколько десятков семей. Среди них были известные промышленники Серебряковы (Арцатагорцян). В 1899 г. они вместе с армянской общиной и рядом знаменитых предпринимателей, торговцев и ремесленников обратилось в Духовное правление Астраханской епархии Армянской апостольской церкви с просьбой разрешить построить молитвенный дом и при нем открыть приходскую школу. Их просьба была удовлетворена, и вскоре в Царицыне была построена армянская церковь. Такие примеры свидетельствуют об особом значении для армян в России таких сооружений, которые были не только местом отправления религиозного культа, но и своеобразным очагом национальной армянской культуры. Армяне в России, несмотря на некоторые культурные отличия, бережно сохраняли свою веру, соблюдали церковные посты и совершали полагающиеся церковные обряды.

Современному исследователю хорошо заметны некоторые искажения и в религиозном культе на уровне местных традиций. Например, эти традиции предписывали приходиться на кладбище с вином и продуктами на следующий день после крупных церковных праздников (Рождества, Пасхи, Преображения, Вознесения), чтобы помянуть там умерших родственников и др. У астраханских армян было принято обливаться водой в праздник Преображения Господня, который Армянская церковь отмечала в конце лета. Причем делалось это неожиданно для тех, кого обливали. Армяне-амшенцы отмечали традиционные христианские праздники, наиболее важными из которых считались Рождество и Пасха («Дзунд» и «Задик»). Также праздновались «Вардевор» и Новый год (буквально – «Нор Дари»). Именно на Новый год устраивались хождения ряженных по домам земляков. Ряженные предпочита-

ли одеваться верблюдами. В качестве праздничных блюд готовили хашламу, плав, толму и пирожки, круглую гату с разными видами начинки, в одну из которых клалась монетка. В рождественские празднования ставили театрализованные представления. Персонажи были традиционными: (Хндум) («дед и баб»), жених и невеста («харс» и «песа»), сатана («садона»). В ходе этого обряда по селению носили специально изготовленную куклу и собирали пожертвования в виде продуктов. На берегу реки продукты съедались. Кроме того, в разных селениях это действо могло иметь свои местные особенности. Например, поливание через сито мальчика, являющегося первенцем в семье. Иногда по селу с куклой ходили ряженые. Обряды вызывания дождя или прекращения засух присутствовали не только у амшенцев, но и у хемшилов.

Уникальность России заключается в том, что она всегда открыта для людей разных национальностей и конфессий. Россия и Армения на протяжении веков активно взаимодействуют на уровне народов и отдельно взятых людей, поэтому их судьбы тесно переплелись. Российско-армянские культурные связи имеют многовековую историю, на протяжении которой складывались непростые, но вместе с тем насыщенные интереснейшими событиями взаимоотношения двух народов. На раннем этапе истории русско-армянских отношений основную роль играли экономические и торговые связи. Русско-армянские культурные связи, носили в тот период крайне эпизодический характер. Со временем характер отношений стал качественно меняться. Для реализации насущных потребностей Российской империи остро ощущалась необходимость в квалифицированных кадрах гораздо в большем количестве, чем ранее. Кроме того, в XVIII в. правительство столкнулось с проблемой колонизации обширных пространств Юга России. Поэтому российская власть прилагает ряд усилий для привлечения армян на эти территории, тем более положительный опыт уже имелся.

Р.Г. Назарьян

ОТЕЦ РУБЕН БЕКГУЛЬЯНЦ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАТРИОТА

Уже сто пятнадцать лет стоит на самаркандской земле это скромное здание. Оно не поражает горожан и приезжий люд ни своими размерами, ни архитектурными изысками, но неизменно привлекает их внимание тем, что в настоящее время сооружение это является единственной в странах Средней Азии армянской апостольской церковью. В течение двух последних десятилетий она стала одной из туристических достопримечательностей Самарканда, побывать в которой стремятся многочисленные гости из Европы и Америки. Своему появлению здесь церковь Святой Богородицы (Сурб Аствацацин)

обязана неординарному человеку, патриоту своего народа и подвижнику отцу Рубену Бекгульянцу, имя которого навсегда вошло в «армянскую» историю среднеазиатского города минувшего века. И потому, думается, период пребывания этого священнослужителя в Самарканде заслуживает особого внимания...

Архивные розыски позволили установить, что он родился 6 апреля 1873 года в г. Ставрополе в семье протоиерея. Получил домашнее образование, затем окончил местную гимназию. В двадцатилетнем возрасте поступил учиться в Императорский Новороссийский университет в Одессе, где проучился один год. Затем перевелся на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1897 г. Однако в связи с рядом жизненных обстоятельств выпускной государственный экзамен Бекгульянц держал несколько позже – весной 1899 г.

Еще будучи гимназистом, юноша мечтал о юридическом поприще. Но, став уже студентом, он в 1893 г. приехал к тяжело заболевшему отцу в Ставрополь. Увидев, каким уважением пользовался его родитель со стороны прихожан церкви, высокого начальства (губернатора Никифораки) и жителей города не армянского происхождения, Арутюн (таково его мирское имя) тоже захотел стать священником. С той поры эта мысль не покидала его. Желая ближе познакомиться с жизнью армянской церкви, в 1894 г. он посетил первопрестольный Эчмиадзин. После этого, сделав уже окончательный выбор, Бекгульянц обратился к Астраханскому архиепископу с просьбой посвятить его в дьяконы и дать ему срок для подготовки к сану священника. Два последующих года московский студент Арутюн самостоятельно изучал церковно-армянский язык и нормы практической службы по традициям армянской апостольской церкви. Осенью 1897 г. выпускник юридического факультета Московского университета приехал в Астрахань, где, после соответствующего испытания, 14 сентября того же года состоялось его посвящение в дьяконы. Несколько позже он был удостоен и желанного сана священника.

Епархиальное начальство вознамерилось отправить его в Сибирь, так как астраханский епископ ради своего престижа пожелал иметь там высокообразованного священника. Однако волею судьбы отец Рубен (такое имя он получил при посвящении в священники) оказался в Самаркандском приходе Туркестанского края. В его обязанность входило духовное окормление прихожан огромной территории – от границы Бухарского ханства до границы китайской в Ферганской долине, а затем и от Ташкента до Оренбурга.

Прихожан в Самарканде было немного, и потому молитвенный дом помещался в специально арендованном помещении. Однако уже довольно скоро, сразу же после своего приезда в Самарканд, новый священник предложил местным армянам построить собственное церковное здание. Однако не встретил с их стороны никакой поддержки. Невзирая на инертность и прямое сопротивление самаркандских армян, уроженцев Карабаха, священник,

твердо веривший в успех задуманного дела, стал объезжать города Туркестана, в которых проживали его соотечественники. Он вселял веру в ожесточившихся и гонимых людей, призывал их верить в победу разума. За четыре месяца ему удалось собрать немалую сумму – 9 тысяч рублей.

Теперь уже мечта о строительстве церкви овладела умами большинства прихожан, которые избрали для этого авторитетный попечительский совет. Но для этого требовалось получить согласие церковных властей. Самаркандцы вступили в переписку с руководством Астраханской армянской епархиальной консистории, в подчинении которой с 1894 г. находились все церкви Азиатской России. Более двух лет продолжался процесс согласования строительства церкви в различных инстанциях. Преодолев все препоны, отец Рубен в мае 1903 г. приступил к реализации задуманного. Рождение и освящение армянского храма в Самарканде состоялось осенью того же года.

«Первые три года, – вспоминал позднее Бекгульянц, – я вел глухую, но упорную борьбу с предрассудками моих прихожан, в приходе не было ничего культурного. Начал я со спектаклей, что вызвало целую бурю. Прихожане мои прямо взъелись на меня. Но я продолжал свое. Я помогал своим прихожанам советами юридическими, примирял их, составлял для них товарищеские договоры и, вообще, мало ли какую пользу я не приносил... избавляя их не только от суда, траты денежной и времени, но и от сплетен, и постепенно я победил» [1].

В 1904 г. в Самарканд приезжает профессиональный российский революционер Михаил Морозов, с которым у отца Рубена вскоре сложились весьма дружеские отношения. Это послужило основанием для властей организовать слежку за священником, «заподозренным в неблагонадежности». В архивах сохранились некоторые документы, подтверждающие это. Слежка за духовным пастырем самаркандских армян продолжалась несколько лет. Одно из свидетельств тому – запрос военного губернатора Самаркандской области начальнику Самаркандского отделения жандармского полицейского управления Среднеазиатской железной дороги. Вот его текст: «Секретно. В дополнение к представлению Вашему от 15 сего апреля за № 39, прошу вас собрать и сообщить мне сведения о деятельности армянского священника Бекгульянца по делу о приобретении армянами оружия в 1905 и 1906 годах» [2].

Вполне понятно, что после известных трагических событий в 1905 г. в Закавказье, самаркандские армяне, напуганные турецкой резней, не могли надеяться на защиту российских властей. И потому, как и в других городах Туркестана, населенных армянами, землячество принимает решение о самообороне. Но, дабы защитить себя от резни и погромов, малочисленная армянская диаспора должна была вооружиться. И кто же мог ей в этом помочь, как не самый авторитетный и уважаемый всеми соотечественниками тер Рубен. По времени эти тайные действия священника совпали с бурными революционными событиями 1905 г., потрясшими буквально всю империю.

Конечно же, это не прошло мимо внимания охранного отделения, которое уже внесло имя Бекгульянца в свою картотеку и установило за священником постоянную слежку. Однако арестовать подозреваемого было отнюдь не просто. Во-первых, нужны были неопровержимые улики, изобличающие его в противоправной деятельности, а во-вторых, сан священника служил ему достаточно надежной защитой. Отец Рубен, пользовавшийся большим авторитетом в городе и крае, помог М. Морозову осуществить выпуск оппозиционной газеты «Самарканд», а после отъезда последнего из города, по существу, возглавил местную организацию социал-революционеров.

У охраны было уже немало оснований для ареста Бекгульянца в предшествовавший период его деятельности. Однако же он продолжал оставаться на свободе, находясь под постоянным надзором полиции с 1905 г. Это обстоятельство объясняется, видимо, тем, что священник имел высоких покровителей за пределами Самарканда – в окружении генерал-губернатора Туркестанского края. Однако чаша терпения властей все же переполнилась, и 10 июля 1908 г. отец Рубен был арестован и заключен в местную тюрьму. «Деятельность проживающего в городе Самарканде армянского священника Рубена Бекгульянца уже давно возбуждала подозрение местной администрации в смысле революционного характера таковой, но долгое время не удавалось получить какого-либо фактического материала для подтверждения этого подозрения. Первое фактическое указание на революционный характер деятельности Бекгульянца местное охранное отделение наконец получило... [3]».

Проведя в самаркандской тюрьме более полутора лет, он был выслан из Туркестанского края и заключен в Николаевскую каторжную тюрьму Херсонской губернии. И хотя после освобождения ему было запрещено проживание в Средней Азии и на Кавказе в течение трех лет, отец Рубен в 1911 г. выставил свою кандидатуру и был избран на должность третьего священника Нахичеванского кафедрального собора Сурб Лусаворич. Однако после запроса о благонадежности, посланном ростовским градоначальником самаркандским властям, он не был допущен к исполнению своих обязанностей. Однако это не остановило Бекгульянца.

Он выставляет свою кандидатуру и избирается на должность приходского священника при одном из храмов Санкт-Петербурга. В этой должности он был утвержден и приступил к службе. Но спустя некоторое время он вновь возбудил вопрос о зачислении его священником нахичеванского собора, согласно его избранию прихожанами. На этот раз вопрос был решен положительно.

В период своей службы в Нахичевани отцу Рубену приходилось выполнять различные, казалось бы не свойственные священнику, поручения. Так, умерший в 1894 г. купец из Ставрополя, по происхождению нахичеванский армянин М.В. Попов, оставил завещание и капитал в сумме 50 тысяч рублей с тем, чтобы в Западной Армении была открыта школа его имени. Сын покойного завещателя А.М. Попов, посчитав высокообразованного священника

нахичеванского собора достойным для этой миссии кандидатом, предложил Рубену Бекгульянцу совершить поездку в Муш, чтобы на месте решить вопрос о месте школы и там же заложить ее фундамент. Поездка эта состоялась летом 1914 г. Полученные впечатления о ней отец Рубен изложил в своей книге «По Турецкой Армении», опубликованной в Ростове-на-Дону в том же году.

Начавшаяся Первая мировая война всколыхнула армянское население России: тысячи добровольцев выразили желание отправиться в действующую армию. В конце ноября 1914 г. в Новой Нахичевани был создан лагерь для обучения армянских добровольцев. Тогда же его посетил прибывший из Тифлиса католикос Геворг V в сопровождении протоиерея Рубена Бекгульянца. Как свидетельствуют документы тех лет, отец Рубен пользовался большим авторитетом в администрации Кавказского наместничества и имел непосредственное отношение к разведывательному отделу штаба Кавказского военного округа (можно предположить, что его поездка в Турцию накануне войны носила не только гуманитарный, но и разведывательный характер).

О своем желании оправиться на войну заявил и настоятель нахичеванской церкви св. Григория протоиерей Рубен Бекгульянц. Получил на то согласие эчмиадзинского католикосата и начальника мобилизационного отдела генерал-майора Аверьянова, св. Синод армянской церкви разрешил ему отправиться в распоряжение Кавказской армии в качестве священника, передав временно свой приход другому лицу. Местом его пребывания стал Игдыр. Прослужив в действующей армии около года, отец Рубен был назначен благочинным всех армянских стрелковых батальонов, входящих в состав Кавказской армии. Именно ему было дано право назначать армянских священников во все воинские подразделения Кавказского фронта. Отцу Рубену приходилось многократно совершать поездки на передовые позиции армянских воинов как в пределах России, так и в регионы Турецкой Армении. Известно, например, что в сентябре 1916 г. он побывал в армянском монастыре Чангли-Килиссы...

После окончания военных действий Бекгульянц стал членом церковного попечительства с широкими полномочиями. Ему поручали проведение наиболее важных дел епархии, в частности, закупку пшеницы и муки в пределах Кубанской области «для нужд подведомственных оному попечительству богоугодных заведений». Кроме того, несколько месяцев протоиерей Бекгульянц совершенно бескорыстно исполнял обязанности ректора Нахичевано-Бессарабской армянской духовной семинарии. А затем, в августе 1919 г. на заседании Попечительского совета отец Рубен был единогласно избран ее официальным ректором и возглавлял это заведение вплоть до его закрытия в 1920 г. После ликвидации семинарии протоиерей Бекгульянц был настоятелем Нахичеванского кафедрального собора, по мере своих сил принимая участие в общественной и духовной жизни армянской общины. В это же время он издал в Ростове-на-Дону Армянский настольный календарь на 1919 год [4].

Можно предположить, что в годы советизации края отец Рубен подвергся сталинским репрессиям. Основание на то дает письмо Екатерины Пешковой (жены М. Горького) от 18 января 1929 г., посланное в Ростов-на-Дону на его имя и свидетельствующее о том, что ему, согласно постановлению советских властей, разрешено отныне свободное проживание. После получения этого документа священник, почти два десятилетия спустя, вновь приехал в Самарканд, где в апреле 1929 г. получил временное удостоверение от Управления начальника милиции в том, что уроженец г. Ставрополя Рубен Варфоломеевич Бекгульянц в настоящее время проживает здесь, в доме № 10 по улице Некрасова.

Сохранились документы, свидетельствующие о том, что протоиерей отец Рубен в 1932 г. был делегатом выборщиков при избрании Католикоса всех армян Хорена I.

Летом 1935 г. по совету врачей, нашедших у него болезнь сердца, Бекгульянц с супругой и двумя внуками отдыхал в санатории на Северном Кавказе. Однако консилиум местных докторов пришел к мнению, что пациент совершенно здоров. Тогда же из Нахичевани к нему приехали армянские священники и сообщили о закрытии для богослужения храма Сурб Лусаворич. Отец Рубен принял это известие внешне спокойно (как явствует из письма его супруги Софьи от 11.07.35). Но вскоре после возвращения домой, 23 ноября того же года, он умер из-за болезни сердца и был упокоен на Нахичеванском армянском кладбище...

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-461. Оп. 1. Ед. хран. 126. Л. 78.
2. Государственный архив Самаркандской области (ГАСО). Ф. 388. Оп. 1. Д. 245. Л. 13.
3. ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Ед. хран. 126. Л. 316.
4. Армянский настольный календарь на 1919 год с приложениями и иллюстрациями / Сост. протоиерей Р. Бекгульянц и свящ. Н. Абрамянц. Ростов-на-Дону: Типография тов-ва на вере «Ашхатанк», 1919.

Л. Пипоян

АРХИТЕКТОР ВАГАН КАРКАРЬЯН – ЗАЩИТНИК САМАРЫ

Ваган Каркарьян (1934–2014), заслуженный архитектор России (1984 г.), член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных

наук (1994 г.), член комиссии по охране памятников архитектуры Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Самарского архитектурно-строительного университета. Награжден орденом «Знак Почета» (1986 г.). Ему присуждена золотая Пушкинская медаль за большой вклад в изучение и сохранение культурного наследия, золотая медаль имени И.В. Жолтовского «За выдающийся вклад в развитие архитектурного образования», медаль «За преданность содружеству зодчих». В.Г. Каркарьян – лауреат губернской премии в области культуры и искусства за 2003 год, а также неоднократный лауреат всероссийских и международных фестивалей «Зодчество» за постройки, статьи, книги и серию графических листов (свыше 300). Награжден также дипломом Союза журналистов «Звезда Самарской губернии» (2003 г.), почетным знаком Самарской городской думы «За заслуги перед городским сообществом» (2010 г.), Почетной грамотой Российского фонда культуры, почетной грамотой «За многолетний безупречный труд на благо города Самары» и другими наградами [1].

Выдающийся архитектор, страстный приверженец идеи сохранения исторического архитектурного облика Самары, также автор и соавтор нескольких десятков осуществленных проектов новых зданий и генеральной планировки Самары, значительно улучивших городскую структуру; художник, увековечивший городские пейзажи Самары; неутомимый исследователь самарской архитектуры, автор девяти книг об архитектуре Самары, выдающийся педагог и неутомимый труженик, Ваган Каркарьян пользовался большим уважением и признательностью самарцев, что отразилось в высоких регалиях и наградах зодчего. К сожалению, его имя недостаточно широко известно в Армении.

Ваган Каркарьян родился в семье карских армян. Они, спасаясь от геноцида, еще детьми бежали из Турции в 1914 году. Будучи детьми, его отец, Гайк Аветисович Каркарьян, и мать, Виктория Арутюновна, встретились в детском доме в Батуми. Впоследствии они переехали в Баку, где отец, закончив Бакинский индустриальный институт, работал на нефтепромыслах, а мать получила медицинское образование и в годы Второй мировой войны работала врачом в военном госпитале. Позже отец сделал карьеру партийного функционера, занимал высокие посты, в том числе председателя облисполкома Нагорного Карабаха, секретаря ЦК Компартии и министра пищевой промышленности Азербайджана, избирался депутатом Верховного Совета СССР и Азербайджана.

В. Каркарьян родился 22 августа 1934 г. в Баку. Посещал изостудию Дворца пионеров, был вольнослушателем художественного училища. Художественные способности, вероятно, он унаследовал от матери, искусной вышивальщицы, и деда-кузнеца. По совету своего педагога, художника Воскресенского, Ваган избрал профессию архитектора. Выдержав большой конкурс, в 1952 г. он был принят в Московский архитектурный институт. Как одного из лучших

выпускников его направили в 1958 г. в Куйбышев для участия в создании генерального плана застройки города. Работа над генпланом под руководством опытных архитекторов стала для Каркарьяна отличной школой.

Он не вернулся в Баку и на всю жизнь остался в Самаре. Совместно с ведущими архитекторами Самары Каркарьян проектировал и строил жилые микрорайоны, здания: Белый дом, Дворец бракосочетаний, Дом актера, здание Думы. Он добился открытия кафедры архитектуры в Куйбышевском инженерно-строительном институте. Именно ему Самара обязана сохранением ипподрома, композиционного ансамбля на пл. Куйбышева, в который органично включился построенный в 1973 г. Дом актера (в соавторстве с А.Н. Красько), а также архитектурного ансамбля по ул. Молодогвардейской, куда вошли жилые дома и Дворец бракосочетаний (совместно с А.Н. Герасимовым, А.Г. Моргуном, В.Н. Блохиным, В.А. Голосовым, Ю.И. Мусатовым).

В 1977 г. авторский коллектив, который возглавлял В. Каркарьян, выиграл Всесоюзный конкурс по проектированию нового центра города. Он предлагал построить альтернативный центр вне старого города, чтобы освободить центр от транспорта, сохранить его историческую застройку. Однако в период перестройки эту территорию, то есть геометрический центр города – район Ботанического сада и Загородного парка – власти отдали под частные особняки. В результате были потеряны территории для крупномасштабной застройки в городской черте. Историческую Самару стали сносить. Тогда Каркарьян стал рисовать уходящую старую Самару, чтобы сохранить ее хотя бы в рисунках причем передавал их первоначальный облик. Как пишет В. Востриков, «художник, создавая рисунок, словно не замечает кощунственных и парадоксальных изменений в виде пластических вставок тут и там в виде окон, козырьков или сайдинга. Он предлагает современное прочтение “первозданности”, которая порождается в его сознании при взгляде на нынешнюю действительность» [2].

Каркарьян принялся за литературную и искусствоведческую деятельность. Чуть ли не каждый год он выпускал по новой книге о Самаре: «По улицам старой Самары» (совместно с В.Л. Неверовой, 1988 г.), «Старая Самара: история, дома и люди» (1998 г.), «Деревянное зодчество Самары, или Осень патриархов» (2002 г.), Серия открыток (7 комплектов), «Графическая летопись Самары» (альбом насчитывает более 400 листов), «Самара – Куйбышев – Самара, или Три портрета одного города» (2004 г.), «Модерн в архитектуре Самары» (2006 г.), «Рукотворный металл Самары» (2009 г.), «Река Волга – город Самара. Путешествие сквозь века» (2011 г.), «Тайны деревянных украсов Самары» (2012 г.). В книге «По улицам старой Самары» рассказывается об истории архитектуры, истории отдельных зданий и людях, чья деятельность связана с городом. Книга о деревянной Самаре стала уникальным источником информации о старых самарских домах, многие из которых ныне уже

не существуют. Большая часть самарцев впервые познакомилась со знаменитыми самарскими особняками и другими архитектурными шедеврами по рисункам Каркарьяна. В книге «Модерн в архитектуре Самары» освещается круг проблем, связанных с особенностями самарского модерна и его вкладом в русскую архитектуру конца XIX – начала XX столетий. «Тайны деревянных украсов Самары» представляет декоративное оформление деревянных домов старой Самары, иллюстрации которой сделаны рукой автора. Каркарьян открыл «код» развития Самары: «Каждый город имеет свой код развития, Код нашего города, его потенциал заключен в форме птицы, которая очень динамична. Для Самары это развитие вдоль Волги» [3].

Из нескольких десятков осуществленных проектов В. Каркарьяна отметим лишь некоторые, спроектированные в соавторстве с другими архитекторами: Генеральный план развития города Куйбышева, 2-я очередь набережной реки Волги, гостиница «Волга», Дом Советов (Здание администрации области, Дом актёра, Дворец, новая серия жилых крупнопанельных домов 11-й микрорайон северо-восточного района, и многие другие.

Ранние работы Каркарьяна выдержаны в стиле классицизма, однако начиная с 1960-х гг. в его стиль проникают модернистские элементы, таким образом формируется ясный логичный архитектурный почерк с минимальным, чаще всего локальным декоративным оформлением (Дворец бракосочетания, Дом Союза театральных деятелей и др.). Совместно с А. Мнацаканяном спроектирована часовня «Сурб Хач» в традициях армянского зодчества, в крестово-купольную композицию которой с большим вкусом привнесены элементы модернистской архитектуры, проявляющейся в минималистской символике сдержанного архитектурного убранства кирпичного здания. Во дворе часовни установлен памятник жертвам геноцида армян и землетрясению в Армении.

Ваган Каркарьян умер 6 января 2014 года, похоронен на армянском кладбище Самары.

Примечания

1. Лица России. Интеллектуальная элита России // База данных «Современная Россия». URL: <http://www.allrus.info/main.php?ID=12287&ar3=11> (дата обращения: 31.04.2018).

2. *Востриков В.Н.* Художественно-пластический метод зодчего Вагана Каркарьяна в графическом воплощении темы городской архитектуры Самары // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 1. Самара, 2015. С. 12.

3. *Белкина А.* Защитник старой Самары. URL: http://xn--80aaaabhgr4cps3aja.xn--p1ai/-public_page_21207 (дата обращения: 31.04.2018).

АРМЯНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ ОБ АВТОНОМИИ ЗАПАДНОЙ
АРМЕНИИ В 1914–1915 гг.

В годы Первой мировой войны у ряда армянских общественных деятелей появились надежды на то, что Западная Армения сможет получить автономию. Армянские деятели России начали разрабатывать различные программы по автономизации Армении и представлять их российским официальным лицам и общественности.

Выдающийся общественный деятель А.К. Дживелегов предлагал включить в состав автономной Армении вилайеты Вана, Битлиса, Харберда, Диарбекира, Эрзрума, Себастии, Трапизона, Аданы, а также северные части вилаята Алепо – Айнтап, Мараш, Килис, Урфу. Морским портом Армении на берегах Чёрного моря стал бы Трапизон, на берегах Средиземного моря – Александрет и Мерсин [1]. Он был уверен, что, если бы Киликия досталась британцам, персидская торговля перешла бы к ним в руки через железнодорожные пути Багдада, а Россия утратила бы свое влияние в Персии. Следовательно, он обращал внимание российских деятелей на эти вопросы и предлагал присоединить Киликию к автономной Армении [2].

А. Дживелегов предлагал включить в состав Турции три автономные области – Армению (под российской протекцией), Аравию с Месопотамией (под британским протекторатом), Сирию (под протекторатом Франции). Управляющий территорией губернатор был бы подотчетным совету, состоящему из армян и мусульман в равном количестве. Эту идею поддерживали М. Аджемов (депутат Государственной думы), председатель Армянского комитета в Москве С. Мамиконян и секретарь К. Кусикян [3].

Г. Мнацаканян предлагал создать наполовину независимое армянское государство под протекцией России. Он предлагал разделить Османскую империю на 7 частей: 1) Европейская Турция и Константинополь; 2) Анатолия; 3) Армения с Киликией; 4) Курдистан с Хаккиарией; 5) Месопотамия; 6) Сирия; 7) Аравия. Он считал справедливым, чтобы Франция оккупировала Сирию и Палестину, Британия – Месопотамию, а также взяла на себя контроль над полунезависимой Аравией, Россия оккупировала Константинополь, Курдистан и взяла бы на себя покровительство над полунезависимой Арменией. Согласно Г. Мнацаканяну, границы армянского государства на западе Черноморского побережья достигли бы порта Уние, оттуда – через Токат, Себастию и Кесарию дошли бы до Средиземного моря – на юг Адалийской лагуны, с Александра через Урфу протянулись бы до Диарбекира, а затем, обойдя Хаккиарию, достигли бы Котура на персидской границе.

С целью завоевания благосклонности России предлагалось передать руководство Арменией одному из великих князей из рода Романовых. Он счи-

тал неверным стремление Франции отделить Киликию от Армении и пытался доказать, что, исходя из экономической и стратегической выгоды, Россия должна была содействовать формированию единого армянского государства. Учитывая, что Киликия в итоге могла перейти во владение Франции, он выражал надежду, что Киликии также будет предоставлена автономия, а параллельно с этим, с целью обеспечения дееспособности данной территории, к ней были бы присоединены губернии Харберда и Диарбекира [4]. Таким образом, армянские деятели были заинтересованы в создании автономного армянского государства. Для нации, просуществовавшей несколько столетий без государственности, будучи разделенной между тремя мощными империями, независимость казалась нереальной мечтой.

В конце января 1915 г. министр иностранных дел России – С. Сазонов, сообщил депутату российской думы М. Пападжанову о том, что для армян наилучшим решением будет оккупация армянских земель Россией с предоставлением армянам языковой независимости [5]. Это предложение вызвало довольно серьезное недовольство со стороны армянских деятелей. Российские власти в середине февраля предложили армянским деятелям предоставить свои национальные требования в отношении Армении, а также карту Армении и Киликии с соответствующими границами.

Данное предложение было сделано Константином Гулькевичем – руководителем восточного отдела МИД. Армянские деятели составили карту Армении, которая включала бы в себя целиком 6 западно-армянских вилайетов: вилайет Трапизона до населенного пункта Тиребол – на западе Трапизона, Киликию с Александретом или без него, в случае требования со стороны союзников. Требования Армении были обсуждены в МИДе России при участии выдающегося общественно-политического деятеля, члена партии Дашнакцутюн – Акопа Завриева и меньшевика – Александра Асрибекяна, совместно с двумя специалистами по турецким вопросам – Андреем Мандельштамом, являющимся бывшим переводчиком российского посольства в Константинополе и автором проекта 1913 г. по реформированию Западной Армении, а также с К. Гулькевичем [6]. Российская сторона пыталась понять стремления армян, одновременно ища решения по выходу России к Средиземному морю через Киликию.

В начале 1915 г. А. Завриев встретился с А. Мандельштамом и П. Милюковым – одним из руководителей кадетской партии. П. Милюков хотел присоединить к России 6 вилайетов Западной Армении и Трапизон и предоставить им определенную автономию. В свою очередь, А. Мандельштам заверил А. Завриева в том, что он и К. Гулькевич являются сторонниками создания автономной Армении, включая Киликию, и посоветовал встретиться с С. Сазоновым с целью поддержки данной идеи. Будущее Армении вызывало разногласия между различными российскими деятелями и ведомствами. 5 марта К. Гулькевич предложил А. Завриеву срочно отправиться в Париж и Лондон,

максимально развернуто предъявить требования, убедив Британию и Францию поддержать стремления Армении. Он обещал послать телеграммы российским послам Парижа и Лондона с просьбой о помощи А. Завриеву [7]. Как видим, некоторые российские дипломаты были сторонниками объединения Западной Армении и Киликии, поскольку таким образом для России открылся бы путь к Средиземному морю. Для этого необходимо было поощрять армянские устремления и использовать армянский фактор для убеждения союзников в необходимости автономной Армении.

6 мая 1915 г. А. Завриев встретился в Париже с председателем армянской национальной делегации – Погосом Нубаром и представил свой проект автономной Армении [8]. Согласно этой программе создавалась автономная Армения под суверенитетом султана и во главе генерал-губернатора Европы. Султан не имел бы права вмешиваться во внутренние дела Армении, страна была бы под совместной протекцией России, Великобритании и Франции. Автономная Армения включала бы в себя шесть губерний Западной Армении и Киликию с портом Мерсин, за исключением Александрета, во избежание недовольства и возражений со стороны Великобритании и Франции [9].

Армянские деятели только начали переговоры в Европе, когда стало известно о массовом истреблении армян в Турции. Поэтому основной их задачей стал поиск средств для спасения западных армян от уничтожения, а вопрос об автономии отошел на второй план. В результате геноцида, Западная Армения и Киликия лишились армянского населения, и в итоге идея армянской автономии была вытеснена с повестки российских властей.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в начале 1915 г. идея о создании автономной Армении и Киликии, предложенная армянскими деятелями, нашла положительный отзыв в российских правящих кругах. Тем самым, российское государство могло получить выход к Средиземному морю через Армению. Однако геноцид, совершенный в отношении армян, прервал реализацию этой идеи.

Примечания

1. *Дживилегов А.* Территория автономной Армении // Арарат. 1914. № 12. (на арм. яз.).
2. *Дживилегов А.* Киликийский вопрос // Арарат. 1915. № 1. С. 25–29. (на арм. яз.).
3. «Автономия Армении» и Антанты. Документы из эпохи империалистической войны, с введением Ашота Ованисяна. Ереван: Государственное издательство № 365, 1926. С. 83–84. (на арм. яз.).
4. *Мнацаканян Г.* Разрешение армянского вопроса. М., 1914. С. 6–47.
5. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 1457. Оп. 1. Д. 91, л. 1–2.
6. Там же. Л. 2–5.

7. Там же. Л. 10, 17–18.

8. НАА. Ф. 57. Оп. 5. Д. 28. Л. 187.

9. Boghos Nubar's Papers and the Armenian Question 1915–1918. Documents / Ed. and trans. by Vatche Ghazarian. Waltham: Mayreni Publishing, 1996. P. 80–84.

Г.Г. Погосян (Хахбакян)

К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОРТРЕТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРМЯНСКИХ РОДОВ XVIII–XIX вв. В МУЗЕЯХ РОССИИ

На протяжении веков в силу многих причин армяне покидали Родину, находя пристанище в других странах. Одной из таковых была Российская империя, где наши соотечественники практически во всех сферах играли далеко не последние роли. Косвенным свидетельством этому служат портреты представителей армянских родов.

Портретная живопись всегда была уделом не только власть имущих и богатых людей, но и снискавших почет и уважение. В Российской империи таковых было не мало. Многие художники XVIII–XIX вв. почитали за честь писать их портреты.

Среди дошедших до наших дней портретов имеются работы, принадлежащие кисти таких маститых художников, как *Айвазовский* Иван Константинович (1817–1900), *Брюллов* Карл Павлович (1799–1852), *Рокотов* Федор Степанович (1735–1808), *Тропинин* Василий Андреевич (1776–1857) и др. Естественно имеются портреты и менее известных и даже совсем неизвестных художников.

Как правило, портреты, являясь собственностью фамилии, хранились в родовых особняках и передавались из поколения в поколение. Однако сильнейшее потрясение Революции 1917 года «раскидало» создаваемые десятилетиями собрания, вследствие чего некоторые картины были утрачены, а для многих – затруднительно определить авторство, даты, изображенную персону и т.д. Однако благодаря реалистичности портретов XVIII–XIX вв., используя знания в области фалеристики, можно идентифицировать награды, изображенные на портрете. В большей степени, конечно, это относится к мужским портретам. Более того, раскрываются возможности по идентификации персонажей, датировке отдельных исторических событий и т.д. И наоборот, имеющиеся конкретные исторические факты позволяют атрибутировать картины, уточнять время написания картин, а в некоторых случаях, выявлять авторские доработки и даже подделки. Хотя в таких случаях, конечно, окончательный ответ остается за технико-технологической

экспертизой. В качестве иллюстрации сказанного приведем несколько примеров.

Пример первый. В Калужском музее изобразительных искусств среди портретов семьи Лазаревых из имения Железники Калужской губернии имеется картина, принадлежащая кисти Карла-Вильгельма Барду, атрибутированная как портрет И.И. Лазарева. До сих пор считалось, что это портрет Ивана Екимовича (Иоакимовича) Лазарева [1, с. 36–37; 2, с. 22]. Путем сравнительного анализа биографий и портретов представителей мужского пола из рода Лазаревых, а также благодаря изображенному на портрете ордену Св. Иоанна Иерусалимского выяснилось, что на портрете изображен младший брат Христофор Екимович [3; см. *Пример второй*]; [4, *Портрет первый*].

Пример второй. В Санкт-Петербурге в Государственном Эрмитаже хранится картина кисти Е.А. Плюшара – *“Портрет действительного статского советника Ивана Екимовича Лазарева”*. Полотно было передано из Музея этнографии народов СССР в 1946 г. Картина с инвентарным номером ЭРЖ-906, не представленная в постоянной экспозиции, датируется 1840-ми годами [5]. Однако благодаря знанию о времени награждений (согласно имеющимся спискам *«гражданскимъ чинамъ»* и спискам *«кавалерамъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ»*), можно уточнить время написания картины. Таким образом, зная, что «Знак отличия за XXXV лет» получен 22.08.1845 [6, с. 106], а следующая награда, которой еще нет на портрете – орден Св. Анны I ст. – получен 15.06.1848 [7, с. 137], временные рамки написания картины сужаются до определенного периода, а именно, до промежутка между 08.1845 и 06.1848 гг. [4, *Портрет второй*].

Пример третий. В Екатеринбургском музее изобразительных искусств в постоянной экспозиции находится картина С.К. Зарянка, атрибутированная как *«Портрет камер-юнкера майора Ивана Екимовича Лазарева. 1850-е гг.»*. Во-первых, благодаря знанию о времени вручения тех или иных наград и орденов, стало возможным установить время написания картины, а именно, 1857 г. Во-вторых, еще в 1836 г. Иван Екимович получил повышение в звании и стал камергером. Следовательно в атрибутировке картины необходимо заменить звание и дату [4, *Портрет четвертый*].

Пример четвертый. В Государственном музее истории Санкт-Петербурга в постоянной экспозиции представлены два фамильных портрета Абамелеков, принадлежащих кисти Давиденко Елизаветы Николаевной. Первый атрибутирован как *«Портрет князя Семёна Давидовича Абамелек-Лазарева. 1903 г.»*, а второй – *«Портрет княгини Марфы Екимовны Абамелек. 1900-е гг.»*. Если с первым портретом, благодаря наградам, о которых всё известно, сомнений быть не может, то в случае со вторым портретом очевидна ошибка атрибутировки. На полотне изображена не Марфа Екимовна Абамелек, урожденная Лазарева (3.04.1788–19.06.1844), жена Давида Семеновича (10.01.1774–23.10.1833), а ее племянница Елизавета Христофоровна

Абамелек, урожденная Лазарева (27.01.1832–8.11.1904), супруга Семена Давыдовича (15.10.1815–25.04.1888).

Пример пятый. В Нижегородском государственном художественном музее в постоянной экспозиции находится портрет Христофора Екимовича Лазарева. Похожий портрет выставлен в Национальной картинной галерее Армении в Ереване. На картине в Нижнем Новгороде, так же как и на картине в Ереване, в левом нижнем углу овала имеется автограф художника: «С. Зарянко 1851 г.». Изображенные на Нижегородском портрете инсигнии не все соответствуют правилам ношения орденов и других знаков отличия Российской империи. Кроме того, имеется целый ряд несоответствий между декларируемой атрибутировкой картины с изображенными на портрете наградами. Во-первых, согласно имеющимся спискам «гражданским чинамъ» и спискам «кавалерамъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ» время получения перечисленных орденов находится в вопиющем несоответствии с датой указанной на картине. Во-вторых, полотно атрибутировано как «Портрет камергера, действительного статского советника Христофора Екимовича Лазарева», т.е. указанная персона имела чин *действительного статского советника* статской службы полученный 19.01.1834 г. [8, с. 45], придворный чин *камергера* полученный в 1839 г. [9, с. 242], что согласно табели о рангах соответствовало чиновнику IV класса. Однако на портрете отчетливо видны инсигнии ордена Белого Орла, полученного в 1865 г., а к тому времени Христофор Екимович Лазарев был чиновником III класса, удостоенным 20.03.1858 чина статской службы *тайный советник* [10, с. 319]. В-третьих, при сравнении портретов Христофора Екимовича Лазарева находящихся в постоянных экспозициях картинных галерей Еревана и Нижнего Новгорода бросается в глаза полное соответствие изображенного левее и выше орденской ленты, и несоответствие цветов ленты с находящимся правее и ниже нее. Из перечисленного напрашивается следующий вывод: портрет Христофора Екимовича Лазарева из Нижнего Новгорода, после 1865 г., т.е. после получения последней награды, был частично *модифицирован*.

Автором изменений мог быть и сам С.К. Зарянко, который писал вплоть до самой смерти в декабре 1870 г. Хотя, конечно, возможно, что изменения произведены после смерти Христофора Екимовича, но уже неизвестным художником. Увы, знания в области фалеристики лишь помогли выявить некоторые несоответствия. Окончательные ответы могут быть получены лишь после проведения технико-технологической экспертизы полотна с применением ультрафиолетовых лучей, инфракрасной рефлектографии, рентгенографии и других современных методов. [11, с.103–107].

Примечания

1. Лазаревы в русском искусстве: каталог выставки. Ереван, 1986.

2. Гассельблат Г.В., Попова Е.Г. Лазаревы на Урале // Сб. ст. Уральского генеалог. общества: «Сплетались времена, сплетались страны...». Вып. 10. СПб., 2002. С. 8–37.

3. Погосян Г.Г. Портретное искусство, фалеристика и история как взаимодополняющие категории (на примере рода Лазаревых) // Докл. на Четвертых Лазаревских чтениях по истории армян России (г. Москва, 6–9 июня 2009 г.). М., 2009.

4. Погосян (Хахбакян) Г.Г. К атрибуции портретов Ивана Екимовича Лазарева (в картинных галереях Екатеринбурга, Еревана, Калуги и Санкт-Петербурга) // XV Уральская родоведческая научно-практическая конференция: сб. докл. (г. Екатеринбург, 25–26 ноября 2016 г.). Екатеринбург, 2016.

5. Цифровая коллекция Государственного Эрмитажа. URL: <http://srv2.testmain.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.Paintings/128691/?lng=ru> (дата обращения: 27.03.2018).

6. Списокъ кавалерамъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ и имѣющимъ знаки отличія безпорочной службы, Всемилостивѣйше пожалованнымъ въ теченіе 1845 года, служащій прибавлениемъ къ общему кавалерскому списку. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1846. 287 с.

7. Списокъ кавалерамъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ за 1849 годъ. Часть первая. С.-Петербургъ. Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1850. – 201 с.

8. Списокъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ. Въ гражданской службѣ состоящимъ, по старшинству ихъ чиновъ. На 1839 годъ. 80 с.

9. Списокъ гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ по старшинству. Составленъ въ Герольдіи и исправленъ по 1 Апрѣля 1843. С.Петербургъ. Въ Типографіи Правительствующаго Сената. 457 + XX с.

10. Списокъ гражданскимъ чинамъ первыхъ III классовъ. Исправленъ по 31-е Декабря 1858 г. Санктпетербургъ. Типографія правительствующаго сената. 343 + 10 с.

11. Погосян (Хахбакян) Г.Г. К атрибуции портретов Христофора Екимовича Лазарева // Сборник материалов об Армении и армянской диаспоре / НАИРИ. Вып. 7. Н. Новгород, 2017. С. 98–108.

Т.Э. Саргсян

ПЯТЬ ЦЕРКВЕЙ АРМЯН СИМФЕРОПОЛЯ

Известное в армянских источниках раннее упоминание Ак-Мечети, нынешнего Симферополя, относится к 1695 г. Его находим в главном колофоне Рукописи 811, хранящейся в библиотеке армянского монастыря Святого

Иакоба в Иерусалиме: «[Книга Житие Отцов] перенята в лето 1144 [= 1695 году] рукой иеромонаха Иоанна в маленьком поселении Крыма – в Ак-Мечете <...>» [1]. Найденные в этом «поселении» армянские надгробия второй половины XVII в. позволяют сделать вывод о присутствии в нем постоянного армянского населения в тот период [2].

Следующее по времени свидетельство об армянах Ак-Мечети встречаем в послании 1744 г., адресованном к католикосу в Эчмиадзине. В нем армяне городов и поселений Крыма сообщают верховному главе Армянской церкви об избрании нового духовного предстоятеля [3]. О численности армянского населения здесь в XVIII в. можно судить по данным А.В. Суворова. Он сообщает, что в 1778 г., во время переселения христиан Крыма, из Ак-Мечети было вывезено 259 армян [4]. По свидетельству П.И. Сумарокова, к 1803 г. население столицы Таврической губернии составляло 1000 человек, из которых армян было 31 человек [5]. В 20–30-х годах XIX века в городе проживало уже 40 армянских семей – примерно 200 человек [6]. В 1863 г. численность армян Симферополя составила 658 человек [7], а к 1865 г. – свыше 150 семей, точнее – 720 человек [8]. В 90-х гг. XIX в. здесь уже проживало 1500–1700 армян, принадлежавших лону Армянской церкви. Армяне-католики города, составлявшие в то время 70–80 семей, примерно 400 человек, имели свою отдельную церковь [9]. На стыке XIX–XX веков число армян традиционного толка почти не изменилось, а армян-католиков выросло до 150 семей [10].

В 1793 г. академик П. Паллас в Ак-Мечети упоминает «армянский молитвенный дом», а П. Сумароков к 1803 г. – одну «армянскую церковь» в старой части города [11]. Более обстоятельно к армянскому духовному центру в Симферополе обращается Минас Бжишкян, сведения которого относятся к 1820-м гг.: «Армянская церковь – каменная и, увенчанная куполом, вновь благовидно построена возле старой [церкви] <...>. Эта армянская церковь посвящена имени Пресвятой Богородицы» [12].

О первой, или старой, армянской церкви ничего не известно. Что касается церкви Пресвятой Богородицы, то она в 1860-х гг. была реконструирована. Сохранилось описание проведенных работ и графическое изображение южного фасада, исполненное в 1865 г. – после завершения подновления [13]. Выясняется, что три стены церкви Пресвятой Богородицы наполовину были сохранены и только западная была отодвинута дальше на три сажени, за счет чего площадь молитвенного зала значительно увеличилась. С запада к основному зданию была пристроена высокая звонница. Она была возведена на средства Меркерсиоса Момчяна [14], а колокол весом в 53 пуда и 9 фунтов был подарен Арутюном Арабяном из города Орабазара (ныне Армянск).

Подновление церкви завершилось в 1864 г., и 21 ноября предстоятель Нахичевано-Бессарабской епархии Армянской церкви архимандрит Габриел Айвазовский отправился освящать ее. 13 июля 1897 г. церковь сгорела [15].

Для ее восстановления был объявлен сбор средств. Ремонтные работы шли в течение следующих двух с половиной лет. 1 января 1900 г. церковь вновь была освящена и открыта [16]. При ней действовало приходское училище для мальчиков и девочек [17].

После установления советской власти церковь Пресвятой Богородицы была ликвидирована, а на рубеже 20–30-х гг. XX в. ее здание было национализировано.

Помимо армян традиционного толка, в Симферополе проживали и армяне-католики. Переселившись сюда в основном из города Карасубазара (ныне Белогорск), они во второй половине XIX в. составили солидную часть армянского населения города. Церковь армян-католиков была построена на средства известного предпринимателя, купца 1-й гильдии Саргиса Налбандяна и освящена во имя Святого Спасителя.

Саргис Ованесович Налбандян был родом из турецкого города Гюмушхана. Он обосновался в Симферополе в 20-х гг. XIX в. и, хотя не был грамотным, благодаря незаурядному уму и предприимчивости накопил солидный капитал. Удачно женившись, несколько позже он стал одним из наиболее уважаемых горожан, и даже незнание русского языка не мешало ему быть в числе друзей губернатора.

В 1862–1863 гг. Налбандян на свои средства в 60 000 рублей в Симферополе, на Дворянской улице (ныне – улица Горького), построил армяно-католическую церковь во имя Святого Спасителя и дом для предводителя при ней. Сооружения были освящены 2 февраля 1863 г. Через год, 1 мая 1864 г., донатор умер в возрасте 66 лет и был похоронен у стены построенной им же церкви [18]. Спустя время рядом с ним была похоронена жена – София Михайловна Налбандян.

5 мая 1913 г. армяне-католики Симферополя торжественно отпраздновали 50-летие церкви Святого Спасителя. Но перед тем они обратились к властям с прошением перезахоронить останки донатора и его супруги в склепе, устроенном внутри церкви [19].

Согласно плану, приложенному к прошению, церковь представляла собой прямоугольную однефную постройку с обращенной на восток единственной апсидой. Центральный вход в церковь находился на западной стороне. Перед ним располагалась парадная лестница с широкими каменными ступенями. Церковь была разобрана в середине XX в. Ее место заняло здание цирка (улица Горького, 3). Построенная Саргисом Налбандяном предводительская сохранилась и находится по адресу ул. Горького, 3а.

Церковь Святого Геворга – четвертое по счету духовное сооружение армян Симферополя. Она располагалась на северо-восточной окраине армянского кладбища города по ул. Старозенитной. Была построена в 1889 г. на средства известного мецената Аветыка Хлебникяна. Сохранилось его прошение, адресованное Эчмиадзинскому синоду с просьбой разрешить стро-

ительство церкви на армянском кладбище Симферополя. Дата – 23 марта 1888 г. Освящение церкви состоялось 29 сентября 1890 г.

Согласно архивным документам церковь Святого Геворга была каменной постройкой с площадью 15 кв. саженей (68,3 кв. м). Это был прямоугольный зал с обращенной на восток апсидой и маленькой звонницей на макушке. Окружавшее церковь кладбище было огорожено каменной стеной и занимало 4 десятины земли (около 44 000 кв. м). После установления советской власти принадлежавшие церкви жилые помещения были переданы Отделу коммунального хозяйства [20]. Само церковное здание опустело и со временем разрушилось. Остатки его стен были обнаружены случайно во время земляных работ в 2008 г.

Единственная армянская церковь, ныне имеющаяся в Симферополе, освящена в 1997 г. в честь Святого Иакоба. Это небольшое купольное сооружение с обращенной на восток апсидой. Построено оно на территории того же кладбища на средства Александра Аматауни и Сурена Амирханяна.

Примечания

1. См.: Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Иакоба. Т. 3 / сост. Н. Погарян. Иерусалим, 1968. 281 с. (на арм. яз.).

2. См.: Свод армянских надписей. Прак VII (Украина и Молдова) / сост. Г. Григорян. Ереван, 1996. 122 с. (на арм. яз.).

3. См.: Архив Матенадарана им. Месропа Маштоца. Канцелярия католикоса. П. 1. Д. 43 (на арм. яз.).

4. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения / сост. Н. Дубровин. Т. II (1778 год). СПб., 1885. 711 с.

5. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Суморокова. Ч. 1. СПб., 1803. 115 с.

6. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. Венеция, 1830. 267 с. (на арм. яз.); Описание городов Бессарабской, Крымской и Новонахиджеванской областей, в которых проживают армяне, составленное архимандритом Авелем Мхитаряном во время его путешествия в 1837–1840 годах // Мегу Айастани (Пчела Армении). № 49 (5 декабря). 1859. С. 11 (на арм. яз.).

7. Масеац агавни (Голубь Масиса). 1864. С. 322 (на арм. яз.).

8. *Тер-Абраамян О.* История Крыма. Часть 2. Феодосия, 1865. 8 с. (на арм. яз.).

9. Нор Дар (Новый век). № 84. 1891. С. 3 (на арм. яз.).

10. Мшак (Труженик). № 18. 1900. С. 2 (на арм. яз.).

11. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П. С. Палласа. Ч. I // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. XII. Одесса, 1881. С. 72; Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Суморокова. Ч. 1. 114 с.

12. Бжишкян М. Указ. соч. С. 266–267.
13. Масаец агавни. С. 25–26.
14. Циациан (Радуга). 1865. – С. 25–27.
15. Нор дар (Новый век). № 122. 1897. С. 2; Там же. № 205. 1897. С. 2.
16. Мшак (Труженик), № 18. – 1900. – С. 2.
17. Тер-Абраамян О. История Крыма. Ч. II. С. 8–9; Свод армянских надписей. Прак. VII. С. 133; Туманян П. Армяне Крыма // Арор (Соха). № 12. 1911. С. 48–50 (на арм. яз.).
18. Нор дар (Новый век). № 93. 1887. С. 2–3.
19. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 27. Оп. 13. Д. 4724.
20. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 163. – Л. 15, 55.

Л.О. Саркисян

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ¹

Проблема идентичности продолжает оставаться в центре внимания ученых из разных сфер социально-гуманитарного знания. В условиях современных социально-политических трансформаций и нелинейного развития мировых процессов она становится еще более актуальной. В этом контексте для многих государств особо важным становится так называемая *политика идентичности*.

В армянской научной литературе практически отсутствует термин *политика идентичности*. Чем это объясняется? Многие считают, что в армянской реальности попросту нет необходимости подобной политики, ибо армянская идентичность настолько определена, она кристаллизована и отшлифована в веках, что проблемы самоидентификации или обеспечения идентификационного единства попросту не существует. Аргументируют такой подход также тем, что Республика Армения одна из самых моноэтничных государств, что делает особую политику идентичности попросту бессмысленной.

По нашему мнению, научное изучение армянской идентичности предполагает четкое осмысление того, что это явление не есть нечто закостенелое, а находится в постоянном развитии. Развитие идентичности происходит либо спонтанно, либо носит программно-стратегический характер, что является результатом вышеназванной политики идентичности. Следовательно, иг-

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА и Российской и Ново-Нахичеванской Епархии Армянской апостольской церкви в рамках научного проекта № 16AAR-009.

норировать значение политики идентичности для Республики Армения по меньшей мере наивно, особенно учитывая тот факт, что существует громадная армянская диаспора, этническое самосознание которой, будучи фактором стратегического значения, не может быть безразличным для Республики Армения.

Общими целями политики идентичности являются сохранение, развитие и конструирование национальной идентичности. Какие конкретно задачи решает политика идентичности, зависит от множества факторов и обстоятельств: этнический и конфессиональный состав населения, степень социальной поляризации, уровень политической культуры, наличие серьезных внешних угроз, резкие геополитические сдвиги и т.д. Хотя и принято считать, что «ключевой актор политики идентичности – это национальное государство, которое ... постоянно участвует в “нациестроительстве”» [1], но акторами этой политики могут быть и другие институты. На примере истории армянского народа, особенно в периоды отсутствия собственной государственности, мы видим, как определяющими факторами становятся негосударственные акторы: церковь, родословная аристократия, культурные и интеллектуальные элиты.

По нашему мнению, основы современной армянской идентичности были сформированы в IV–VI вв. в результате реализации *особой политики идентичности*: принятие христианства в качестве государственной религии, процесс суверенизации-национализации Армянской церкви, изобретение национальных письмен, создание собственной письменной культуры и национальной системы образования и т.д. Эта модель, где нация формируется и развивается даже в условиях отсутствия собственной государственности, где основным ресурсом конструирования идентичности является цивилизационно-культурный ресурс, можно условно назвать *культурно-исторической моделью национальной идентичности*.

Идентичность современных западных наций, по всей видимости, конструировалась иначе. Очевидно, что ведущую роль в унификации идентичности здесь играло и играет государство. Эту модель конструирования национальной идентичности можно назвать *моделью государственно-национальной идентичности*.

Российская империя, по существу, проводила державную политику идентичности. В СССР проводилась такая политика идентичности, где последним результатом должно было стать слияние в единый советский народ всех этносов. Современная Россия, будучи полиэтничным государством, особое место отводит политике идентичности, целью которой является развитие гражданской российской нации, в рамках которого будут гармонично сосуществовать разные этносы. Не случайно, в российской науке, в том числе политологической, проблематика идентичности занимает в последние годы особое место.

Объектами политики идентичности, направленной на становление российской гражданской нации, являются представители всех этнических групп, проживающие в России, следовательно, не может быть речи об особой политике идентичности РФ по отношению к армянской диаспоре. Хотя это не исключает учета специфики разных этнических групп. С этой позиции немаловажным является то обстоятельство, что армянство в течение веков диаспорального существования выработало мощные механизмы сохранения идентичности, что делает их проблемными с точки зрения политики идентичности полиэтничного государства-державы.

Вплоть до недавнего времени политика идентичности Республики Армения сводилась к мероприятиям, направленным на сохранение армянской идентичности, и в первую очередь, в диаспоре. В Стратегии национальной безопасности (2007 г.) сохранение идентичности армянства объявляется одной из «фундаментальных ценностей» национальной безопасности Республики Армения, а «ослабление национально-культурной идентичности диаспоры» декларируется одной из внешних угроз национальной безопасности [2]. Для реализации политики идентичности в Республике Армения создали особое министерство – министерство диаспоры, деятельность которого также направлена на сохранение культурно-национальной идентичности армянства. Важным актором политики идентичности, особенно диаспоры армян, продолжает оставаться Армянская апостольская церковь. При этом в основе понимания армянства лежит такая модель армянской идентичности, где краеугольным считается конфессиональный фактор. При таком понимании армянской идентичности вне политики идентичности оказываются миллионы этнических армян, не являющихся последователями армянской церкви.

Четырехдневная апрельская война 2016 г. наконец «разбудила» соответствующие государственные институты, которые подключились к процессу разработки стратегии дальнейшего развития армянства и армянской государственности, стратегию, которая предполагает также элементы политики идентичности. Основные вызовы национальной безопасности Республики Армения являются внешними, они делают актуальной такую политику идентичности, по мнению нынешней государственной элиты РА, при которой *важнейшим институтом трансформации идентичности становится армия*. Концепт *нация-армия* предполагает достаточно *масштабную и одновременно кардинальную трансформацию* армянской идентичности. Сущность данного проекта выражена в следующей формуле: «Нация-армия – намного шире, чем национальная армия, так как национальная армия служит нации, а нация-армия есть сама нация» [3]. Армия должна стать не грузом для государства, а локомотивом развития индивида как гражданина, общества и государства. Именно из армии должны идти стимулы прогрессивного развития всего общества и государства. Армия – кузница лидеров – носителей новой идентичности. Данный проект обращен также к представителям

армянской диаспоры, что немного наивно, так как представители диаспоры являются носителями политических проектов иных государств, ценности и цели которых могут быть несовместимыми с целями армянского проекта.

Апрельская война активизировала также представителей армянской диаспоры. Осенью 2016 г. было опубликовано своеобразное воззвание, под которым подписались известные армяне из разных стран мира. В данном воззвании объявляется, что «мы давно научились адаптироваться к культуре и традициям приютивших нас стран и стали их преданными гражданами, сохранив при этом исторически сложившуюся у нашего народа идентичность, язык и христианскую веру в лоне Армянской церкви» [4].

Из концепта глобальной нации логически вытекает, что армянин может жить где угодно, добиваться успехов, а потом помогать развитию своей страны. Это идеализированная модель, так как на определенном этапе возникает противоречие между этнокультурной идентичностью армян и гражданско-государственной идентичностью тех державных образований, в которые армяне включены. Успешные армяне мира могут, на наш взгляд, способствовать процветанию Родины только одним путем – вернуться на Родину, произвести трансфер ценностей гражданского сознания, способствовать формированию таких национальных элит, которые способны стратегически мыслить и нести тяжелый груз ответственности за судьбы государства и нации.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что армянство на протяжении веков стремилось быть именно «глобальной» нацией. Это позволяло вписываться в масштабные проекты политического и цивилизованного характера в качестве конструктивного фактора, но не способствовало созданию и реализации собственного проекта. Будущее армянского народа предполагает *переход от модели глобальной нации к модели государственной нации* [5].

Примечания

1. Ачкасов В.А. Проблемы политики национальной идентичности в современном мире // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: мат-лы Междунар. науч. конф. (Ереван, 3–4 нояб. 2017 г.). Ереван: Изд-во РАУ, 2017. С. 24.

2. Стратегия национальной безопасности Республики Армения // Республика Армения: Министерство обороны: [сайт]. URL: <http://www.mil.am/media/2015/07/829.pdf> (на арм. яз.).

3. Выступление министра обороны РА Вигена Саркисяна на заседании Совета министров обороны // Там же. URL: <http://www.mil.am/hy/news/4466> (на арм. яз.).

4. Будущее армянской нации решается сейчас : [открытое письмо, опубликованное по инициативе фонда IDeA в газетах «Айастан Анрапетутюн» и The New York Times] // Благотворительный фонд «Инициативы развития Армении».

28.10.2016. URL: <https://www.idea.am/ru/news/2016/10/28/the-future-for-global-armenians-is-now/>

5. Саркисян О.А. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации.

В.Г. Свазлян

АРМЯНСКОЕ УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО НОВОЙ НАХИЧЕВАНИ

В сентябре 1959 г. Отделением общественных наук Академии наук Советской Армении была организована комплексная научная экспедиция в Ростовскую область, Новую Нахичевань (Пролетарский район). Тогда мне предложили принять участие в этой экспедиции, поручив собрать и записать реликвии армянского устного народного творчества на используемом в прошлом сложном диалекте крымских армян.

Оживленная национальная, культурная и общественная жизнь донских армян, переселенцев из Крыма, ознаменовалась появлением на исторической арене многих видных представителей армянской культуры, таких как писатель-публицист Микаэл Налбандян, поэт Рафаэл Патканян, художник Мартирос Сарьян, писательница Мариэтта Шагинян, юрист Григор Чубарян и другие.

Позже, в советской стране, в условиях всеобщей грамотности, представители армянской колонии не могли в первозданном виде сохранить на своем сложном диалекте армянские устные народные традиции. Моими информаторами в основном были представители старшего поколения, люди пожилые, поскольку молодое поколение даже не говорило на родном диалекте. В те годы не было технических средств, и мне пришлось записывать всё от руки.

На протяжении 15 экспедиционных дней я имела возможность познакомиться с 12 информаторами. Были собраны их краткие биографические данные и отдельная информация, касающаяся искусства их слова. В результате бесед и общения с упомянутыми информаторами мною было записано 70 единиц народоведческих материалов, до сих пор неопубликованных.

Устная народная традиция армян Новой Нахичевани, являя собой составную часть устной культуры армянского народа, сохранилась благодаря всеобщим традициям национального фольклора, однако наряду со сходными и общими чертами она также вобрала в себя самобытные, характерные для данной местности особенности, обусловленные историко-общественными перипетиями прошлого и настоящего армян. Народный фольклор армян этого региона в художественной форме отражает условия их общественной и экономической жизни, особенности местной природы с ее растительным

и животным миром, быт и нравы окрестных сел и городов с их многонациональным населением и оригинальным говором.

Из приведенных примеров следует, что армяне-переселенцы из Крыма адаптировались в новой, русской среде, которая стала для них родной. Свидетельством тому являются сложенные ими **бытовые сказки**, описанные действия в которых происходят не только в окрестных армянских селах, но и в русских городах: Новочеркасске и Таганроге. Героями этих сказок являются не только армяне, но и *русские барины, казаки и мужики*, которые всячески помогают армянским переселенцам.

Помимо этого, в разножанровых фольклорных материалах часто встречается множество заимствований – тюркизмов, которые использовались в повседневной разговорной речи крымских армян, например, «*Копур*» / «*Кёпри*» – ‘мост’, «*Сохах*» – ‘улица’, «*Хум*» – ‘земля’, «*Чорвах*» – ‘родник’, «*Хамчи*» – ‘кнут’, «*Шамдан*» – ‘подсвечник’.

Если тюрко-татарские заимствования издревле присутствовали в диалекте армян, то после переселения из Крыма в Новороссийскую область их лексика обогатилась русизмами, к примеру: «*кузнец*», «*продавец*», «*друг*», «*семейство*», «*хозяин*» и т.д. В то же время многие выражения русского языка подверглись изменениям в соответствии с грамматическими канонами армянского языка: «*поздороваться*», «*охранял*», «*согласился*» и т.д.

Устное народное творчество армян Новой Нахичевани было почти предано забвению, однако благодаря нашим последовательным поискам удалось записать и тем самым спасти от бесследного исчезновения неповторимые реликвии их устной традиции. Записанные тексты были классифицированы по трем основным группам:

- 1) эпическое устное творчество (14 ед.);
- 2) лирическое устное творчество (30 ед.);
- 3) афористическое устное творчество (26 ед.).

Первая группа представлен **волшебными и бытовыми сказками**. По свидетельству самих информаторов, они больше не собираются в деревенских домах, чтобы послушать сказки, как это было принято в Крыму.

Из волшебных сказок наиболее интересными представляются следующие: «*Браслет*», «*Сказка о пухленьком ягненке*», «*Сабля отца Девриша*», «*Дочь веселого короля*», «*Безрукая девушка*» с песенными вкраплениями, «*Чесночок*», «*Плохая мать*», «*Сказка о железном волке*» и т.д.

Бытовые сказки, в художественной форме изображая реальные жизненные случаи и реальных людей, имеют воспитательный и нравоучительный характер: «*Продавец угля*», «*Кто работает, тот ест*», «*Безумный*», «*Султан мира, султан одной [жены]*», «*Тато и Петригела*», «*Сноха, проучившая злую свекровь*», «*Ум женщины*». Интересна сказка «*Джико*», являющаяся вариантом «*Храброго Назара*». Небольшой объем и внезапное разрешение конфликта придают этим сказкам некую новеллистичность.

К лирическим жанрам относятся старинные *песни*, сюжеты которых восходят к древности. До нас дошла малая толика этих песен, являющихся образцами разнохарактерного поэтического фольклора, созданного армянской общиной [1].

Несмотря на свою малочисленность, особый интерес, с точки зрения замысла, представляют *детские песни* и *детские игры*.

По времени создания и образности примечательна «Крымская песня», в которой лирический герой вспоминает свое прошлое в армянском поселении Крыма Хара Су (Черная Вода), с его небольшими уютными домами и зелеными садами.

Ритуальные песни также почти не сохранились. Армянские свадьбы уже не сопровождалась традиционными ритуалами, которые включали песни и танцы. Были записаны древние, проникнутые духом старины песни, которые распевались при переодевании жениха и невесты.

В 1959 г. в армянской среде названного региона хранили лишь память обо всем этом, но уже не придерживались каких-либо ритуалов, во время свадеб не исполнялись соответствующие песни и танцы. Тем не менее старшее поколение местных армян еще помнило отрывки из ритуальных песен прошлого.

Бытовые песни являют собой воспоминания в художественной форме: песня скорби («Смерть Мелкона», «О городской голове Халибьяне»), песня каторжника («Пойдите, скажите отцу моему»), бытовые песни («Матери Ока и Истир [Истра]», «Тетя Мариам», «Унан»), юмористическая песня («Отец, за кого ты меня замуж отдашь?»), солдатские песни («Я жребий свой вытянул и пошел в солдаты», «Песня солдата»), также песня героя Великой Отечественной войны («Ущелье Сампика») и т. д.

Афористический фольклор возник в результате философского осмысления жизни, явлений природы и социальных реалий, он представлен такими жанрами, как *пословицы* и *поговорки* местных армян, *проклятья* и *благословения*, *волшебные молитвы* и *молитвы-пожелания*.

Обобщая сказанное, отметим, что армянская община Ростова-на-Дону – Новой Нахичевани, несмотря на нивелирующее воздействие пространства и времени, пыталась сохранить и сохранила свой исконный крымский диалект и неповторимые фольклорные реликвии, которые дают представление об их некогда богатом и самобытном устном народном творчестве.

Примечание

1. Мы не имеем в виду те песни, которые вошли в исследования Е. Шахазиза «Новая Нахичевань и новонахичеванцы» (Этнографический журнал. Кн. VII, VIII, IX. Тифлис, 1903) (на арм. яз.), а также Х.А. Поркшеяна «Армянский народный фольклор» (Армянская этнография и фольклор. Т. 2. Ереван, 1971) (на арм. яз.).

АРМЯНСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ГОД 1943

В 2017 г. Краснодарский край отметил свое 80-летие. Одним из важнейших направлений деятельности руководства края стала поддержка национально-территориального строительства. По мнению краснодарского исследователя И.Г. Иванцова, ещё «в 1920-е годы в СССР партийно-государственное руководство страны, своими волевыми решениями реально создавало для разрозненно проживающих групп национальных меньшинств автономные национально-территориальные образования в форме национальных районов, и как низшей их формы – национальные сельские советы». В 1920-х гг. на территории Юго-Восточного края образуются «малые» формы национальных автономий в виде семи национальных районов: Армянского, Ванновского (немецкого), Греческого, Калмыцкого, Мясниковского (армянского), Туркменского и Шапсугского [1, с. 191].

Армянский район был создан одним из первых, он образован 24 марта 1924 г. В качестве административного центра выбирается село Елисаветпольское (Шаумян). Вскоре после завершения Великой Отечественной войны район был упразднен, территория вошла в состав Апшеронского и Туапсинского районов Краснодарского края. Район оказался долгожителем по сравнению с другими национальными районами Кубани.

В статье представлена информация об основных направлениях деятельности руководства Армянского района в 1943 г. К сожалению, данных о первых годах войны в Центре документации новейшей истории Краснодарского края не сохранилось. Имеется всего два дела, относящихся к первой половине 1941 г. Документальных источников по деятельности администрации за 1942 год пока не обнаружено.

В освобожденном от оккупации районе была определена структура Районного комитета. По состоянию на 25 февраля 1943 г. номенклатурный список кадров краснодарского крайкома ВКП (б), работавшего в районах края, состоял из следующих должностей:

1. Первый секретарь РК.
2. Второй.
3. Секретари по кадрам.
4. Пред. РИКа.
5. Зав. райзо.
6. Райуполнаркомзаг.
7. Райпрокурор.
8. Редактор районной газеты.
9. Директора МТС и совхозов.

10. Начальники ПО МТС и совх.
11. Зам. Нач. ПО МТС и совх.
12. Зав. отделами РК 24. Директора элеваторов.
13. Зав. райфо.
14. Зав. райздрав.
15. Зав Районо.
16. Зав. Райсобеса.
17. Нарсудья.
18. Нач. РО НКВД.
19. Зам. нач. РО НКВД по милиции.
20. Секретари РК ВЛКСМ.
21. Зав. парткабинетом РК.
22. Пропагандисты РК.
23. Пом. нач. ПО МТС и совх. по комс раб.
25. Директора научно-исследовательских учреждений.
26. Директора сельхозтехникумов, школ среднего сельхозобразования, механизаторских и межрайколхозшкол¹ [2, л. 22–23].

Важным направлением деятельности Краевого партийного руководства стало налаживание устойчивой связи с районом: «Секретарь Краснодарского крайкома ВКП (б) по кадрам, Борисов, сообщал 30 апреля 1943 г. в Армянский РК ВКП (б), что для постоянной и своевременной связи с районами по краю установлена почтовая авиасвязь. Секретарям РК ВКП (б) края поручалось лично следить за почтовым обменом, категорически не допуская его срыва» [2, л. 16].

Другим направлением восстановления жизнедеятельности района стало восстановление радиосвязи и радиовещания: «27 мая секретарь крайкома по пропаганде и агитации предложил созвать совещание района по вопросу хода восстановления радиосети и радиовещания в районе. Для этого в частности предлагалось провести сбор у населения (изъять) трофейной радиоаппаратуры, предотвращать использование радиопроводки и аппаратуры не по назначению и без ведома радиоузлов района» [2, л. 19].

В районе восстанавливалась советская цензура. Для этого (05.03.1943) Крайлит предлагал провести следующие мероприятия:

1. Назначить проверенного коммуниста, способного проверять, осуществлять контроль над выпуском газеты и всей печатной продукции района.
2. Изъять в районе всю печатную продукцию, выпущенную немецко-фашистскими редакциями (газеты, плакаты, брошюры, приказы и т.д.) и переслать ее Крайлиту.
3. Представить в Крайлит все сведения о районной газете и ее редакторе.
4. Всю уже вышедшую и выходящую в районе печатную продукцию (газеты, листовки, брошюры, плакаты, лозунги и т.д.), кроме всевозможных кон-

¹ Орфография и пунктуация сохранены.

торских бланков – выслать по 2 экземпляра Сектору печати Крайкома ВКП (б) и Крайлиту.

Для районной газеты «Коммунар» на первое полугодие 1943 г. были установлены следующие разрешительные номера цензуры: 30105, 30106 и т.д. Индекс «МА». [2, л. 25].

Все районные газеты, выходявшие один раз в неделю, должны были выходить по воскресеньям. В них должны были публиковать одно вечернее сообщение Совинформбюро за последний день и еженедельный обзор военных действий на советско-германском фронте, передаваемый ТАСС для этих газет [2, л. 31].

27 марта 1943 г. в район поступило распоряжение Краснодарского крайкома ВКП (б), за подписью секретаря крайкома по пропаганде И. Поздняка. В нем говорилось следующее: «За время своего пребывания на Кубани немецко-фашистские разбойники замучили и расстреляли тысячи мирных, ни в чем не повинных советских людей. Свою подлую работу гитлеровские людоеды всячески старались скрыть от населения, выдавая себя “миролюбивыми” носителями нового порядка на советской земле.

Учитывая это и в целях воспитания населения в духе жгучей ненависти к немецким поработителям, крайком ВКП (б) обязывает под личную ответственность секретарей райкомов и горкомов партии шире и систематически публиковать в местной печати факты и документы о зверствах немцев в районе, городе и вообще в крае.

На семинарах и совещаниях агитаторов необходимо давать установки, чтобы каждый агитатор особенно выделял в своей агитационной работе факты о зверствах немецких оккупантов на Кубани. Агитаторы должны рассказывать населению истинную правду об их злодеяниях... Необходимо обязать работников отдела пропаганды и агитации подобрать, суммировать все факты о зверствах немцев в районе, городе и затем, в виде тезисов, вручить каждому агитатору вместе с брошюрой, которую мы высылаем вам в количестве 50 экз. для проведения бесед с населением. Выступать с докладами необходимо систематически, задействовав ... актив.

Еще раз напоминаем о необходимости немедленной организации в райцентре, городе, крупных населенных пунктах газетных витрин» [2, л. 29].

10 июля 1943 г. состоялось собрание партийного актива Армянского района Краснодарского края. В своем выступлении на собрании председатель РИКа – Ремизов Петр Федорович рассказал, что район сильно пострадал от рук немецких оккупантов. Почти все клубы, детские учреждения, больницы, школы и отдельные населенные пункты района были полностью разрушены и сожжены. Большинство населения вынуждено было в условиях зимы скитаться в лесах и в лощинах без соответствующего медицинского обслуживания и в отсутствии продуктов питания. Действовали вражеские бомбардировщики и артиллерия [2, л. 2].

В результате оккупации района полностью были ликвидированы культурно-просветительные очаги (клубы, избы-читальни и т.д.) [3, л. 1].

За шесть месяцев оккупации были сожжены и полностью разрушены многие села и районный центр. Уничтожено много прекрасных зданий, больниц, школ, клубов, детских учреждений. Богатые колхозы с развитым животноводством и табачным хозяйством превращены в груду развалин и пепелищ. Развитая лесная промышленность района полностью ликвидирована [3, л. 3].

Важнейшим направлением деятельности Армянского района стало восстановление сельского хозяйства. Для организации посевных работ в районе не хватало горючего и тракторов. Несмотря на это в районе неохотно использовали живое тягло. Первый секретарь крайкома партии Селезнев, в письме второму секретарю РК – Маркарьяну, 04.05.1943, требовал немедленно приступить к посевным работам... [2, л. 27].

Таким образом, в течение первой половины 1943 г. в Армянском районе Краснодарского края шла огромная работа по восстановлению сельского хозяйства, коммуникаций, утраченных в ходе оккупаций.

Району оставалось существовать ровно 10 лет...

Примечания

1. История Северного Кавказа. С. 191.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1415. Оп. 1. Д. 112.
3. ЦДНИКК. Д. 131.

С.М. Степанянц

НОВОНАХИЧЕВАНСКАЯ И БЕССАРАБСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1917–1920 гг.

В 1917 г. скончался епархиальный предводитель Новонахичеванской и Бессарабской армянской епархии архиепископ Нерсес Худавердян. Для армянской церкви это была невосполнимая потеря. Владыко являлся одним из самых авторитетных и влиятельных церковных деятелей Армянской церкви конца XIX – начала XX в.

Первопрестольный Эчмиадзин не находил достойного кандидата на замещение кафедры епархиального начальника и остановил свой выбор на викарии Новой Нахичевани – архимандрите Муше Данагёзьяне, назначив его временным управляющим епархией. Эта кандидатура была утверждена кондаком католикоса Геворка V Суренянца [1]. Одновременно с этим назначени-

ем, викарием Новой Нахичевани был назначен архимандрит Иусик Зограбян, который также стал временным настоятелем монастыря Святой Крест (Сурб Хач) [2].

Начавшаяся после российских революций 1917 года Гражданская война ухудшила социально-экономическое положение не только русского народа, но и всех народов, проживающих в России. От гражданской войны пострадало также и армянство России, в особенности на Северном Кавказе, в Крыму, Новой Нахичевани, Астрахани и т.д. В 1917 г. «революционеры» конфисковали у армян крымский монастырь Сурб Хач, и лишь трудами архимандрита Муше удалось вернуть монастырь в лоно Армянской церкви. Для управления монастырем святой отец разработал монастырский устав. В своем послании на имя католикоса Геворка V он просил «разрешить применение устава до того времени пока Ваше Святейшество распорядится для управления всеми нашими монастырями разработать единый монастырский устав» [3].

Синод Св. Эчмиадзина, частично изменив разработанный архимандритом Муше монастырский устав Св. Креста и после утверждения Геворком V, отправил его архимандриту Муше [4].

Несмотря на то тяжелое положение, которое создалось в Новонахичеванской и Бессарабской епархии, необходимо было не терять связи епархии и Св. Эчмиадзина. 4 марта 1919 г. епархиальный викарий Ереванской патриаршей епархии епископ Хорен Мурадбекян послал в Новую Нахичевань 50 экземпляров церковного календаря и поставил об этом в известность Бессарабскую епархиальную консисторию [5].

В середине 1919 г. Св. Эчмиадзин посетил архимандрит Муше. Он рассказал о том, что не контролирует всю епархию, но в то же время категорически против, чтобы под главенством архимандрита Иусика Зограбяна, на оккупированных румынскими войсками Бессарабии, была создана отдельная епархия с бывшим епархиальным центром в городе Кишиневе. Святой отец говорил католикосу Геворку V следующее: «Дело в том, что Новонахичеванская и Бессарабская епархия в настоящее время разделена на такие нестабильные части, что очень трудно угадать, какие части епархии войдут в состав двух новоорганизованных епархий.

Представив состояние епархии за последние полтора года, пойдем, каким изменениям она подверглась, в связи с тем, что на ее территории были созданы независимые государства: Финляндия, Польша, Украина, Бессарабия, Крым, Совдепия и отношения между ними вконец расстроены или очень слабы. <...> Было время, когда Новонахичеванское викариатство также оказалось поделенным – небольшая ее часть осталась в руках правительства Войска Донского, а другая – Совдепии. Затем Украина, большая часть Дона, Крым и т.д. оказались в руках Совдепии. А ныне Область Войска Донского свободна от Совдепии. Крым частично свободен, Украина частично находится в руках Добровольческой армии, а большая часть Бессарабии захвачена

румьнской армией. Тем самым, на всей территории епархии созданы независимые правительства, существование которых имеет историю не многих лет, а всего-навсего нескольких дней, и встает вопрос оправдано ли основание новых епархий на просторах бывшей Новонахичеванской и Бессарабской епархии.

<...> Конечно, Ваше Святейшество должен сам решить и распорядиться, что является полезным, однако вопрос поднятый архимандритом Иусиком, явно носит преждевременный характер» [6].

Нежелание архимандрита Муше видеть Бессарабию объединенной с Румынией было связано с уверенностью в том, что Бессарабия вернется в состав России, что и произошло в 1940 году.

Тем не менее положение Новонахичеванской и Бессарабской епархии ежедневно ухудшалось. Это было связано с гражданской войной, боевые действия которой охватывали территорию епархии: Северный Кавказ, Новую Нахичевань, Крым, Украину, Бессарабию, переходя от красных к белым, затем от белых к красным и так до бесконечности.

От действий большевиков сильно страдало армянское верующее население, так как идеологией большевизма были безбожие и антирелигиозность.

В 1919 г. союзники оставили Крым и здесь была провозглашена Крымская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. Именно в это время большевики захватили все имущество крымского монастыря Св. Крест [7], после чего управление монастырем временно было передано некоему, до того неизвестному, Комитету [8].

За несколько дней до Пасхи 1919 г., красноармейцы, схватив настоятеля русского православного храма Георгия Победоносца в городе Армянске протоиерея Владимира Веселицкого, подвергли его мучительным пыткам, от чего священник умер.

Первого июля 1919 г. белогвардейцы захватили весь Крым и объявили его в составе правительства Юга России. О положении армян Крыма католикосу всех армян Геворку V сообщил постпред Республики Армении при командующем войск Юга России генерале А. Деникине О. Сагателян, который 20 сентября 1920 г. писал: «Армянство находящееся в границах властей южного Севастополя, оторванное от церковной власти – находящегося в Ростове временного управляющего епархией, осталось без духовного главы, а церковные и монастырские поместья и имущества без контроля и опеки... Необходимо назначение Вашим Святейшеством одного авторитетного церковнослужителя в должности временного викария, до того как возобновится сообщение с временным управляющим епархией и он получит возможность руководить всей епархией. Естественно, что с моей стороны он будет иметь всестороннюю поддержку» [9].

30 сентября 1920 г. Новонахичеванская и Бессарабская епархия была поделена на две части. Территория России, Украины и Белоруссии вошли

в состав Новонахичеванской епархии, а территория Бессарабии вошла в состав воссозданной Румынской епархии, которую возглавил архимандрит (в дальнейшем архиепископ) Иусик Зограбян. Об этом свидетельствуют кондаки католикоса Геворка V за № 546 от 20 сентября и за № 547 от 23 сентября 1920 г.

В ноябре 1920 г. после эвакуации белых войск из Крыма на европейской территории России Гражданская война завершилась и все территории бывшей Новонахичеванской и Бессарабской епархии, за исключением Бессарабии, вошли в состав Советского государства. Вскоре и Армения была советизирована и для Армянской апостольской церкви начались тяжелые и мрачные дни сопротивления идеологии безбожного государства.

Примечания

1. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 57. Оп. 2. Д. 2027. Л. 1.
2. Матенадаран им. М. Маштоца. Фонд «Канцелярия католикоса». П. № 239. Д. № 81.
3. НАА. Ф. 57. Оп. 2. Д. 2015. Л. 13.
4. Там же.
5. Матенадаран. П. 239. Д. 125.
6. НАА. Ф. 57. Оп. 2. Д. 2041. Л. 6–7.
7. НАА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2822; Ф. 57. Оп. 2. Д. 1785. Л. 1.
8. НАА. Ф. 57. Оп. 2. Д. 2015. Л. 8.
9. Там же. Д. 2056. Л. 1–2.

И.А. Суздальцева, Д.В. Аганесова

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ КИЗЛЯРА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

С XVIII в. в низовьях реки Терек шел процесс формирования армянских общин, которые пользовались поддержкой российского правительства. Петровские указы 1711, 1719, 1720 гг. предоставляли представителям армянских торговых кругов значительные привилегии [1]. Поощряя приток армян в Россию, Петр I в 1711 г. предписывал, что Сенат должен «... армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» [2].

Поощряя торгово-экономическое развитие Притеречья, российские власти поощряли переселение сюда армян. Наиболее многочисленная армянская община сложилась в г. Кизляре, основанном в 1735 г. Уже в первое

десятилетие жизни города комендант распорядился освободить армян, переселенных из Ирана, Турции и Закавказья, от постоя солдат и не привлекать их к государственным работам в городе и вне его [3].

В 1744 г. Правительствующий Сенат принял решение расселить всех «инородцев» в Кизляре по отдельным слободам [4]. Это гарантировало этническим общинам возможность самоуправления. Армянская община – самая крупная в Кизляре – получила возможность решать вопросы внутренней жизни под руководством избранного старшины и под контролем коменданта и гражданской конторы. В том же году указами Сената армянам предоставлялись привилегии при поступлении на военную службу, при строительстве домов, предоставлении земель и участков в окрестностях Кизляра [4].

Во второй половине XVIII в. правительство России продолжало политику по привлечению в край переселенцев из Закавказья. Так, указом от 8 июля 1771 г. Сенат распорядился не ущемлять прежние права и привилегии кизлярских армян [5].

В 80-х гг. XVIII в. ряд императорских указов, направленных кавказским властям, содержал круг привилегий, пожалованных иностранцам, принявшим российское подданство, с условием, что они не будут противоречить общегосударственным законам и окажут содействие росту политического и экономического потенциала империи. Указы 1783 и 1784 гг. разрешали утверждение армянских магистратов и суда. В 1785 г. был обнародован манифест, обещавший народам, приглашенным в Кавказскую губернию, пристанище, право на свободное вероисповедание, занятие торговлей, ремеслом и промыслами. Переселенцы на 6 лет освобождались от государственных налогов, а по истечении этого срока они могли остаться или уйти с условием выплаты налога в течение трех лет [5].

Согласно Жалованной грамоте от 28 октября 1799 г., в Астрахани, Кизляре и Моздоке все армяне должны были считаться «временноподданными» Российской империи. Им предписывалось «суд и расправу» вести в соответствии с национальными традициями и обычаями, на общих принципах азиатского суда, утвержденного в Астрахани, через членов общины, избранных специально для этого. Суд должен был функционировать под надзором губернского правления и губернатора. Армянских купцов, проживавших в упоминаемых городах, освобождали от приписки к купеческим гильдиям [6]. Жалованная грамота, дарованная кизлярским армянам, предоставляла им право арендовать земли и угодья в окрестностях Кизляра с условием уплаты земельного налога. На таких же условиях разрешалось пользоваться местами для рыбной ловли. Грамота жаловала право вести свободную беспошлинную торговлю всеми регламентированными товарами собственного производства в России и за ее границами, но с условием уплаты пошлины, предусмотренной торговым положением [7]. Кизлярская армянская община должна была пользоваться предоставленными землями на правах арен-

ды, уплачивая соответствующий земельный налог. Переселенцам из Дербента и Мушкура предоставлялось освобождение от всех видов налогов и государственных повинностей сроком на 10 лет, после чего купцы обязаны были платить налог в размере 10 % от своего капитала, а горожане и ремесленники – по 2 рубля с семьи. Земледельцам предписывалось платить по 5 копеек в год с каждой из 30 предоставленных им десятин [7].

В Жалованной грамоте от 28 октября 1799 г. были четко очерчены рамки привилегий, дарованных армянской общине, но особо оговаривались права и привилегии торгово-промышленного сословия, что объясняется той пользой, которую государство намерено было получить от экономической деятельности его представителей. В грамоте были учтены и интересы духовенства. Духовному предводителю российских армян разрешалось свободно исповедовать армянскую религию, строить церкви и монастыри [8].

Жалованная грамота 1799 г. даровала армянам право на самоуправление. В 1800 г. был учрежден армянский суд в Кизляре. Иногда его именовали в документах «Кизлярский ратгауз». Как и другие ратгаузы, он являлся органом местного самоуправления, рассматривал финансовые и судебные вопросы. Содержание суда, его канцелярии и делопроизводителя было возложено на армянскую общину. Суд рассматривал споры и иски по разнообразным вопросам, возникавшим в общине. Суд извещал спорящих о принятом решении, а они были обязаны в течение 8 дней после получения под расписку решения суда ответить согласием или несогласием относительно принятого решения. Если кто-либо был неудовлетворен результатами расследования, мог опротестовать приговор в Кавказском областном управлении, а если и этот орган не удовлетворял чаяниям просителя, то он мог обратиться в Правительствующий Сенат. По указу от 29 апреля 1802 г. решения армянского суда не подлежали опротестованию или пересмотру со стороны губернского правления, которому отводилась лишь роль защитника армянского суда, осуществлявшего контроль его деятельности [9].

Армянский суд Кизляра пользовался широкими правами. Он рассматривал судебные дела, руководил и текущей жизнью общины, следил за сбором налогов, решал правовые и административно-хозяйственные вопросы. До ликвидации армянского суда в 1838 г. в его юрисдикцию входила и выдача купеческих паспортов. Судопроизводство и всё делопроизводство велось на армянском языке на основе «Армянского судебника», который впервые стал использоваться астраханскими армянами в 1746 г. Судьи старались примирить враждующие стороны, обращаясь к помощи посредников (медиаторов) [10]. Судебные дела рассматривались согласно национальным обычаям и нормам права, приговоры выносились по совести [11].

Армянский суд включал главного судью и двух его заместителей, избираемых, с учетом имущественного ценза, из представителей различных слоев населения на один год. Кроме того, на том же собрании избирались два кан-

дидата на роль судьи и четыре кандидата на роль его заместителей (заседателей). В армянском суде присутствовало еще одно лицо – стряпчий (делопроизводитель), который назначался местными российскими властями из числа русского населения. Его роль сводилась к тому, чтобы следить за порядком судопроизводства, не вмешиваясь в его ход.

Армянский суд в Кизляре был упразднен по указу Государственного Совета от 24 марта 1840 г. «О ликвидации действующих в Астрахани, Кизляре и Моздоке особых армянских судов». Местным армянам было предписано пользоваться общими судами. В случае необходимости им разрешалось избирать из числа армянской общины посредников – представителей для разрешения споров и жалоб на принципах третейского суда [12].

Таким образом, особенностью правового положения армянской общины Кизляра в XVIII – первой половине XIX в. было наличие льгот, которые защищали экономические интересы армян в Российской империи, предоставляли им свободу вероисповедания, права самоуправления и суда. Важную роль в сохранении привилегированного положения армянской общины Кизляра сыграла Жалованная грамота Павла I от 28 октября 1799 г. В первой половине XIX в. российские власти признали, что привилегии, данные переселенцам в XVIII в., не могут быть бессрочными, и начали выработку мероприятий, направленных на уравнивание в правах всех граждан империи.

Примечания

1. *Суздальцева И.А.* Восточная политика России и начало массовой миграции армян в прикаспийские районы Дагестана в первой четверти XVIII в. // Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 2006. С. 143.

2. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сб. документов / под ред. А. Иоаннисяна. Т. 2. Ч. 1. Ереван, 1964. С. 42.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Кн. 470. Д. 65. Л. 871.

4. Там же. Оп. 12. Кн. 672. Д. 112. Л. 735об.

5. Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 618. Л. 1–4об.

6. *Хачатурян В.А.* Административно-правовое положение астраханских армян // Известия АН Армянской ССР. 1963. № 2. С. 61–65.

7. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 1. Москва, 1833–1838. С. 205.

8. *Аганесова Д.В., Суздальцева И.А.* Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 2007. С. 112.

9. *Погосян Л.А.* Армянские поселения Северного Кавказа (начало XVIII – 1920 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1990. С. 125.

10. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 3. Д. 155. Л. 29–30.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 3. Д. 176. Л. 7–7об.

12. *Хачатурян В.* Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII в. // Известия АН Армянской ССР (общественные науки). 1965. № 7. С. 142.

С.Я. Суций

СОЦИОПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ АРМЯН РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕНДЕНЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛАХ РЯДА СТАТУСНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ)¹

Армянская община, появление которой на Дону относится к последней четверти XVIII в., – одно из наиболее укоренных национальных сообществ регионального социума. В настоящее время в демографическом рейтинге народов области армяне занимают вторую позицию, уступая только русскому большинству. При этом диаспора обладает весомым социально-экономическим и социокультурным потенциалом, продолжая его наращивать и расширяя свое присутствие в статусных профессиональных сообществах региона.

Исследование уровня включенности армян в данные статусные иерархии представляет несомненный интерес, однако в силу закрытого характера информации о национальной принадлежности их сотрудников предполагает использование нестандартного методического подхода. В качестве такового нам представилось возможным использовать анализ именных данных (имени, отчества, фамилии) персонала ряда социопрофессиональных корпораций Ростова-на-Дону и области. Методика исследования была детально представлена в публикации [1].

Сфера здравоохранения. Как показало исследование, данная сфера деятельности является весьма привлекательной для представителей общины. Анализ штатного персонала 10 районных поликлиник региональной столицы обнаружил, что армяне составляют в них 11,9 % (40 из 337) специалистов [2], что было в 3,1 раза больше удельного веса общины в структуре населения Ростова. Причем привлекательность отдельных врачебных специализаций

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Армянская община Дона в новейший период: история, институты, идентичность» (АААА-А18-118022790047-1).

для представителей местного армянского населения колебалась в широком диапазоне. С достаточной уверенностью можно говорить о привлекательности для армян профессии стоматолога-ортопеда или гинеколога – к ним соответственно относилось 15,1 % (21 из 139 человек) и 7,6 % (50 из 661) специалистов, работавших в донской столице. Но и в менее востребованных армянами медицинских специализациях их присутствие было выше, чем в структуре всего населения, – так, среди терапевтов Ростова армяне составляли 3,9% (14 из 358 специалистов), среди анестезиологов-реаниматологов 5,8% (7 из 120) [3].

Высшая школа и наука. Преподавательская деятельность и сфера научных разработок привлекала представителей общины в меньшей степени. Однако социальный статус ученого, как и вузовского преподавателя, в современном российском обществе остается достаточно высоким. И потому уровень присутствия армян в вузовском и научном профессиональных сообществах области в постсоветский период постепенно возрастал и в настоящее время во многих учебных заведениях заметно превышает удельное представительство остального населения (табл. 1).

Таблица 1

Армяне в составе штатного персонала ряда вузов Ростова-на-Дону [4]

Вузы	Число сотрудников, чел.		Доля (%)		Уровень представленности*	
	А**	О**	А	О	А	О
ЮФУ	108	3865	2,7	97,3	1,05	1,0
ДГТУ	48	1178	3,9	96,1	1,52	0,99
РИНХ	17	482	3,5	96,5	1,37	0,99

Примечания. ЮФУ – Южный федеральный университет; ДГТУ – Донской государственный технологический университет; РГЭА (РИНХ) – Ростовская государственная экономическая академия.

* Отношение доли представителей этнической группы (полиэтничного множества) в данном профессиональном сообществе к доле этой группы в составе всего населения данного центра (региона).

** А – армяне; О – остальное население.

Показательно также, что из 674 «остепененных» жителей области, представлявших народы Кавказского макрорегиона, 505 чел. (74,9 %) являлись армянами. По удельному весу лиц с научной степенью (4,53 чел. на тысячу человек) донская община превосходила местное русское население (3,99) и большинство других национальных сообществ региона.

Судебная и правоохранительная система. Уровень интереса представителей общины к отдельным профессиональным сегментам судебно-правоохранительной сферы заметно различался. К профессиям, привлекавшим армян, относилась, в частности, адвокатская деятельность. В областном адвокатском сообществе их доля в 2016 г. составляла 6,2% (177 из 2870 чел.) [5], что было существенно выше удельного веса общины в структуре всего населения. Вместе с тем минимальное присутствие армян обнаруживается среди сотрудников прокуратуры и штатного персонала судов. В группе мировых судей областной столицы (54 чел.) в 2016 г. вообще не было представителей общины. Но в других городах и районах Ростовской области таковых было 5 человек (из 110 мировых судей) [6]. Таким образом, положение могло существенно различаться не только по отдельным сегментам судебной системы, но и по различным центрам и территориям.

Высоким уровнем материального обеспечения сотрудников и широкими служебными возможностями привлекала донских армян и система МВД. Однако наиболее весомой их представленность была только в полицейских отделах региональной столицы. Среди участковых полицейских Ростова доля армян составляла 12,4 % (25 из 201), т. е. была почти в 3,3 раза выше, чем у остального населения города [7]. При этом в двух других крупных центрах области (Волгодонске и Таганроге), несмотря на наличие крупных территориальных общин, армян среди городских участковых не было вообще, и только один (из 56 участковых) был зафиксирован в Новочеркаске.

Административно-управленческая сфера. Социально-политическая стабилизация России начала XXI в. была связана не только с укреплением ее административно-управленческой вертикали и количественным ростом бюрократической прослойки, но и с повышением статусных позиций российских чиновников, опережающим (в сравнении с другими профессиональными корпорациями) подъемом уровня их материального обеспечения. Обладание административным ресурсом зачастую превращалось в центральный фактор успешности экономической и любой другой деятельности. В такой ситуации профессиональная карьера в системе управления становилась привлекательной для представителей всех социальных групп и всех национальностей российского общества.

Показательна динамика присутствия армян в Законодательном собрании Ростовской области. Если среди депутатов первого созыва (1993 г.) представителей общины не было; второго (1998 г.) и третьего (2003 г.) – имелось по одному человеку, то в депутатском корпусе четвертого созыва (2008 г.) таковых было двое, а пятого (2013 г.) – уже пятеро (10 % от общего числа) [8]. Это позволяет констатировать известную успешность «похода» представителей областной общины в региональную законодательную власть. Данный успех был поддержан и на уровне городской Думы областной столицы, в двух по-

следних (5-м и 6-м) созывах которой ростовские армяне были представлены соответственно тремя и двумя депутатами [9].

Однако анализ персонального состава верхних этажей исполнительной вертикали области аналогичной тенденции не обнаруживает. Представителей общины не было на уровне областного правительства (среди заместителей губернатора и министров – общим число более 20 чел.). А из 340 сотрудников различных структурных подразделений правительства области армян было только пятеро (т. е. 0,69 % – в 1,5 раза ниже их доли в структуре населения) [10]. За исключением Мясниковского района армяне не присутствовали и среди руководителей городских и районных муниципальных образований области (54 единицы).

Впрочем, не исключено, что данное положение является временным, пока на высшие этажи региональных структур исполнительной власти не начнут выходить многочисленные представители общины, начавшие профессиональную карьеру в последние 10–15 лет и в настоящее время всё еще занимающие в своих иерархиях нижние и средние должностные уровни.

Итак, в настоящее время донские армяне наиболее весомо представлены в медицинском профессиональном сообществе области, ее высшей школе, адвокатуре и в некоторых других сегментах судебно-правоохранительной системы, а также в органах законодательной власти. А с учетом национальной структуры нового кадрового пополнения этих и ряда других региональных профессиональных иерархий можно с большой вероятностью ожидать в среднесрочной и более отдаленной перспективе дальнейшего роста совокупного статусного потенциала областной общины.

Примечания

1. *Суцкий С.Я.* Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 3–16.

2. Поликлиники Ростова-на-Дону. URL: <http://61med.ru/polikliniki-rostov-na-donu>

3. Врачи в Ростове-на-Дону. URL: <https://prodoctorov.ru/rostov-na-donu/vrach/>

4. Данные собраны с сайтов: http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UNI/N11900/D; <http://www.donstu.ru/structure/science-education/>, <https://rsue.ru/sveden/common/>

5. Адвокатская палата и Реестр адвокатов: Ростовская область. URL: <https://pravorub.ru/ap/61/>

6. Мировые судьи Ростова и области. URL: <http://garant-rostovdon.ru/news/mirovye-sudi-g-rostov-na-donu-i-rostovskoj-oblasti/>

7. МВД, полиция и участковые Ростова-на-Дону. URL: <http://rndnow.ru/police/loca>

8. Законодательное собрание Ростовской области. URL: <http://zsro.ru/about/history/deputies/>
9. Депутаты Ростовской-на-Дону городской Думы. URL: <http://rostov-gorod.ru/citymanagment/citycouncil/deputies/acting/>
10. Правительство Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/Pravitelstvo/Struktura/?pageid=78515>

В.А. Тер-Акопьян

ХАРАКТЕРИСТИКА АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

В Российской Федерации на протяжении последних лет реализуется последовательная, выверенная государственная политика, позволяющая жителям многонациональной страны почувствовать единство, духовные связи и ценности, которые являются общими для всех людей, проживающих в России, независимо от национальности. Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). На территории РФ используется 277 языков, 36 языков применяются в государственной системе образования, 25 – как факультативные [1].

На территории России диаспоры образовывались вследствие ряда причин – миграций, кризисных ситуаций, передела государственных границ. Армянская диаспора является одной из самых многочисленных в России: по числу культурных и общественно-политических объединений в регионах России занимает 4-е место после евреев, украинцев и татар. Ее формирование охватывает несколько веков, начиная с переселения армян Екатериной из Крыма на Дон. Многие историки и ученые считают, что поворотным рубежом в истории Армении явился 301 г., так как именно в этом году Армения первой приняла христианство в качестве государственной религии [2]. Маршрут распространения христианского вероучения в IV–IX вв. приобрел преимущественно вектор движения на Запад, в результате чего Армения на долгий период заняла позицию периферии христианского мира. Данное обстоятельство, на взгляд большинства исследователей, сыграло ключевую роль в дальнейшей судьбе армян: в окружении народов других конфессий армянский народ постепенно начали «выталкивать» с его исторических территорий, в результате чего происходило рассеивание армян по всем странам и направлениям. Существует распространенное мнение о том, что как таковая армянская диаспора берет свое начало с XIV в., что связано с вторжением

орд Тимура в пределы Армении и истреблением огромной части населения. Но следует также добавить, что причиной переселения армян в другие страны и континенты являлись не только насилие и нужда, но и экономические мотивы.

Таким образом, испокон веков эмиграция армян приводила к тому, что в разных странах и частях света возникали и развивались армянские общины, ставшие основой, на которой и образовалась современная армянская диаспора. Одна из таких общин обосновалась и на территории Киевской Руси и позже – Московского княжества. Изучая историю Московского княжества, неоднократно можно натолкнуться на сведения об армянских купцах, врачах и об армянской улице в Москве. Причем численность армянского населения в Московском государстве, а далее в Российской империи постепенно возрастала. Здесь нельзя не упомянуть об указе Петра I следующего содержания: «Армян как возможно обласкать и облегчить в чем пристойно, дабы дать охоту для большего их приезда» [3]. Уместно здесь вспомнить и указ Екатерины II о переселении крымских армян на Донскую землю, что дало толчок к развитию нынешней территории Ростовской области, основанию города Нахичевани-на-Дону и других населенных пунктов.

Укрупнение армянской диаспоры и рост численности армян в России тесно связаны с важными событиями:

- с присоединением в 1917 г. первой Армянской Республики к РСФСР, что привело к стиранию границ на постсоветском пространстве и легкости переселения из Армении в РСФСР, преимущественно на территории современной Ростовской области, Краснодарского края, Ставропольского края, а также города Москвы;

- с развалом Советского Союза и вместе с ней армянской экономики, что стало поводом для миграции большого количества жителей новообразованной Республики Армения на территорию современной Российской Федерации.

Количественная характеристика армянской диаспоры в мире дана Институтом экономических исследований Министерства экономики Республики Армения и может быть представлена следующим образом: после развала Советского Союза в 1991–1995 гг. из Армении выехало 677 тыс. чел., что составляет примерно 18 % от числа постоянного населения. Диаспора к настоящему времени насчитывает около 10 млн чел. (почти в 3 раза больше численности армян в самой республике), которые проживают примерно в 70 странах мира [4].

Не затрагивая духовный аспект взаимосвязей, коснемся экономического взаимодействия армянской диаспоры с государством, которое выражается в следующих показателях: экономические связи – инвестиции, денежные переводы, экспорт востребованных за рубежом товаров, аутсорсинг, деловые контакты, туризм (в 2012 г. трансферты и прямые инвестиции состави-

ли около 1 млрд долл.); благотворительность; политические связи – посреднические услуги и лоббирование интересов Республики Армения в России; интеллектуальное сотрудничество – обмен специалистами, технологиями и опытом; взаимодействие в области социальной сферы и культуры.

Экономические процессы, охватывающие различные слои общественных отношений, являются фундаментом существования общества, а различные двусторонние связи между диаспорой и Арменией поддерживают ее духовную близость с исторической Родиной. Сравнивая армянскую диаспору в России с мировой армянской диаспорой, стоит отметить, что она на данный момент в недостаточной степени активна и не имеет такого веса и влияния на политические процессы в Армении и России, какой, например, имеет армянская диаспора в США. Из статистических данных, которые были собраны посредством социальных сетей и методов статистического анализа, можно увидеть, что более 80 % армян в России не состоят в армянских организациях, а показатели посещаемости культурных мероприятий составили 30 % (самый высокий показатель по посещаемости в Москве – 35 %). Одной из причин, объясняющих пассивность армянской диаспоры в России, ее слабую организованность и влияние на политические круги, является ее относительно небольшой возраст как организованной структуры – всего 20–25 лет. Сравнивая ее с диаспорой в США, которая зародилась в начале XX в. и далее активно развивалась, мы можем выявить, почему потенциал и влияние последней намного превышают потенциал армянской национальной диаспоры в России. Здесь следует добавить, что армянам России было бы правильно проявлять большую активность в общественных процессах страны, так как роль диаспоры во многом может определить ход отношений между Арменией и Россией, а также между Россией и геополитическими конкурентами Армении – Турцией и Азербайджаном. У армянской диаспоры России хотя и имеются свои представители в высших органах власти, в крупном бизнесе и других сферах, но способность повлиять на политику российских властей находится на минимальном уровне. По различным экспертным оценкам, потенциал армянской национальной диаспоры в России, как связующего звена между Россией и Арменией, инструмента лоббирования интересов Республики Армения, не востребован в полной мере и используется наименее эффективно, чем тот же потенциал армянских общин в третьих странах. И это несмотря на то, что именно в России проживает самая большая армянская община во всей диаспоре.

Отметим, что к настоящему времени происходит качественная трансформация армянской диаспоры, позитивно влияющая на восприятие важности роли армянской диаспоры, разбросанной в различных регионах и областях Российской Федерации. Но для того, чтобы Союз армян России (САР) действительно играл главенствующую роль во всей сети армянских общин в России, необходимо объединение разрозненных общин в единое целое, име-

ющее единую структуру, программы, информационную базу, а также предоставление услуг представителям армянской диаспоры за счет финансирования из фонда САР. Особое внимание следует уделить вопросам улучшения информационного обмена и обеспечения, что позволит отделениям армянской диаспоры в России более слаженно действовать в связи с теми или иными ситуациями и более эффективно решать те или иные проблемы.

Для совершенствования деятельности армянской диаспоры в России необходимо провести немалую работу, в которую мы бы включили следующие мероприятия и задачи: расширение персонала, занимающегося оперативными, стратегическими, консультационными и другими вопросами; улучшение экспертного и организационного сопровождения деятельности САР; расширение информационного и консультационного обеспечения армян – выходцев из Армении и других стран; создание интернет-сайта армянской диаспоры России; привлечение учителей, деятелей культуры, крупных бизнесменов к участию в различных программах и мероприятиях САР; формирование стратегии развития САР; налаживание отношений с крупными представителями бизнеса, которые по национальности являются армянами, но по тем или иным причинам, в частности из-за информационной необеспеченности о деятельности армянской общины, не участвуют в делах армянской диаспоры и т.д.

Несмотря на то что армянская диаспора России находится в стадии становления, нельзя не отметить определенное влияние, оказываемое ею на состояние и развитие российско-армянских отношений.

Примечания

1. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/.../perepis_itogi1612.htm
2. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сборник документов. Ереван, 1964.
3. Воробьев В. Указ Петра выполнен // Российская газета. 2003. 7 октября.
4. Агаян Ц.П. Россия в судьбах армян и Армении. М., 1994.
5. Ананян Ж.А., Хачатурян В.А. Армянские общины России. Ереван, 2013.

А.Е. Тер-Саркисянц

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АРМЯН В КРЫМУ

Основные миграции армян в Крым относятся к XI–XIV вв., когда сюда хлынул поток армянских беженцев из Армении после завоевания ее сначала турками-сельджуками, затем монголами. Армяне направлялись главным об-

разом в города Кафу, Сурхат, Ак-Мечеть, Гезлев, Карасубазар, Сугдею. Они основали в Крыму города Казарапат и позднее, вместе с греками, – Орабазар (совр. Армянск). В стену до сих пор сохранившейся в Феодосии церкви XIV в. Сурб Саркис вставлена плита с армянской надписью XI в. Примерно к этому же периоду относится немало других армянских архитектурных памятников, надгробных плит, рукописей из Кафы, Судака и иных мест Крыма.

В XIV–XVIII вв. среди населявших Крым народов армяне занимали второе место после крымских татар. По генуэзским источникам, в одной только Кафе в середине 70-х гг. XV в. из 70 тыс. жителей около 47 тыс. были армяне. Поэтому, а также благодаря той значительной роли, которую армяне играли в экономической и политической жизни Крыма, юго-восточную часть полуострова в Средние века называли Морской Арменией (*Armenia maritima*) [1]. Именно так она, по словам Н.Я. Марра, значилась на генуэзской карте XIII в. [2]. Постепенно армянские купцы в Крыму, наряду с генуэзскими, сосредоточили в своих руках всю внутреннюю и транзитную торговлю между Западом и Востоком. Со второй половины XIV в. они принимали деятельное участие в торговле с Москвой, где основали особое купеческое сословие – «гости-сурожане». «Сурожский двор» имелся также в Новгороде Великом. Через посредство армянских купцов московские и тверские купцы торговали с Арменией, Ираном, Турцией. Крымские армяне ввозили в Россию шелковые ткани, вино, сахар, мыло, ладан, восточные пряности, а вывозили главным образом меха.

Со второй половины XV в. большое значение приобретает дипломатическая деятельность крымских армян, в XVI–XVII вв. они неоднократно выступали в роли посредников между Москвой и Бахчисараем, а также турецким пашой в Азове, принимали участие в русско-турецких переговорах, в том числе и в роли толмачей (переводчиков) [3].

Крымские армяне успешно развивали сельское хозяйство, в частности виноградарство, садоводство. Они заслужили также славу хороших ювелиров, оружейников, кузнецов, строителей, каменотесов, гончаров, виноделов.

Но после вторжения в 1475 г. турок в Крым и установления там владычества Османской империи значительная часть христианского населения – армян, греков, генуэзцев – покинула полуостров, что привело к резкому сокращению их в Крыму. Даже позднее, в XVII в., когда ситуация там относительно стабилизировалась и туда стали переселяться новые поселенцы из Армении, численность армян, в частности в Кафе, уже не составляла и одной десятой прежде проживавших в этом городе армян. Лишь позднее их общины стали пополняться выходцами из Армении, Турции, России.

После того как в соответствии с указом Екатерины II 1778 г. правительство вывело армян вместе с другими христианами из Крыма в Россию, экономика и культурная жизнь полуострова некоторое время переживали упадок. Такое положение продолжалось и после присоединения Крыма к России

в 1783 г. Поэтому вскоре после этого правительство стало предпринимать попытки вновь заселить Крым христианскими переселенцами. Согласно царскому Манифесту от 13 февраля 1798 г., всем иностранцам (без учета национальности и сословия, с освобождением от воинской обязанности) разрешалось селиться в любом месте полуострова, кроме военного порта Севастополь. Но еще до этого манифеста многие армяне возвратились в Крым. За ними сохранялись все привилегии, дарованные им правительством ранее, а в Старом Крыму им было даже разрешено учредить свой магистрат, который был открыт в 1805 г. [4].

Постепенно численность армян в Крыму стала вновь увеличиваться, во многом за счет беженцев из Турции. Так, к концу XIX в. она составила 10 тыс., а к 1919 г. возросла до 19 тыс. чел. [5].

С XII и до начала XX в. армяне выстроили в Крыму 13 монастырей и 51 церковь, часть из которых сохранилась до наших дней. Наиболее известны из них монастырь Сурб Хач (1358 г.) в Старом Крыму, церкви Сурб Саркис (1330 г.) в Феодосии и Сурб Рипсима (1909–1917) в Ялте. Верные своим традициям, армяне и в Крыму прославились тонким искусством книжной миниатюры и рукописи. До наших дней дошло около 300 армянских рукописных книг, написанных в разных городах и монастырях Восточного Крыма; более ста из них относятся к XIV–XV вв. Ценность этих манускриптов заключается не только в содержащихся в них многочисленных достоверных исторических фактов (поскольку писались очевидцами конкретных событий), но и в том, что большинство из них иллюстрированы красочными миниатюрами. Однако эти рукописные книги составляют только часть созданных крымскими армянами манускриптов, поскольку многие из них были уничтожены завоевателями и грабителями, а также вывезены в разные страны.

Сохранению и развитию культурного наследия крымских армян способствовали начиная с XI в. армянские школы. Особенно прославилось училище Халибяна в Феодосии (1858–1871), основанное по инициативе архиепископа Габриэла Константиновича Айвазовского (1812–1880) и на средства купца и городского головы Нахичевани-на-Дону Артемия Павловича Халибяна (1790–1871), именем которого оно было названо. При этом училище была основана типография, в которой издавали учебники, художественную, историческую литературу, в том числе и переводную, церковные книги и словари. С именем Габриэла Айвазовского связано возникновение в Крыму армянской периодической печати. Здесь он продолжил начатое им в Париже издание журнала «Голубь Масиса», выходившего в свет в Феодосии в 60-е гг. XIX в. на русском, армянском и французском языках. В 70-е гг. там же издавался журнал «Воспитатель». К 1881 г. в Таврической губернии, куда входил Крым, было 26 армянских школ, в которых обучалось 1500 учеников.

Известными деятелями культуры армянских общин в Крыму были поэты Григор Кафаеци (XV в.), Симон Кафаеци и Хаспик (XVII в.), видные мастера

книжной миниатюры Григор Сукиасянц, Натер и его сыновья Аветис и Степанос (XIV в.), Акоп Крымечи (конец XIV – начало XV в.), в XIX – начале XX в. – знаменитый художник-маринист Иван Айвазовский и его старший брат Габриэл Айвазовский, художники Вардгес Суренянц, Эммануил Магдесян, композиторы Александр Спендиаров, Христофор Кара-Мурза, поэт Геворк Додохян и др. В Крыму родился будущий адмирал Военно-морского флота Российской империи Лазарь Маркович Серебряков (Арцатагорцян).

Заметную роль крымские армяне сыграли в развитии экономики России: многие фабриканты и торговцы входили в состав городских гильдий и компаний, были крупными банкирами. Армяне активно участвовали в общественно-политической жизни Крыма. Так, в период Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) они помогали русской армии, связывая перспективы своего благополучия с победой России. Во время Крымской войны (1853–1856 гг.) армянское купечество взяло на себя значительную часть обеспечения военных нужд осажденного Севастополя. По проекту Н. Ахвердяна в 1901 г. в Симферополе впервые в Крыму было проведено уличное электрическое освещение. Особенно велики были заслуги И.К. Айвазовского, который оказал материальное содействие и строительству железной дороги Феодосия – Джанкой, и переоборудованию Феодосийского порта. В 1898 г. по его инициативе и материальной поддержке Феодосия была обеспечена питьевой водой. В построенном по его проекту доме он открыл восточный зал. Сейчас в этом доме открыта национальная картинная галерея им. И.К. Айвазовского, в которой экспонируются завещанные им Феодосии около 400 его полотен.

В 1944 г. вслед за крымскими татарами были насильственно депортированы и около 11 тыс. крымских армян. С этого времени армянская община в Крыму практически прекратила свое существование. Вновь армяне стали селиться в Крыму с 1960-х гг. По переписи 1989 г. численность их составляла 2794 чел.

С конца 1980-х гг. в Крыму начался процесс возрождения национальных традиций, когда было учреждено Крымское армянское общество «Луйс» («Свет»). Общество провело большую работу, помогая армянским беженцам из Азербайджана, реставрируя архитектурные памятники в Крыму, организовало ряд культурных акций: дни И. Айвазовского и А. Спендиарова, выставку армянской миниатюры в Париже, в 1993 г. – дни армянского театрального и музыкального искусства; в 1997 г. – широкомасштабный праздник, посвященный братьям Айвазовским, весной 1999 г. в Симферополе был установлен им памятник. В 2001 г. совместно с русской общиной Крыма была организована встреча на тему «Диалог двух культур» и фотовыставка памятников армянской архитектуры в Крыму. Фонд А. Спендиарова в Ялте провел празднование 130-летия со дня рождения композитора.

С 1990 г. начат выпуск ежемесячной газеты «Голубь Масиса», с 1996 г. – историко-литературного журнала «Сурб Хач». Популярностью у мест-

ных армян пользуются еженедельная телевизионная программа «Барев!» («Здравствуй!») и радиопередача на русском и армянском языках. По данным Всеукраинской переписи 2001 г., из общей численности населения Крыма – 2024 тыс. чел. – армяне составляли 8,7 тыс. чел. (0,4 %).

Примечания

1. *Абрамян А.Г.* Краткий очерк истории армянских переселенческих очагов. Т. 1. Ереван, 1964. С. 169. (на арм. яз.).
2. *Март Н.Я.* Батум, Ардаган, Карс. Исторический узел межнациональных отношений Кавказа. Петроград, 1922. С. 55.
3. *Агаян Ц.П.* Россия в судьбах армян и Армении. М., 1994. С. 44–46.
4. *Ананян Ж., Хачатурян В.* Армянские общины России. Ереван, 1993. С. 57.
5. *Агаян Ц.П.* Указ. соч. С. 159–161.

Р.Г. Тикиджьян

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1920 ГГ. НА ДОНУ И ЮГЕ РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М.С. ШАГИНЯН «ПЕРЕМЕНА»

М.С. Шагинян (1888–1982), наша известная землячка, писательница и журналист, прожив долгую и сложную жизнь, являлась современником глобальных исторических событий и судьбоносных социальных перемен в Российском государстве, войн и революций, крушения старого и строительства нового общества. При этом она была не просто сторонним наблюдателем, а реальным участником событий, стремилась познать изнутри эти непростые процессы.

В годы мировой империалистической войны и революции, в период 1915–1920 гг., М.С. Шагинян была вынуждена вернуться в родную Нахичевань-на-Дону. Здесь, на юге России, накануне и в период революционных катаклизмов широко раскрываются ее таланты, она является корреспондентом таких газет, как «Приазовский край», «Черноморское побережье», «Трудовая речь», «Кавказское слово», «Баку». Она часто бывает в командировках, своими глазами видит события революции и гражданской войны [1]. Итогом этой работы и личных переживаний вскоре станет первый ее проект романа, впоследствии повести-были «Перемена».

Написанная по материалам дневниковых записей и еще свежим эмоциональным личным впечатлениям, повесть глубоко и достаточно подробно

раскрывает исторические события и ощущения этой величественной и трагической эпохи. Писательница вспоминала: «...уже в 1922 году я усаживаюсь за дневники и пишу по ним первую свою настоящую реалистическую вещь о гражданской войне, “Перемену”...» [2]. Для нас представляют интерес важные замечания и суждения, сделанные М.С. Шагинян о различных видах источников, использованных в работе над повестью. Внимательное прочтение текстов произведения показывает, что здесь отражены не только материалы дневников и личные воспоминания. Важны, например, ее наблюдения и беседы с активными участниками реальных событий тех лет, известными большевиками, товарищами ее мужа Е. Лукашиным и А. Мясниковым, творческой интеллигенцией г. Ростова и Нахичевани, Тифлиса и Баку. Являясь корреспондентом ведущих газет Дона и юга России, М.С. Шагинян имела возможность рабочих командировок по региону, широкий доступ к редакционной почте и газетным статьям политического содержания, публиковавшимся политическим воззваниям, правовым и законодательным актам, другим важным источникам информации.

Внимательные читатели и исследователи ее творчества легко заметят, что неоднократно и непосредственно включаются автором в литературное повествование «Перемены» разнообразные материалы местной прессы (газет «Приазовский край», «Донские войсковые ведомости», «Донская речь» и др.), указы и постановления казачьего Войскового круга, решения мэрии г. Ростова-на-Дону. Представляют большой интерес и непосредственно ее личные наблюдения как писателя и публициста, имеющего классическое историко-философское образование, знающего социально-экономическую ситуацию, особенности бытовой и общественно-политической жизни различных слоев и этнических групп казачьего и неказачьего населения области Войска Донского, г. Нахичевани и Ростова-на-Дону, Тифлиса и Баку.

В контексте определения исторической достоверности событий в их авторской интерпретации считаем весьма важным обратить внимание на то, что сама М.С. Шагинян сочла необходимым снабдить отдельное издание повести «Перемена» в 1932 г. характеристикой «быль» и соответствующим специальным подробным предисловием. В нем она подробно разъяснила свою позицию, подчеркнув, что под «переменой» понимается глубокий «сдвиг» – революция и гражданская война, и нигде в России она не была «такою сплошной и беспередышной, как на Юге». Сама писательница в заключении к предисловию подчеркивала, что «в этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной непережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и “сдвинула” пространство» [3]. События февраля 1917 г. – марта 1920 г. в Нахичевани и Ростове, казачьем Новочеркасске достаточно профессионально поданы автором как в общероссийском, так южнороссийском контексте. Весьма точно и глубоко дано, например, описание политической ситуации на Кавказе.

В повести вместе с городской интеллигенцией и мещанством, рабочей важной исторической силой, «творящей перемену», является казачество и его лидеры. Историки-казаковеды всегда выделяли роль и место казачества Юга в общероссийской революции и гражданской войне, эту тему невозможно обойти любому автору, тем более хорошо знающему специфику региона. И здесь М.С. Шагинян оказывается на высоте – практически одновременно с такими авторами, как Ф. Крюков, М. Шолохов, А. Серафимович. Ей глубоко и верно удается раскрыть сложные перипетии участия казаков в событиях смуты-перемены. Убедительно показаны в повести столкновение казаков и рабочих, иногородних крестьян, озлобленность и жестокость, чреватая обоюдной мстью – кровавым террором. Она также видит не только силу казаков, воинов-профессионалов, но и их слабость, растерянность и колебания – как хороших хозяев, уже истосковавшихся по семье и своей земле. Здесь явная ее переключка с более поздним М. Шолоховым. Показаны и наметившийся раскол в казачьей среде, и красноречивые «славословия» и демагогия казачьих лидеров-атаманов П. Краснова и А. Богаевского, их пресмыкательство перед немцами, и опасная политическая игра во «Всеесёлое войско Донское». Объективно подмечено и несогласие части казаков с промонархической политикой и диктатом генерала А. Деникина, опиравшегося на «гостей-союзников», англичан и французов. Одним из важнейших вопросов периода «революционной перемены» М.С. Шагинян весьма точно определяет аграрный вопрос, споры о земле в среде самого казачества, недоверие к рабоче-крестьянской Советской власти.

Интересно описан М.С. Шагинян период Донской Советской республики (март – май 1918 г.), строящей новую жизнь, окруженную со всех сторон врагами. Затем описан период пришедшей ей на смену немецкой оккупации области и нового казачьего государства – Всевеликого войска Донского во главе с П. Красновым. Удивительно актуально звучат сегодня оценки участия в событиях перемены «незалежной Украины». «...Немцы подходят всё ближе, взяли Харьков, идут на Ростов. С ними на русскую землю, насилуя русскую волю и разрушая советы, идут офицеры, не немцы, а русские. Те самые, что в немцев стреляли и не хотели брататься. Теперь побратались... В Баку же татары, восстав, режут армян днем и ночью. Пылают армянские села. А сами армяне, где могут, днем и ночью режут татар...»

Основательно и исторически верно описаны в повести события периода 1919–1920 гг., разногласия казаков с позицией правительства А. Деникина, последствия наступления Красной армии на севере области, рассказывание и ожесточенность завершающего этапа гражданской войны на юге (гл. 15–17, 20). В отличие от М.А Шолохова писательница не показывает подробно политику рассказывания и красный террор новой советской власти (январь – сентябрь 1919 г.). Последствия политики рассказывания 1919 г. М.С. Шагинян показаны опосредованно, но емко, страшно и колоритно (гл. 22). Одним

из последствий, сопутствующих революционным переменам и гражданским войнам, являются массовые эпидемии и голод. М.С. Шагинян не обходит и эту значимую проблему. Она исторически правдиво описывает картины последствий этих трагических для края катаклизмов 1918–1920 гг.: вируса гриппа-«испанки», холеры и сыпного тифа (гл. 5, 19). Лейтмотивом здесь звучит боль автора, женщины-матери о потерянных безвозвратно жизней тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей, далеких от революции и военного противостояния, – женщин и детей. И вот, наконец, итог – «нашла коса на камень», революционная переменна смела консервативную ржавчину, погибла «Донская Вандея», а советская Донская область возрождается к новой жизни. Пафосно и романтично звучат завершающие строки повести – с горечью о потерях, но с ясным осознанием значимости «Перемены» к лучшему светлому будущему (гл. 33). Но здесь же звучит глубокое личное авторское предупреждение – сопереживание, философское откровение: «...Страшно видеть тебя лицом к лицу, Перемена! Неотвратима, как смерть: ее, если хочешь, прими, если хочешь, отвергни, – всё равно не избежешь».

Подводя итоги, следует констатировать, что в этом небольшом по форме, но удивительно емком по содержанию литературном произведении М.С. Шагинян удалось точно, с наблюдательностью профессионального историка и социолога показать через локальное, универсальное, через специфику событий на юге России всю глобальную трагедию и триумф «Великой перемены». Именно поэтому повесть, на наш взгляд, является одним из наиболее значимых литературно-художественных произведений М.С. Шагинян, удивляющих своей историчностью. На наш взгляд, по значимости и содержательности эту «повесть-быль» смело можно поставить в один ряд с такими выдающимися произведениями новой советской литературы 1920–1930-х гг., как «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова, «Железный поток» А.С. Серафимовича.

Современным исследователям творчества М.С. Шагинян – филологам-литературоведам, историкам и философам – необходимо и далее продолжать изучение данной темы на новом качественном уровне [4]. Следует предложить включить изучение повести «Перемена» в школьный курс дополнительного чтения по советской литературе, изучать подробнее на факультативных занятиях по истории и литературе Донского края и юга России.

Примечания

1. Авдулов Н.С., Мирзобекова Н.В., М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-н/Д: ООО «Ковчег», 2013. Гл. 1, 3.
2. Шагинян М.С. Дневники. 1917–1931. Ленинград, 1932. С. 63.
3. Шагинян М.С. Перемена. Роман-быль. Ленинград, 1932. С. 3–8.
4. Тикиджьян Р.Г., Шишова Н.В. Историческое осмысление событий рево-

люции и гражданской войны на Юге России в произведениях М.С. Шагинян // Сб. ст. Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян. Материалы первых Шагиняновских чтений. Ростов н/Д, 2014. С. 120–135.

В.Г. Тунян

АРМЯНЕ НОВОГО НАХИЧЕВАНА В МИФОТВОРЧЕСТВЕ

В исторической науке существуют мифы, которые подвергаются критике, но в то же время они реанимируются, подпитываясь политисторическими кругами, которые решают определенные задачи [1]. Среди них свое место занимает миф «Донские армяне – кипчаки», требующий показа алогичности историзма создателя и заказчиков, соответствия мифа историческим реалиям.

Российский журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» в № 9 за 2016 г. опубликовал статью Эдуарда Вартанова «Переподчинение Эчмиадзину армяно-кипчаков и их принудительная деэтнизация». Лейтмотив – армяне – это кипчаки, которых арменизировала армянская церковь, превратив их в особый этнос – «донские армяне» [2]. Целью статьи является борьба с представлениями «армянской науки и общественности, чувствительно относящейся к любым тюркским элементам в своей истории и культуре» [3].

Суммарность взглядов на представляемый миф и противоположность позиций армянской стороны отражены в таблице 1.

Таблица 1

Воззрения Э. Вартанова	Подход армянской науки
1. «Новое прочтение» истории кипчаков-армян.	1. Необходимость объективного и комплексного подхода.
2. Переселенцы на Дон в 1778–1779 гг. – кипчаки.	2. Переселенцы – армяне, и лишь частица «татары».
3. Анийско-волжско-крымско-донские армяне.	3. Разные миграционные волны армян.
4. Кипчаки сохранили себя в «армянстве».	4. Армяне в Крыму жили отдельной общиной.
5. Кипчакоязычные армяне из волжской столицы Орды.	5. Армяне из Орды сохранили национальную идентичность.
6. Крым – «Морская Армения» – продукт кипчаков.	6. «Морская Армения» – результат деятельности армян.

Комплексный подход требует учета следующих факторов: ухудшение геополитической ситуации в Армении XII и XIII столетиях, обусловившее миграцию населения; армяно-анийское происхождение крымских армян; наличие разных армянских волн эмиграции на постоянное местожительство в Крым, приведшее к созданию «Морской Армении»; более раннее появление здесь армян, чем кипчаков-татар; национальная идентичность новонахичеванцев; говор донских армян близок диалекту западноармянского языка, совпадающему с литературным армянским.

Имеется совпадение положений Вартанова и азерпропа, говорящее о единстве происхождения мифа (см. табл. 2).

Таблица 2

Положения Вартанова	Положения азерпропа
1. Арменизация кипчаков-христиан.	1. Арменизация тюрок разных регионов.
2. Ассимиляционная роль армянской церкви.	2. Крымские и донские армяне – половцы и кипчаки.
3. Манипуляция мнением историков.	3. Вартанов – известный исследователь.
4. Необходимость спасения культурного наследия армян-кипчаков.	4. Необходимость спасения тюркского населения региона от армянского воздействия.
5. Мощное воздействие восточноармянской культуры.	5. Поглощение Албанской церкви Армянской.
6. Борьба против армянской исторической науки.	6. Борьба против положений армянской истории.
7. Вартанов – краевед.	7. Тандем Азерпроп – Вартанов.
8. Негативность арменистики к творчеству Вартанова.	8. Тюркско-армяно-григорианское наследие.

Аутентичность совпадений положений диктуется связями Э. Вартанова с Центром истории Кавказа и президентской структурой Азербайджана, ставящие под сомнение этничность армян Карабаха, Кавказа, Дона, Крыма и Причерноморья [4].

Миф о том, что донские армяне – кипчаки, не соответствует действительности, поскольку не подтверждается ни историческими источниками, исторической памятью переселенцев армян из Крыма, использованием донскими армянами западноармянского диалекта армянского языка, ни активным их участием в национальной жизни как результат единой этнокультуры.

Примечания

1. Гусейнов Р. Тюрки армяно-григорианской веры Азербайджана и других стран – жертв тотальной арменизации. URL: <http://kavkazplus.com/news>.

php?id=139#.WE5XSSErDUc; Тунджай Б. Албано-католики в Польше и в Украине. URL: <http://karabakh.info.com/3389?lang=ru>; Правда о заселении Крыма: армяне или тюрки-григорианцы? (ч. 3). URL: <http://news.day.az/politics/314911.html>

2. Вартапов Э.В. Переподчинение Эчмиадзину армяно-кипчаков и их принудительная деэтнизация // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2016. № 9. URL: <http://nauteh-journal.ru/index.php/ru/-gn16-09/2820-a>

3. Там же. С. 11.

4. Ахундов Ф. Научное общество России дало жесткий отпор ложным постулатам армянской историографии. URL: <http://www.kaspiy.az/news.php?id=50202#.WF7SttKLQdU>; Как кипчаков-христиан насильно превращали в этнических армян. URL: <https://azeri./today/articles/1742/>

Д.И. Узнародов

НАГОРНО-КАРАБАХСКАЯ РЕСПУБЛИКА КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе имеет давние исторические корни. Еще в 1918 г. спорный статус территории стал причиной вооруженного противостояния между Азербайджанской демократической республикой и Республикой Армения, объявившими независимость после распада Закавказской демократической федеративной республики в мае того же года. Власти Армянской республики стремились закрепить регион за собой, считая территорию Карабаха своими историческими землями, а власти Азербайджанской демократической республики приводили доводы, касающиеся экономической целесообразности, – отсутствие каких-либо экономических связей между Карабахом и Арменией вследствие специфики географического ландшафта [1, с. 45–48].

Изначально созданное в июле 1921 г. заседание Кавказского бюро РКП(б) постановило передать территорию Нагорного Карабаха под управление Армянской ССР [2, с. 56–57], однако впоследствии было созвано новое заседание, по итогам которого было принято решение о включении территории в состав Азербайджанской ССР [3, с. 116–117]. Статус региона оставался неясным вплоть до 1923 г., когда на территории с компактным проживанием армянского этноса (бывшая территория Шушинского, Джебраильского и части Джеванширского и Зангезурского уездов Российской империи) была создана Автономная область Нагорного Карабаха; в свою очередь территории Равнинного Карабаха отошли Азербайджанской ССР. Помимо этого, вследствие создания Курдистанского уезда в 1923 г. (столица – город Абдаляр, переи-

менованный в 1926 г. в город Лачин), вошедшего в состав Азербайджанской ССР, Автономная область Нагорного Карабаха фактически стала анклавом, утратив общие границы с Республикой Армения. Именно вследствие выше-названных решений советских властей и был заложен тот конфликтный потенциал, который послужил основой вооруженного Нагорно-Карабахского конфликта конца 80-х – начала 90-х гг. XX в.

С началом периода перестройки, сопровождавшегося резким развитием демократических процессов во всех национальных республиках СССР, вопрос Нагорного Карабаха актуализировался вновь. Обострение ситуации датируется февралем 1988 г., когда после принятия официального обращения Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области к верховным советам СССР, Армении и Азербайджана с просьбой об объединении региона с Арменией, под Аскераном произошли вооруженные армяно-азербайджанские столкновения, в результате которых погибли два азербайджанских жителя, принимавших участие в массовом протесте против отделения Нагорно-Карабахской автономии [4]. Спустя несколько дней в городе Сумгаит случился антиармянский погром, в ходе которого, по официальным данным, было убито 32 человека – 26 армян и 6 азербайджанцев [5, с. 96]. Вооруженные столкновения происходили как на протяжении всего 1988 г., так и в период 1989–1990 гг., что привело к принятию советскими властями решения о вводе в НГАО внутренних войск МВД в январе 1991 г. Попытки Москвы повлиять на нарастающий военный конфликт продолжались вплоть до августовских событий 1991 г., в частности, с апреля внутренние войска МВД СССР совместно с силовыми структурами Азербайджанской ССР проводили операции по разоружению населения НГАО и ликвидации незаконных вооруженных формирований [6]. В ноябре 1991 г. Верховным Советом Азербайджанской ССР было принято постановление о ликвидации Нагорно-Карабахской автономной области, а 10 декабря властями региона был проведен референдум о независимости, бойкотированный азербайджанским населением, по итогам которого 99,89 % населения автономии высказалось за провозглашение своего независимого государства [7]. Окончательно ситуация в Нагорном Карабахе приобрела неконтролируемый характер после вывода из региона внутренних войск МВД СССР, который был завершен к 27 декабря 1991 г. Шестого января 1992 г. подразделение азербайджанских ополченцев из города Агдам атаковали нагорно-карабахское село Храморт, что фактически стало началом продолжавшегося до мая 1994 г. вооруженного конфликта, в результате которого была установлена фактическая независимость Нагорно-Карабахской республики от Азербайджана. Именно с этого периода Нагорно-Карабахская республика начинает заявлять о себе как о потенциальном субъекте современной международной политики.

В период с 1994 по 1997 г. Нагорно-Карабахская республика непосредственно принимала участие в переговорном процессе по урегулированию

конфликта в формате Минской группы. Ситуация изменилась в 1998 г., когда после прихода к власти в Армении бывшего президента Нагорно-Карабахской республики Роберта Кочаряна переговорный процесс трансформировался в формат встречи глав государств Азербайджана и Армении при посредничестве Минской группы ОБСЕ [8, с. 34–37]. С этого момента Нагорно-Карабахская республика перестала быть одной из сторон переговорного процесса, что, по понятным причинам, не может способствовать становлению республики в качестве субъекта международного права.

Помимо неучастия в переговорном процессе, к факторам, препятствующим становлению Нагорно-Карабахской республики в качестве субъекта международного права, относится также «фактор непризнания». Уже на протяжении 24 лет Нагорно-Карабахская республика остается в категории непризнанных государств. В настоящее время Нагорно-Карабахскую республику признали только некоторые «частично признанные» государства, в частности Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, а также Приднестровская Молдавская Республика. Непонятной в данном контексте является позиция Республики Армения. Открыто занимая сторону Нагорно-Карабахской республики в ее противостоянии с Азербайджаном, Армения за 24 года так и не признала НКР в качестве суверенного государства.

Еще одним фактором, который в перспективе может оказать негативное воздействие на становление Нагорно-Карабахской республики как субъекта международного права, является наличие реальных предпосылок к возобновлению полномасштабного военного противостояния между Азербайджаном и непризнанной республикой, что может способствовать общей внутренней дестабилизации, а также привести к потере НКР контролируемых в настоящее время территорий и тем самым замедлить процесс трансформации республики в полноценный субъект международного права. Серьезная эскалация конфликта произошла в начале апреля 2016 г., когда в результате четырехдневной военной операции вооруженными силами Азербайджана было занято несколько населенных пунктов, ранее находившихся под контролем НКР [9, с. 104]. Нарушения режима прекращения огня продолжились и летом 2017 г.

Итак, следует отметить, что в настоящее время существует три ключевых фактора, препятствующих становлению Нагорно-Карабахской республики в качестве субъекта международного права: 1) действующий формат переговорного процесса по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, который не предполагает непосредственное участие НКР в переговорах; 2) непризнание Нагорно-Карабахской республики со стороны государств – членов ООН; 3) наличие реальных предпосылок к возобновлению полномасштабного военного противостояния между Нагорно-Карабахской республикой и Азербайджаном. Кроме того, несмотря на наличие внутренних ресурсов, требуемых для поддержания функционирования своего государственного

образования, экономика Нагорно-Карабахской республики еще не является самодостаточной, о чем свидетельствует прежде всего большая зависимость от внешних источников, в частности от предоставляемых Республикой Армения ежегодных кредитов, а также от дотаций, получаемых от Соединенных Штатов Америки.

Примечания

1. *Левава Г.П.* Технологии этнической мобилизации. М.: Изд-во «ЦИМО», 2000. 372 с.
2. *Yoshimura T.* Some arguments on the Nagorno-Karabagh history. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/3_yoshimura.pdf (дата обращения: 05.03.2018).
3. *Altstadt A.L.* The Azerbaijani Turks: power and identity under Russian rule. Stanford: Hoover Press, 1992. 331 p.
4. 10 баллов по шкале Политбюро // Труд. 2001. № 20. URL: http://www.trud.ru/article/01-02-2001/18874_10_ballov_po_shkale_politbjuro/print/ (дата обращения: 12.03.2018).
5. *Suny R.G.* Armenia, Azerbaijan, and Georgia. Collingdale: DIANE Publishing, 1996. 298 p.
6. *De Waal T.* Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war. New York and London: NYU Press, 2003. 337 с.
7. Акт о результатах референдума о независимости Нагорно-Карабахской Республики // Официальный сайт МИД НКР. URL: <http://www.nkr.am/ru/referendum/42/> (дата обращения: 02.03.2018).
8. *Libaridian G.J.* The elusive “right formula” at the “right time”: a historical analysis of the official peace process // Accord: an international review of peace initiatives. The limits of leadership: Elites and societies in the Nagorny Karabakh peace process. London: Conciliation Resources, 2005. URL: http://www.c-r.org/downloads/17_Nagorny_Karabakh.pdf (дата обращения: 27.02.2018).
9. *Аласов И.Ф.* Политика России по Нагорному Карабаху (2015–2016 гг.) // Вестник социально-политических наук. 2016. № 15. С. 103–109.

Карен Хамада, Рёко Исака

ВЕНЕЦИЯ, КРЫМ И КАВКАЗ – ПУТЕШЕСТВИЕ МИНАСА БЖИШКЯНА В ЕГО СОЧИНЕНИИ «ИСТОРИЯ ПОНТА»

Чёрное море – это не только географический объект, но и концепция, охватывающая разнообразные цивилизации, культуры, страны и этносы. По

поводу подобной сложности при исследовании причерноморского региона американский историк Чарлз Кинг совершенно верно отмечает, что «работа по истории, обществу и политике Чёрного моря непременно пересекает несколько границ: методические границы между историей и социологической наукой и региональные границы между Центральной и Восточной Европами и между Российской империей / бывшим Советским Союзом и Османской Империей / Турцией» [1]. В начале XIX в. такой сложной работе посвятил себя один армянин – Минас Бжишкян (или Мина Медици, 1777–1851), армяно-католический монах из монастыря мхитаристов Св. Лазаря в Венеции. Данная работа является попыткой освещения его малоизвестного сочинения «История Понта» (Чёрного моря) [2].

Что касается жизни Бжишкяна, многое остается неизвестным. Известно только то, что он родился в Трабзоне в 1777 г. и стал монахом армяно-католического монастыря Св. Лазаря в 1804 г., а после этого работал преподавателем в Одессе и Крыму. В качестве педагога он написал для учеников на разговорном армянском языке (ашхарабар) книги для чтения. Среди его разнообразных достижений в настоящей работе нас интересует его роль путешественника, историка и этнографа. Он написал книгу о своем путешествии по Лехастану – сегодняшней Польше и Украине [3]. Книга «История Понта», которая находится в центре нашего внимания, была издана в 1819 г. В предисловии автор объясняет, что идея сочинения историко-географического текста о Чёрном море возникла во время его паломнического путешествия по апостольским местам. В конце книги выясняется, что оно началось в 1817 г., а завершилось в 1819 г.

Бжишкян начинает свое изложение с географического описания самого моря, указывающего на его большой интерес к землемерному искусству. Он основывается не только на современных ему научных работах, но и на исторических изложениях таких древних писателей, как Геродот, Ксенофонт, Арриан и др.

При описании причерноморских городов Бжишкян разделяет данный регион на 7 частей: 1) юго-западный берег (Стамбул – Синоп), 2) середина южного берега (Синоп – Трабзон), 3) юго-восточный берег (Трабзон – устье реки Риони), 4) середина восточного берега (устье реки Риони – Таманский полуостров), 5) северо-восточный берег (Таманский полуостров – Феодосия / Каффа, через Азовское море), 6) середина северного берега (Феодосия – устье реки Дунай), 7) северо-западный берег (устье реки Дунай – Стамбул). Бжишкян начинает свое описание со Стамбула, обходит вокруг Чёрного и Азовского морей и снова возвращается к Босфору. Можно полагать, что данный порядок изложения совпадает с маршрутом его путешествия.

«История Понта» до сих пор остается малоизученной. Советский арменовед Мелкисет-Беков перевел из нее несколько страниц, но полного перевода так и не было сделано [4]. Однако она имеет чрезвычайно важное значение

для современных ученых по следующим причинам: 1) свидетельствует о положении различных причерноморских городов, которые пережили большие изменения в течение двух столетий; 2) включает ценную информацию об армянских общинах и их наследии в причерноморском регионе того времени; 3) описывает обычаи и религиозные практики кавказских народов, информации о которых в других источниках не существует.

В настоящей работе в центре нашего внимания находится третий пункт. Как указано выше, идеей описания «Истории Понта» является восстановление прошлых действий и воссоединение их с настоящими. С этой целью Бжишкян внимательно рассматривает свидетельства древних авторов и сравнивает их с тем, что он наблюдает вокруг себя. Однако при описании кавказских народов, которые, как он неоднократно упоминает, не имели в то время письменности, Бжишкян не мог опираться на достоверные источники. В данном случае нам придется следовать его принципу – восстанавливать языки, обычаи и жизнь народов, которые жили в начале XIX в., и сравнивать их с теми, что существуют в наше время. В «Истории Понта» упоминаются такие кавказские народы, как *абаза*, *черкез* (черкесы), *энгивси* (ингуши) и *осси* (осеты). Бжишкян записывает слова неизвестных языков и своеобразные религиозные практики данных народов. Для исследования духовных культур северокавказских народов – почитания предков, культа дерева, синкретизма народных вер и христианства и т.д. – его свидетельства являются чрезвычайно важными и ценными источниками и требуют более подробного анализа.

Бжишкян и как путешественник, и как ученый, если заимствовать слова Кинга, процитированные в начале данной работы, пересекает (и старается пересечь) многочисленные границы: географические и политические границы, существовавшие в причерноморских регионах, культурные границы между городской и деревенской, то есть письменной и бесписьменной, цивилизациями и даже временную границу между прошлым и настоящим. Такая «переходящая» своеобразность Бжишкяна увеличивает ценность и уникальность его сочинения.

Примечания

1. King C. The Black Sea: A History. New York: Oxford University Press, 2005. (Paperback edition). 251 с.

2. Бжишкян М. История Понта. Венеция: Армянская типография Св. Лазаря, 1819.

3. Путешествие по *Лехастану* и другим местам, населяемым армянами, выходцами из древнего города Ани. Венеция: Армянская типография Св. Лазаря, 1830. (на арм.яз.).

4. Мелкисет-Беков Л.М. Pontica transcaucasica ethnica (по данным Миная Медичи от 1815–1819 гг.) // Советская этнография. 1950. № 2. С. 163–175. Меликсет-

Бек считает *абаза* идентичными абхазам. Однако для того, чтобы отождествить данных *абаза* с народом, который сегодня называется абхазами, требуется более тщательная проверка на основе лингвистического и антропологического анализа.

А.С. Хатламаджиян

АРМЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ – ЗАБЫТЫЕ УГОЛКИ

Обычно когда речь идет об армянских поселениях на Дону, упоминают город Нор-Нахичеван и пять сел (Чалтырь, Крым, Большие Салы, Султан-Салы и Несветай). Однако помимо названных населенных пунктов были и другие поселения, теперь уже «забытые уголки», появление которых имеет отношение к периоду внутренней колонизации России, начавшейся в конце XVIII века. Речь идет о хуторах и деревне Екатериновке, основанных или заселенных представителями армянской колонии, возникших на Дону после переселения армян с Крымского полуострова. Процесс расселения армян по хуторам, расположенным в разных местах колонии, продолжался вплоть до конца 20-х гг. XX в. Три хутора находились вблизи монастыря Сурб Хач. Один из них принадлежал Мисерову, другой – Гамалову, а третий назывался хутор Гарабета. Эти люди – «хозяева» хуторов – внесли своеобразный вклад в ономастику Нахичевана, т.к. в делах магистрата они записаны единообразно – «Хуторциев», или же «Хуторци» [1]. Потомки Гамалова, проживающие во Франции, в Лионе, предоставили данные о том, что Егор Гамалов добывал и обрабатывал камень, продавал аршинный камень. Многие исследователи напоминают о существовании шестого армянского села, вернее, деревни Екатериновки, название которой вариативно. Она именовалась и Катериновкой, и Екатериной, и деревней Екатерины, а на армянском языке всегда записывалась как Катаринован. Вместе с тем в быту ее называли и называют по сей день Самбек. Даже в документах, например, в метрических книгах, помимо официального названия, записанного на армянском языке, – «Катаринован», всегда в верхнем углу листа делалась приписка – «Самбек» [2]. Екатериновка существовала до конца 20-х годов XX в., на карте 1926 г. она все еще указана. Надо сказать, что Екатериновка была заселена жителями города Нахичевана (название города до 1836 г.), пожелавшими заниматься хлебопашеством, их называли «сабанджи», или городские поселяне. Деревня располагалась у впадения реки Самбек в Азовское море, а находившаяся вблизи Екатериновки коса долгое время называлась Армянской косой, позднее она стала зваться Курячьей косой. Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении источники, можно утверждать, что к 1795 г. этими землями владели армянские поселяне [3]. Датой основания Екатериновки называются 1785, 1800 и 1880 гг.

Так, А.М. Богданян высказывался в пользу 1785 г. [4], эта же дата приведена в сборнике, посвященном 200-летию Ростова-на-Дону [5], Шахазиз утверждает, что основана деревня в 1800 г. [6], В.Б. Бархударян приводит дату 1880 г. [7], на этом же настаивает и О.Х. Халпахчян [8]. Пытаясь определить дату возникновения Екатериновки, нам удалось обнаружить документ, где в числе приложений по земельному спору перечислен «План генеральной межи дачи деревни Екатерины», произведенный в 1781 г. землемером Дискиным [9; 10]. Земельные споры и проблемы взаимоотношений жителей Екатериновки с населением армянских сел и города Нор-Нахичеван, а также с населением соседнего поселения Курячья Коса, в котором «с давних времен селились разного звания люди», были продолжительными и драматичными. Из плана, составленного в 1796 г., видно, что в поселке Курячья Коса существовали рыбные заводы и рыбопромысловые артели. Так как земля, на которой располагался поселок Курячья Коса, до 1860 г. была малоценной, а ее владельцы из армянской колонии юридически не определены, на ней беспрепятственно селились люди, занимавшиеся рыбным промыслом. К 1860 г. на Курячьей Косе располагались 122 усадьбы, называвшиеся «дача разночинцев на берегу Азовского моря в урочище Курячья Коса» [11; 12]. Земельный спор между жителями Курячьей Косы и армянским обществом привел к тому, что одесский генерал-губернатор распорядился «учинить следствие». Для этого был командирован чиновник по особым поручениям при Новороссийской губернии – действительный статский советник генерал Катакадзе. Ожидая окончания следствия, армяне перестали платить оброк на землю [13]. С 1860 по 1865 гг. спорная земля четыре раза переходила из рук в руки. Каждый раз менялись землемеры (Контрибинского сменил Щипарев) [14], а суд принимал то одну, то другую сторону. Для определения принадлежности данной земли были востребованы из архива магистрата ревизские сказки с 5-й по 10-ю, т.е. с 1795 по 1857 гг. Было установлено, что армяне-поселяне города Нахичевана к поселянам пяти армянских сел не принадлежат [15]. Власти практически безучастно наблюдали, как, руководствуясь одними и теми же законами, принимались разные решения. Параллельно шла тяжба с жителями Курячьей Косы. Дело начало решаться в пользу армян, но в 1888 г. произошли административно-территориальные изменения: Таганрогское градоначальство перешло к Области войска Донского. Все последующие прошения армян встречали противодействие. То им напоминали, что во «Владельной записи» земля в количестве 843 десятин не значит, что армяне вносили непомерную годовую арендную плату – от 20 до 30 рублей за десятину [16]. Дело, длившееся 40 лет, завершилось в пользу жителей поселка Курячья Коса. Для образованной одноименной волости было отведено только из земель Чалтырской волости 517 десятин земли [17].

Жители Екатериновки из нахичеванских горожан изначально были прихожанами церкви Сурб Кеворк города Нор-Нахичеван. В конце XIX в. в де-

ревне появился деревянный молитвенный дом, при котором находилось приходское училище. В училище в 1894 г. обучались 18 мальчиков и 10 девочек. Надо отметить, что не во всех подобных заведениях обучались девочки. Например, в селе Крым, более чем в 10 раз большем по численности населения, обучались только мальчики [18]. Каменная церковь в Екатериновке появилась, вероятно, в 1912 г., свидетельством чему может служить надпись на обороте фотографии освящения церкви Сурб Арутюн и рассказ одного из участников этого события [19]. В деревне существовала общественная касса, пополнявшаяся из различных источников, общественный хлебный магазин, где хранились запасы зерна. В случае неурожая из магазина выдавали поселянам зерно «для обсеменения». В самом конце XIX в., в 1892 и 1899 гг., благодаря зерновым запасам, население практически не пострадало [20; 21; 22]. В деревне находилась винная лавка, ориентированная на проезжающих. Административно деревня Екатериновка входила в состав Чалтырской волости. Количество семей и жителей оставалось почти неизменным. По ревизской сказке на 1795 г. в Екатериновке было 52 семейства городских поселян, из них 131 житель мужского пола и 136 – женского [23]. Такое же число семей и жителей было к 1918 г. Вдоль речки Самбек, в урочищах Камышеваха и Морской Чулек, на основании предписания от 27 ноября 1812 г. Таганрогского градоначальника Папкова была роздана земля в количестве 5100 десятин удобной и 882 десятин неудобной [24]. Интересна предыстория этой раздачи земель. В основном земли армянских сел были расположены на левом берегу Дона, многие факторы затрудняли земледелие, в том числе своевременное начало сева. Решено было ходатайствовать об обмене левобережных земель на казачьи, граничившие с армянскими селами. Обращение было направлено Г.А. Потемкину в 1790 г. [25]. С согласия князя обмен был произведен на условии возмещения армянами стоимости оставленных на местах строений, рыбных заводов, садов. Обмен был завершён в 1800 г., а компенсацию за оставленное имущество казаки получали вплоть до 1802 г. [26]. На Донском Чулеке казаков Чернова, Ланцова и Куликова, Морского Чулека отставного сотника Семёна Сидорова, казаков Журкиных и Бондарева, по балке Камышиной сотника Егора Солдатенкова, старшины А. Каршина, есаула Ивана Екимова, подполковника Скасырского, есаула Н. Грекова, на Самбеке старшины Болдырева и казака Бабыкина [27]. Границей новых земель была Самбекская балка, вдоль которой впоследствии появились хутора. Условием получения земель было разведение овец испанской породы и ангорских коз, занятие садоводством, в частности выращивание тутовника. До этого армяне разводили саженцы тутовника и реализовывали их в других местах. Новых поселян обязывали на десятой части «засеять» лес, 25 десятин отвести под виноградники и фруктовые деревья [28]. У поселянина села Чалтырь О. Мелконова было 5000 саженцев тутовых деревьев [29]. В течение 10 лет предписывалось разводить овец испанской породы. Владельцам хуторских

земель вменялась плата 25 копеек за десятину, эти деньги должны были идти в городской доход. Не все и всегда исполняли условия, пренебрегали высадкой лесов, из-за сложности разведения вместо овец испанской породы разводили обычных. Так, поручик Д. Каракаш не вносил плату за землю, Хатранов подменял понятия, утверждая, что потомственное использование ничем не должно отличаться от потомственного владения [30]. Изначально хуторов должно было быть 18, но по разным причинам к середине XIX в. их оказалось 15 [31]. В некоторых хуторах было по одному или два строения. Самым крупным был хутор, вернее деревня, принадлежавшая майору Никите Абрамову. Он имел более трехсот душ крестьян. В деревне Абрамовка использовался труд не только крепостных крестьян, но и проживавших в ней цыган, которые занимались кузнечным делом и периодически конокрадством [32; 33]. Хутор М.В. Сариева, деда художника Мартироса Сарьяна, перешел по традиционному наследованию к его старшему сыну – дяде будущего художника. Совладельцем хутора Сариева был Алексан Тышлангов. С приходом советской власти все изменилось, репрессии коснулись и жителей хутора Сариева. Он был присоединен к хутору Головинскому, а в конце 1930-х переименован в хутор Чкалово. Последним на карте Шуберта (лист 28–18) мы видим хутор Хатламаджи. Хуторская земля принадлежала Абраму, а позднее перешла к его племянникам Данику и Серопу. На хуторе был большой сад. Соседство двух хуторов Сариева и Хатламаджи нашло отражение в творчестве М. Сарьяна. Перед самым отъездом в Армению в 1921 г. мастер изобразил генеалогическое древо рода Хатламаджиян. С приходом советской власти хутора у монастыря Сурб Хач были заброшены, а сегодня это часть города Ростова-на-Дону. Деревня Екатериновка является частью поселка Самбек, но от прежних строений ничего не сохранено. Никто даже не знает, что здесь когда-то жили армяне. Сохранили старое название несколько хуторов, которые не заселены армянами. В усадьбе бывшего хутора Сариево сохранился только дом отца художника и колодец.

Примечания

1. ГАРО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
2. Архив Мясниковского ЗАГС, дело за 1915 г.
3. ГАРО. Ф. 229. Оп. 2. Д. 960. Л. 17.
4. *Богданян А.М.* Из прошлого. Ростов н/Д, 1947. С. 28.
5. *Захарьянц Г.Н., Иноземцев Г.А., Семернин П.В.* Ростов-на-Дону. Ростов н/Д, 1949. С. 38.
6. *Шахазиз Е.О.* Нахичеван и Нахичеванцы / пер. В.А. Каннского // Записки Ростовского-на-Дону общества древностей и природы. Т. 2. Ростов н/Д, 1914. С. 210.
7. *Бархударян В.Б.* История Ново-Нахичеванской армянской колонии (1861–1917 гг.). Ереван, 1985. С. 89. (на арм. яз.).

8. *Халпахчян О.Х.* Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван: Айастан, 1988.
- С. 10.
9. ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4990. Л. 1.
10. ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 6904. Л. 168.
11. ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4990. Л. 9.
12. ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 3162. Л. 7.
13. ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4990. Л. 30.
14. ГАРО. Ф. 229. Оп. 2. Д. 15. Л. 143, 147 об.
15. ГАРО. Ф. 229. Оп. 2. Д. 15. Л. 112.
16. ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4506. Л. 35 об.
17. ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 6904. Л. 186.
18. ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3665. Л. 42.
19. Воспоминания Маркоса Лусегеновича Берекчияна (1892 г.р.), запись 1987 г. Фотография хранится в личном архиве автора.
20. ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 6248. Л. 3.
21. ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 245. Л. 164об. – 165.
22. ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 126. Л. 138 об. – 143.
23. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 473. Л. 454.
24. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.
25. *Бархударян В.Б.* История Ново-Нахичеванской армянской колонии (1779–1861 гг.). Ереван, 1967. С. 137. (на арм. яз.).
26. ГАРО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1162. Л. 33.
27. ГАРО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1070. Л. 36–37.
28. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 226. Л. 20об.
29. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 83. Л. 14.
30. ГАРО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 15. Л. 193об., 199.
31. ГАРО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 25. Л. 16–17.
32. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 226. Л. 2 об.
33. ГАРО. Ф. 229. Оп. 2. Д. 26. Л. 79 об.

В.А. Чолахян

АРМЯНЕ В СИСТЕМЕ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ

Среди армян Саратовского Поволжья особого внимания заслуживают врачи, работавшие и работающие в лечебных учреждениях Саратова и области.

Большой вклад в развитие здравоохранения Саратовского Поволжья внёс Иван Минаевич Поповьян. Он родился 13 мая 1901 г. в г. Баку в семье

учителя. В 1926 г. после окончания медицинского факультета 1-го Московского университета он был зачислен в клиническую ординатуру под руководством известного хирурга профессора Н.Н. Бурденко. В 1939 г. И.М. Поповьян успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1946 г. – докторскую. С 1948 по 1953 гг. И.М. Поповьян являлся ректором Саратовского медицинского института. В 1949 г. он был избран заведующим кафедрой факультетской хирургии. Пристальное внимание профессор Поповьян уделял изучению проблем желудочной хирургии, хирургического лечения язвенной болезни и злокачественных образований, развитию легочной хирургии. Немало сил профессор отдавал педагогической работе, подготовив и воспитав целую плеяду хирургов и научных работников. Его перу принадлежит более 50 научных работ, посвященных различным разделам хирургии. Под руководством Ивана Минаевича выполнено более 200 научных работ, защищено 14 кандидатских диссертаций. Правительство СССР высоко оценило заслуги И.М. Поповьяна – в его семейном архиве насчитывается 9 правительственных наград [1].

Другой известный профессор медицины, Парсамов Оганес Смбаевич, родился в Армении в г. Александрополь (ныне – Гюмри) в 1885 г. После окончания гимназии в Тифлисе в 1904 г. он поступил на медицинский факультет Московского университета, который с отличием окончил в 1910 г. со званием лекаря. В 1916 г. О.С. Парсамов подал документы на конкурс в молодой Саратовский университет, и с 1917 г. он уже работал в Саратове: сначала ассистентом, затем приват-доцентом. В 1925 г. он защитил диссертацию «Беременная женщина и ее плод под влиянием пережитых условий жизни во время войны и революции». В 1930 г. он был назначен заведующим кафедрой акушерства и гинекологии. В 1935 г. О.С. Парсамову была присуждена степень доктора медицинских наук и звание профессора. До 1953 г., т.е. до самой смерти от инфаркта, он возглавлял акушерско-гинекологическую клинику на Коммунарной (Соборной) улице, которая в народе называлась «Парсамовским роддомом».

Варшамов Лев Александрович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской терапии лечебного факультета Саратовского государственного медицинского института. Л.А. Варшамов родился 20 декабря 1895 г. в Батуми в семье ветеринарного врача. В 1920 г. окончил медицинский факультет Саратовского университета, удостоился степени лекаря и был оставлен ординатором факультетской терапевтической клиники. Решением квалификационной комиссии Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) РСФСР от 27 апреля 1935 г. Л.А. Варшамов был утвержден в ученой степени кандидата медицинских наук по совокупности научных работ на основании постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. Защита докторской диссертации Л.А. Варшамова состоялась 3 ноября 1939 г. [2]. С 1944 по 1964 гг. он возглавлял кафедру факультетской терапии лечебного факультета

Саратовского мединститута, руководил обществом терапевтов. На протяжении ряда лет профессор Л.А. Варшамов являлся членом правления Всесоюзного общества терапевтов, членом редколлегии журнала «Терапевтический архив», членом ученого совета Минздрава РСФСР [3]. За большой научно-практический вклад в развитие медицинской науки и оказание высококвалифицированной врачебной помощи раненым и больным в период Великой Отечественной войны Л.А. Варшамов награжден Орденом Красной Звезды и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Сталинграда», знаком «Отличнику здравоохранения». За выдающиеся заслуги в деле развития здравоохранения, высшей школы и подготовку врачебных и научно-педагогических кадров в 1953 г. он был удостоен Ордена Ленина [4].

Капрелов Роберт Иванович – известный в Саратове учёный-медик, врачоториноларинголог, родился 23 сентября 1937 г. в небольшом шахтёрском городке Алчевске Луганской области в армянской семье. В 1962 г. Р.И. Капрелов окончил лечебный факультет Саратовского медицинского института. В 1971 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную актуальной проблеме челюстно-лицевой травматологии. Следующий этап жизни Р.И. Капрелова связан с кафедрой уха, горла, носа Саратовского медицинского института, где он прошел путь от ассистента до доцента. С 1980 по 2012 гг. он являлся ведущим доцентом на кафедре лор-болезней Саратовского медицинского института. Роберт Иванович – чрезвычайно отзывчивый человек. Землетрясение в Армении в 1988 г. он воспринял как собственное горе и добровольно поехал в составе медицинской роты Саратовского полка Гражданской обороны в Ленинакан [5].

Манвелян Ася Григорьевна – заведующая отделением клиники госпитальной педиатрии Клинической больницы № 3 имени С.Р. Миротворцева. Родилась 22 февраля 1938 г. в посёлке Гунайка Краснодарского края. В 1966 г. она окончила педиатрический факультет Саратовского медицинского института. Более 30 лет А.Г. Манвелян возглавляла отделение клиники госпитальной педиатрии Клинической больницы № 3 СГМУ.

Пучиньян Даниил Миронович – доктор медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института травматологии, ортопедии и хирургии ФГБОУ ВО СГМУ им. В.И. Разумовского. Родился 7 февраля 1948 г. в Саратове в семье служащих. В 1966 г. он с серебряной медалью окончил 11-й класс 37 средней школы и поступил на лечебный факультет Саратовского медицинского института. Окончив с отличием институт в 1972 г., Д.М. Пучиньян поступил в аспирантуру при кафедре нормальной физиологии СМИ. В 1981 г. он успешно защитил в Ленинграде в Институте физиологии имени И.П. Павлова АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Влияние инсулина на функциональную активность тромбоцитов и процесс свертывания

крови», а в 1996 г. – докторскую диссертацию на тему «Физиологическое обоснование принципов профилактики послеоперационных гемокоагуляционных осложнений» в Российском университете Дружбы народов (г. Москва). С декабря 1983 г. Д.М. Пучиньян работает в Саратовском НИИ травматологии и ортопедии. С 1995 по 2014 гг. он является заместителем директора по научной работе. Землетрясение в Армении в декабре 1988 г. отозвалось болью в его сердце. Он вместе со своим другом и соотечественником Р.И. Капреловым обратился в военкомат и был направлен в полк гражданской обороны Саратовской области. В должности командира медицинской роты участвовал в ликвидации последствий стихийного бедствия в Ленинакане. Награжден знаком «Отличник здравоохранения», является действительным членом Академии естествознания. Профессор Д.М. Пучиньян активно занимается общественной деятельностью. С самого начала создания армянской общины в Саратове он входит в её Совет. Он является старостой религиозной организации «Церковь Святого Саркиса» и активно участвует в строительстве храмового комплекса на Соколовой горе в Саратове.

Текнеджян Григори Оганесович – «Заслуженный врач Российской Федерации», «Отличник здравоохранения», хирург высшей квалификации. Родился 3 октября 1950 г. в г. Сухуми Грузинской ССР. В 1975 г. окончил Саратовский медицинский институт, а в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию по хирургии. С 1983 по 1995 гг. работал главным врачом в Романовке. В 1995 г. он возглавил медсанчасть при объединении «Нитрон» и был назначен главным хирургом г. Саратова. С 1998 по 2008 гг. являлся главным врачом МУ «Городская больница № 2» г. Энгельса.

Вартаньян Николай Гургенович – «Заслуженный врач Российской Федерации». Родился 22 мая 1946 г. в г. Миллерово Ростовской области. В 1969 г. окончил лечебный факультет Саратовского медицинского института. С января 2001 г. по настоящее время Н.Г. Вартаньян работает заведующим отделением анестезиологии-реанимации МУЗ ГКБ № 9.

Арутюнян Сейран Сергеевич – заведующий отделением анестезиологии Городской клинической больницы № 6 им. В.Н. Кошелева. Родился 1 октября 1948 г. в селе Керт Мартунинского района НКАО Азербайджанской ССР. В 1973–1979 гг. С.С. Арутюнян учился на лечебном факультете Тюменского государственного медицинского института. С 1980 по 1983 гг. работал врачом-анестезиологом в 1-й КГБ г. Тюмени, а с 1985 г. – заведующим отделением анестезиологии Городской клинической больницы № 6 им. В.Н. Кошелева г. Саратова.

Пюмпюлян Григорий Рафаелович – заместитель главного врача по хирургической помощи Саратовского областного клинического онкологического диспансера, «Отличник здравоохранения» Российской Федерации. Родился 5 ноября 1962 г. в Грузии в г. Ахалцихе. В 1985 г. окончил с отличием лечебный факультет Астраханского государственного медицинского инсти-

туда. В 007–2017 гг. он являлся заведующим онкологическим отделением хирургических методов лечения областной больницы, в ноябре 2017 г. был назначен заместителем главного врача по хирургической помощи Областного клинического онкологического диспансера. Награжден нагрудным знаком «Отличник здравоохранения» РФ.

Яйлаханян Карен Сейранович – кандидат медицинских наук, заведующий отделением колопроктологии Клинической больницы им. С.Р. Миротворцева СГМУ. Родился 30 июня 1974 г. в г. Ленинакане Армянской ССР. В 1991 г. окончил среднюю школу № 3 г. Ленинакана с золотой медалью и поступил на лечебный факультет Саратовского государственного медицинского университета. В 2007 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. В 2018 г. назначен заведующим отделения колопроктологии Клинической больницы им. С.Р. Миротворцева СГМУ.

Чолахян Альберт Вачаганович – заведующий хирургическим отделением сети клиник «Медгард-Саратов». А.В. Чолахян родился 24 декабря 1984 г. в г. Балаково Саратовской области. В 2001 г. с серебряной медалью окончил лицей № 62 г. Саратова и поступил на лечебный факультет Саратовского государственного медицинского университета. После окончания университета в 2007–2009 гг. обучался в ординатуре на кафедре факультетской хирургии и онкологии им. С.Р. Миротворцева СГМУ. С 2013 г. работает заведующим хирургическим отделением ЛДЦ «Авеста-М» («Медгард-Саратов»).

Плодотворно на ниве здравоохранения трудятся и доктора Вартанян Тигран Суренович, Парсамян Рузанна Робертовна, Пучиньян Никита Филиппович, Балаян Вардан Дживанширович, Агаджанова Каринэ Вячеславовна.

Примечания

1. Хирургия. 2000. С. 17.
2. *Завьялов А.И.* Профессор Лев Александрович Варшамов (к 120-летию со дня рождения). Саратовский научно-медицинский журнал 2016; 12 (1): С. 87.
3. Терапевтический архив. 1962. № 3. С. 17.
4. *Завьялов А.И.* Указ. соч. С. 89.
5. Матенадаран. 1998. № 7.

СПИСОК АВТОРОВ

- Аваков Петр Ашотович**, к.и.н., старший преподаватель, Ростовская государственная экономическая академия.
- Авакян Кнарик Робертовна**, к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт истории НАН Республики Армения.
- Аветисян Владимир Рудольфович**, главный археограф, Государственный архив Ставропольского края.
- Аганесова Джанна Владимировна**, к.и.н., Астраханский колледж вычислительной техники.
- Акобян Ашхен Артаковна**, делопроизводитель, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета.
- Акопян Виктор Завенович**, к.и.н., доцент, Пятигорский государственный университет.
- Амирджанян Асмик Овиковна**, к.и.н., старший научный сотрудник, Институт истории НАН Республики Армения.
- Арсенян Гаяне Граати**, ведущий научный сотрудник, Центральный государственный архив Московской области.
- Арутюнян Марианна Леоновна**, к.полит.н., старший преподаватель, Российско-Армянский университет.
- Арутюнян Марине Григорьевна**, к.и.н., научный сотрудник, Институт Истории НАН Республики Армения
- Афанасенко Владимир Иванович**, старший научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук.
- Баев Николай Кеворкович**, руководитель экспертной группы РОО по сохранению историко-культурного наследия ВООПИиК.
- Баласанян Григор Александрович**, к.и.н., доцент, Ереванский государственный университет.
- Батиев Левон Владимирович**, к.ю.н., доцент, заведующий лабораторией, Южный научный центр Российской академии наук.
- Братолобова Мария Викторовна**, к.и.н., доцент, Южный федеральный университет.
- Вардазарян Сергей Самвелович**, к.и.н., старший научный сотрудник, Российско-Армянский университет.
- Варданян Сатеник Владимировна**, к.иск., преподаватель, Ереванский государственный университет.
- Гарабедян Агоп Гарабетович**, д-р истории, профессор, Пловдивский университет «Паисий Хилендарски».

Геворкян Марине Григорьевна, к.и.н., доцент, Ереванский государственный университет.

Головлёв Алексей Алексеевич, д.г.н., доцент, Самарский государственный экономический университет.

Давтян Давид Альбертович, к.и.н., глава комитета по вопросам историко-культурного наследия, Союз армян Украины.

Давыдова Тамила Талибовна, к.и.н., доцент, Дагестанский государственный технический университет.

Далалян Торк Самвелович, к.филол.н., старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии / Институт языка НАН Республики Армения.

Джунджужов Степан Викторович, д.и.н., доцент, Оренбургский государственный педагогический институт.

Егиазарян Карине Альбертовна, к.и.н., доцент, Ереванский государственный университет.

Еприкян Армине Мелсиковна, к.и.н., доцент, Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна.

Зулумян Бурастан Сергеевна, к.филол.н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Иванцов Игорь Григорьевич, к.и.н., доцент, Краснодарский государственный институт культуры.

Исака Рёко, к.филол.н., ассистент Токийского университета.

Казаров Саркис Суренович, д.и.н., профессор, Южный федеральный университет.

Карапетян Лев Александрович, д.и.н., профессор, Краснодарский государственный университет культуры.

Карапетян Роман Гагикович, к.и.н., Ереванский государственный университет.

Кедрова Ирина Владимировна, к.пед.н., Донской государственный технический университет.

Колесов Владимир Игоревич, независимый исследователь, г. Краснодар.

Комсалова Румяна Иоргова, д-р истории, доцент, г. Пловдив, Болгария.

Корнилов Александр Алексеевич, д.и.н., зав. кафедрой, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Ктиторов Сергей Николаевич, к.и.н., доцент, Армавирская государственная педагогическая академия.

Лазарян Сергей Степанович, д.и.н., профессор, Пятигорский государственный университет.

Любичанковский Сергей Валентинович, д.и.н., зав. кафедрой, Оренбургский государственный педагогический университет.

- Малоян Арман Манукович**, к.и.н., главный специалист отдела арменоведческих и социально-культурных дисциплин, Национальный институт образования Министерства образования и науки Республики Армения.
- Масловский Андрей Николаевич**, к.и.н., зав. отделом археологии, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.
- Месропян Айкануш Овсеповна**, д.филол.н., доцент, Институт языка им. Р. Ачаряна НАН Республики Армения.
- Минасян Арсен Аркадьевич**, к.и.н., помощник проректора по общим вопросам, Поволжский государственный университет сервиса.
- Мирзоян Кнарик Амаяковна**, старший преподаватель, Ереванский государственный институт театра и кино.
- Назарьян Рубен Гамлетович**, к.филол.н., доцент, Самаркандский университет.
- Пипоян Лилит Суреновна**, канд. архитектуры, Ереванский государственный университет.
- Погосян Самвел Андраникович**, д.и.н., доцент, зам. декана по науке и международному сотрудничеству, Армянский государственный педагогический университет.
- Погосян (Хахбакян) Гагик Гайкович**, зам. директора Общественного института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона (Ереван), редактор научно-аналитического журнала «Регион и мир».
- Саргсян Татевик Эдуардовна**, к.и.н., старший научный сотрудник, Научно-исследовательский центр кримведения и охраны культурного наследия Республики Крым.
- Саркисян Оганес Лаврентьевич**, к.филол.н., зав. кафедрой политологии, Российско-Армянский университет.
- Свазлян Вержине Гайковна**, д.филол.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения.
- Сивков Сергей Михайлович**, к.и.н., доцент, зав. кафедрой, Южный институт менеджмента, г. Краснодар.
- Степанянц Степан Мигранович**, д.и.н., профессор, Ереванский филиал Санкт-Петербургского университета.
- Судоргин Николай Геннадьевич**, к.х.н., Региональный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», председатель правления.
- Суздальцева Ирина Анатольевна**, к.и.н., доцент, Дагестанский государственный педагогический университет.
- Суций Сергей Яковлевич**, д.филол.н., ведущий научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук.

Тер-Акопьян Владимир Александрович, д.социол.н., профессор, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС.

Тер-Саркисянц Алла Ервандовна, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, к.и.н., доцент, Донской государственной технической университет.

Тунян Валерий Георгиевич, д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт истории НАН Республики Армения.

Узнародов Дмитрий Игоревич, к.полит.н., научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук.

Хамада Карен, д-р философии, научный сотрудник, Университет Цукуба, Япония.

Хатламаджиян Акоп Срабионович, краевед, независимый исследователь.

Чолахян Вачаган Альбертович, д.и.н., профессор, Саратовский государственный университет.

Яновский Вячеслав Сергеевич, к.и.н., научный сотрудник, музей А.И. Солженицына, г. Кисловодск.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Аваков П.А.</i> О групповом переходе крымских армян в российское подданство до переселения в Азовскую губернию	5
<i>Авакян К.Р.</i> Юрист-дипломат, основатель первых армянских лоббистских организаций на западе Мигран Связян о стратегической ориентации Армении (конец XIX – начало XX в.).....	8
<i>Аветисян В.Р.</i> Значение принятия «правил об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе» для Ставропольского мужского армянского церковно-приходского училища в конце третьей четверти XIX в.....	12
<i>Акобян А.А.</i> Геноцид армян глазами американского дипломата	15
<i>Акопян В.З.</i> Северокавказские уроки патриотизма Андраника	18
<i>Амирджанян А.О.</i> Вклад Иосифа Аргутяна – главы армяно-русской духовной епархии, в дело основания и сохранения города Новой Нахичевани (конец XVIII в.)	22
<i>Арсенян Г.Г.</i> Созидательная роль Иосифа Аргутинского на Юге России	25
<i>Арутюнян М.Л.</i> Вклад представителей армянской общины в развитие сферы образования России.....	29
<i>Арутюнян М.</i> Научная деятельность армянских просветителей-арцахцев в первой половине XIX в.	33
<i>Афанасенко В.И.</i> Армянские дивизии в сражениях на Кавказе	35
(К 75-летию битвы за Кавказ. 1942–1943 гг.)	35
<i>Баев Н.К., Судоргин Н.Г.</i> Родник на территории бывшего завода «Красный Аксай»: история и современность в контексте истории донских армян.....	39
<i>Баласанян Г.А.</i> Русская революция и армянский вопрос 1917–1918 гг.	41
<i>Батиев А.В.</i> Попытки восстановления полиции в Нахичевани-на-Дону	43
<i>Братолобова М.В.</i> Общественные организации Нахичевани-на-Дону в конце XIX – начале XX в.	46
<i>Вардазарян С.С.</i> Роль общественных организаций Республики Армения в укреплении армяно-российских взаимоотношений	50

<i>Вардамян С.В.</i> Художественное убранство Армянских церквей Армавира. Прошлое и настоящее	53
<i>Гарабедян А.</i> Геноцид и расселение армян. Формирование, институционализация и развитие армянского общества в Болгарии (1895–1944 гг.)	57
<i>Геворкян М.</i> Евразийский экономический союз как новая платформа для армяно-российских отношений.....	60
<i>Головлёв А.А.</i> Памяти грозненского геолога Г.А. Дунямалова.....	63
<i>Давтян Д.А.</i> К вопросу о характере некоторых арменоведческих исследований на Украине и в Армении.....	65
<i>Давыдова Т.Т.</i> Роль армянской общины в городском самоуправлении Дагестанской области в конце XIX – начале XX в.	69
<i>Далалян Т.С.</i> Некоторые вопросы этнокультурной истории арраноязычных армян	73
<i>Джунджужов С.В.</i> Административная высылка армян в Оренбургскую губернию в начале XX века как реакция на противодействие политике имперской аккультурации в Закавказье	77
<i>Егиазарян К.А.</i> Генерал Василий (Барсег) Бебутов в Крымской (Восточной) войне	81
<i>Еприкян А.М., Вирабян В.Г.</i> Республика Армения и военно-политические отношения на Юге России в 1918–1920 гг.....	84
<i>Зинуров Р.Н.</i> К вопросу о предыстории армянской историографии в России.....	88
<i>Зулумян Б.С.</i> Реалии Нового Нахичевана и Ростова в повести «Перемена» Мариэтты Шагинян	92
<i>Иванцов И.Г.</i> Армянский район Майкопского округа Северо-Кавказского края. Первые шаги	95
<i>Казаров С.С.</i> Попытка захвата городских земель Нахичевани-на-Дону в 1913 г.	99
<i>Карапетян Л.А.</i> К вопросу о воззрениях С.Г. Шаумяна по национальному вопросу в 1902–1914 гг.	102
<i>Карапетян Р.</i> Роль армянской общины России в развитии межгосударственных отношений между Арменией и Россией	106
<i>Кедрова И.В., Судоргин Н.Г.</i> Комплекс экскурсионных маршрутов по культовым местам донских армян	110
<i>Колесов В.И.</i> Горские армяне, черкесогаи, эрмелы: дискурсивные практики	

и наименование группы адыгоязычных армян	112
<i>Комсолова Р.</i> Армянская апостольская церковь и ее роль в жизни армян в Болгарии	115
<i>Ктиторов С.Н.</i> Судьба объектов культурного наследия черкесских армян Армавира: гибель особняка купца П.Г. Каспарова	119
<i>Лазарян С.С.</i> Армяне в кавказской политике императора Николая I	122
<i>Любичанковский С.В.</i> «Он в край степной пришел издалека»: Ваан Терьян на Оренбургской земле	126
<i>Малоян А.М.</i> Об обстоятельствах возникновения и существования армянской государственности в Западной Армении (вторая половина XVIII в.)	130
<i>Масловский А.Н.</i> Армяне в золотоордынском Азаке	133
<i>Месропян А.</i> Роль Нового Нахичевана в развитии армянской диалектологии.....	136
<i>Минасян А.А.</i> Некоторые особенности социокультурного портрета армянина в исследованиях американских миссионеров XIX в.....	140
<i>Мирзоян К.А.</i> Армянская апостольская церковь и ее роль в жизни армянской диаспоры, культурно-нравственном развитии армян и сохранении национальной идентичности	143
<i>Назарьян Р.Г.</i> Отец Рубен Бекгульянц: жизнь и деятельность патриота	146
<i>Пилюян Л.</i> Архитектор Ваган Каркарьян – защитник Самары	151
<i>Погосян С.А.</i> Армянские деятели России об автономии Западной Армении в 1914–1915 гг.....	155
<i>Погосян Г.Г. (Хахбакян)</i> К вопросу атрибуции некоторых портретов представителей армянских родов XVIII–XIX вв. в музеях России.....	158
<i>Саргсян Т.Э.</i> Пять церквей армян Симферополя.....	161
<i>Саркисян Л.О.</i> Армянская диаспора России в контексте политики идентичности Российской Федерации и Республики Армения	165
<i>Свазлян В.Г.</i> Армянское устное народное творчество Новой Нахичевани.....	169
<i>Сивков С.М.</i> Армянский район Краснодарского края: год 1943	172
<i>Степаняни С.М.</i> Новонахичеванская и Бессарабская епархия в 1917– 1920 гг.	175

<i>Суздальцева И.А., Аганесова Д.В.</i> Особенности правового положения армянской общины Кизляра в XVIII – первой половине XIX в.	178
<i>Суций С.Я.</i> Социофессиональные ориентации армян Ростовской области: тенденции постсоветского периода (на материалах ряда статусных профессиональных сообществ)	182
<i>Тер-Акопян В.А.</i> Характеристика армянской диаспоры в России	186
<i>Тер-Саркисянц А.Е.</i> Культурное наследие армян в Крыму	189
<i>Тикиджьян Р.Г.</i> Отражение исторических реалий Революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. на Дону и Юге России в произведении М.С. Шагинян «Перемена»	193
<i>Тунян В.Г.</i> Армяне Нового Нахичевана в мифотворчестве.....	197
<i>Узнародов Д.И.</i> Нагорно-Карабахская Республика как субъект международного права: проблемы и перспективы	199
<i>Карен Хамада, Рёко Исака.</i> Венеция, Крым и Кавказ – путешествие Минаса Бжишкяна в его сочинении «История Понта»	202
<i>Хатламаджиян А.С.</i> Армянские поселения на Дону – забытые уголки....	205
<i>Чолахян В.А.</i> Армяне в системе медицины и здравоохранения Саратовского края	209
Список авторов.....	214

Научное издание

**Армяне Юга России:
история, культура, общее будущее:**

материалы III Международной научной конференции
(г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.)

Зав. редакцией *Е.Э. Кириллова*
Техническая редакция: *А.С. Бабаева, С.А. Шестак, А.А. Яковлева*
Верстка *С.А. Шестак*

Подписано в печать 18.05.2018
Гарнитура Warnock Pro. Формат 70 × 100/16
Тираж 100 экз. Усл.п.л.

Издательство Южного научного центра РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано DSM
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. (863) 263-26-38